

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

ISSN 2949-1819 (Online)

№ 2(3) – 2023

7

Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира

59

Гносеологический потенциал юридической антропологии в контексте проблем правогенеза

126

Обзор Юбилейной осенней научной сессии «Культурно-исторические традиции права»

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Praesens rege Corrigere praetertum
12+ Praesens rege Praesens rege Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 2(3) – 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки.
Приоритетными направлениями исследований для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований.
Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Дата выхода в свет номера: 15.11.2023

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2023

Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journalac.ru>
E-mail: journalac@mail.ru
Issue publication date: 15.11.2023

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, доктор юридических наук, профессор, Высшая школа экономики (Россия, г. Москва); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Старилов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Higher School of Economics (Russia, Moscow)*; **Arhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Разуваев Н. В.</i> Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира	7
<i>Раззоков Б. Х.</i> Об антропологических аспектах в административном нормотворчестве	34
<i>Шатковская Т. В.</i> Нравственные начала традиционных правовых представлений великорусских крестьян	43
<i>Калинина Е. Ю.</i> Конструирование империи в средневековой Испании как технология формирования государственно-правовой идентичности	51
<i>Шепталин А. А.</i> Гносеологический потенциал юридической антропологии в контексте проблем правогеиза	59
<i>Есаева Е. А., Май Ван Тханг.</i> Влияние этнических начал на формирование колониального законодательства и судебной системы протектората Тонкин	67

ОСОБЫЙ РАКУРС: АРХАИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ ПРАВА

<i>Сазонникова Е. В.</i> Памятники памятникам права	74
---	----

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Ситников К. А.</i> Правосознание чинов уездной полиции Российской империи как идеологический источник права в начале XX века	88
<i>Диденко М. С.</i> Революционное правосознание как источник советского права 20-х годов XX века	94
<i>Баева А. В.</i> Правовой плюрализм как характерная черта обычного права западных адыгов во второй половине XIX – начале XX века	103
<i>Иллюк П. А.</i> Шэньчжэнь как точка воссоединения материкового Китая, Гонконга, Макао: историко-правовой анализ	112
<i>Зубрик Д. А.</i> Значение термина «закон» в контексте презумпции знания закона	120

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Малиновская Н. В.</i> Обзор Юбилейной осенней научной сессии «Культурно-исторические традиции права», посвященной 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета (25 ноября – 16 декабря 2022 г.)	126
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

Работы победителей студенческого конкурса
«Цивилизационные исследования государственности»

<i>Рыльков М. М.</i> Проблемы и преимущества механизма управления древневосточного государства	163
<i>Чеботарев Д. А.</i> Идеологические начала деспотической власти в Древнем Китае	173
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	180

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Razuvaev N. V.</i> The law-making effect of writings of Roman lawyers in the legal tradition of the Ancient world	7
<i>Razzokov B. H.</i> About anthropological aspects in administrative law-making.....	34
<i>Shatkovskaya T. V.</i> Moral principles of traditional legal ideas of Great Russian peasants	43
<i>Kalinina E. Yu.</i> Empire construction in Medieval Spain as a technology for the formation of state-legal identity.....	51
<i>Sheptalin A. A.</i> Epistemological potential of legal anthropology in the context of problems of law genesis.....	59
<i>Yesaeva E. A., Mai Van Thang.</i> The influence of ethnic principles on the formation of colonial legislation and the judicial system of the Tonkin Protectorate	67

SPECIAL PERSPECTIVE: ARCHAIC AND MODERNITY

<i>Sazonnikova E. V.</i> The monuments to the monuments of law	74
--	----

PAGE OF THE YOUNG SCIENTISTS

<i>Sitnikov K. A.</i> The legal consciousness of the ranks of the District Police of the Russian Empire as an ideological source of law at the beginning of the XX century	88
<i>Didenko M. S.</i> Revolutionary legal consciousness as a source of Soviet law in the 1920 th	94
<i>Baeva A. V.</i> Legal pluralism as a characteristic feature of customary law of Western Adyghes in the second half of the 19 th century early 20 th century.....	103
<i>Illyuk P. A.</i> Shenzhen as a point of reunification of mainland China, Hong Kong, Macau: historical and legal analysis	112
<i>Zubrik D. A.</i> The meaning of the term “law” in the context of the presumption of knowledge of the law	120

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Malinovskaya N. V.</i> The review of the Anniversary Autumn Scientific Session “Cultural and Historical Traditions of Law”, dedicated to the 60 th anniversary of the Chamber of Theory and History of State and Law of Voronezh State University (November 25 – December 16, 2022).....	126
--	-----

SUPPLEMENT TO THE JOURNAL

The works of the winners of the Students' Competition “Civilizational Studies of Statehood”

<i>Rylkov M. M.</i> The problems and the advantages of the governance mechanism of the Ancient Eastern state	163
<i>Chebotaryov D. A.</i> The Ideological grounds of the despotic power in Ancient China	173
INFORMATION FOR AUTHORS	180

УДК 340.152

ПРАВОТВОРЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЮРИСТОВ В ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОГО МИРА

Н. В. Разуваев

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург)

Поступила в редакцию 25 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье с позиций постклассического правопонимания рассматривается правовая доктрина как источник римского частного права. По мнению автора, правотворческое значение сочинений римских юристов в полной мере объясняется с учетом историко-типологических характеристик античной правовой традиции. Речь идет, прежде всего, о таких специфически присущих ей признаках, как партикуляризм, неразвитость нормативного начала и отсутствие системного единства правопорядка.

Как показано в работе, основными средствами конструирования правопорядка античного Рима являлись не правовые нормы, а субъективные права и обязанности. В этих условиях трудно переоценить правотворческое значение юридической доктрины, в задачи которой входило описание, систематизация и типизация субъективных прав участников юридического процесса. На основе проведенного исследования автор делает вывод о том, что в современном обществе юридическая наука далеко не исчерпала своего правотворческого потенциала, особенно в сфере гражданского права и иных частноправовых отраслей.

Ключевые слова: правовая традиция, римское право, источники права, доктрина, естественное право, правовая коммуникация, субъективные права.

© Разуваев Н. В., 2023

THE LAW-MAKING EFFECT OF WRITINGS OF ROMAN LAWYERS IN THE LEGAL TRADITION OF THE ANCIENT WORLD

N. V. Razuvaev

*North-West Institute of Management, Russian Academy of National Economy
and Public Administration (St. Petersburg)*

Abstract: the article considers legal doctrine as a source of Roman private law from the position of post-classical legal understanding. According to the author, the law-making value of the writings of Roman lawyers is fully explained by considering the historical and typological characteristics of the ancient legal tradition. We are talking, first, about such specific features of it, as particularism, underdeveloped normative principle and the absence of a systemic unity of law and order.

As shown in the work, the main means of constructing the legal order of ancient Rome were not legal norms, but subjective rights and duties. In these conditions it is difficult to overestimate the law-making value of legal doctrine, whose tasks included description, systematization and typification of subjective rights of legal participants. On the basis of the study the author concludes that in modern society the legal science is far from exhausting its law-making potential, especially in the civil law and other private law branches.

Key words: legal tradition, Roman law, sources of law, doctrine, natural law, legal communication, subjective rights.

1. Введение

В истории права, как и в истории правовой науки, римская юриспруденция, по мнению исследователей, занимает одно из ключевых мест, привлекая к себе внимание со стороны не только юристов-романистов, но и специалистов в области современного гражданского, международного и отчасти конституционного права, а также иных отраслевых юридических дисциплин. Актуальность и непреходящее значение результатов творческой деятельности классических римских юристов для современных правопорядков обусловлены целым рядом обстоятельств, определяющих необходимость дальнейшего изучения доктринальных юридических текстов в контексте идей, развиваемых представителями пост-классического правопонимания¹.

В рамках античной правовой традиции именно римская юриспруденция впервые институционализировалась в качестве науки, хотя бы

¹ Об основных положениях постклассического правопонимания см. подробнее: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 105–116; Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание : избр. труды. СПб., 2014. С. 11–33; Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016.

и специфической, положив тем самым начало очередному этапу эпистемологической эволюции, следующему за богословской и философско-метафизической стадиями. При этом следует подчеркнуть, что, рассматривая в исторической ретроспективе научное познание в качестве одного из этапов эволюции и роста человеческого знания², мы не исходим ни из априорного превосходства науки над всеми прочими видами познания, как утверждал в свое время О. Конт³, ни тем более из гносеологической «взаимодополняемости» метафизики, науки и религии, как делают некоторые современные авторы, например, историк права Г. Берман⁴.

Постклассический подход, развиваемый нами, безусловно, не предполагает равноправия предметов познания теологии, философии и науки, ибо познавать, строго говоря, возможно лишь феномены, укорененные в реальности, а не вымышленные сущности или отвлеченные умозрения. Тем не менее, имеются достаточные основания вести речь о том, что методология рационального познания, включающая в себя совокупность рефлексивных способов получения знаний, как бы ни понимать это последнее, в равной мере может реализоваться в рамках теологического, философско-метафизического и научного дискурсов. Исходя из этого, можно, хотя и с существенными оговорками, уравнивать в познавательном смысле сочинения Аристотеля, богословские трактаты Фомы Аквинского или Ж. Кальвина с работами И. Ньютона и современных ученых, противопоставляя их системам повседневного здравого смысла, а также мифопоэтическим образам, выполняющим функции, принципиально отличные от эпистемологических⁵.

Одновременно нельзя не увидеть известной преемственности, связующей рассмотренные виды знания с допредикативными способами объяснения эмпирической реальности, каковыми являются здравый смысл и поэтические образы, выступающие отправными точками для любого познания. Поэтому можно согласиться с К. Поппером, считавшим, что, по мере накопления фактических данных, здравый смысл, утрачивая объяснительную силу, «либо претерпевает соответствующее исправление, либо мы выходим за его пределы и заменяем его теорией... Если для понимания такой теории нужна достаточно длительная подготовка, может оказаться, что она так и не будет усвоена здравым смыслом. Однако даже и в этом случае можно требовать, чтобы мы попытались как мож-

² См. об этом: *Поппер К. Р.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 325.

³ См.: *Конт О.* Курс положительной философии : в 6 т. СПб., 1900. Т. I, Философия математики. С. 4–8.

⁴ См.: *Берман Г. Дж.* Вера и закон : примирение права и религии. М., 1999. С. 374–378.

⁵ См. об этом: *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1998. С. 234 и след.

но больше приблизиться к идеалу: *всякая наука и всякая философия есть просвещенный здравый смысл*⁶.

2. Культурно-историческая роль правовой науки Древнего Рима

Подобно любым другим ранним формам познания, римская юриспруденция представляла собой первичную научную теорию, еще не вполне свободную от оков допредикативного мышления. С этим, на наш взгляд, и связаны сущностные признаки, прежде всего, ведущая регулятивная роль юриспруденции, неотделимая от ее познавательной функции, что объясняется культурно-историческими особенностями не только римской юридической науки, но и античной правовой традиции в целом. Таким образом, изучение правотворческой деятельности римских юристов способно, помимо всего прочего, пролить свет на понятие и смысл достаточно неоднозначной категории правовой традиции, а также на ее соотношение со смежными понятиями, в том числе такими, как правопорядок, правовая реальность, правовая система, правовая семья, правовые стили и т.п.⁷

Так, заслуживает особого внимания плюрализм правовых традиций, особенно наглядно проявляющий себя в диахронной ретроспективе, причем рассмотрению подлежат не только уникальность, специфичность и оригинальность культурно-исторических признаков, на основе которых эти традиции выделяются, но и преемственность, взаимодействие, скрещивание различных традиций⁸, вполне сопоставимые с аналогичными процессами, происходящими в лингвистической сфере⁹. Представляется, что причиной взаимовлияния традиций служит существование семантических универсалий, обусловленных единством человеческой природы, проявляющимся как в языках, так и в правовых системах, и приводящим к их сближению во всемирном масштабе¹⁰.

Одной из универсалий такого рода выступает неизбежность доктринального правотворчества на известном этапе эволюции правопорядка.

⁶ *Поппер К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 42.

⁷ См., например: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права : эпоха формирования. Изд. 2-е. М., 1998. С. 37; *Цвайгерт К., Кёту Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 2000. Т. I, Основы. С. 108–109; *Лафитский В. И.* Сравнительное правоведение в образах права. М., 2010. Том первый. С. 96 и след.; *Дорская А. А.* Правовые традиции России в контексте национального и международного правового развития // Вестник РГНФ. 2016. № 3–4. С. 92 и др.

⁸ См., например: *Сорокина Ю. В.* Социально-правовое устройство праславян : индоевропейские традиции // История государства и права. 2021. № 12. С. 59–66.

⁹ См.: *Марр Н. Я.* К происхождению языков // Марр Н. Я. Избранные работы. Л., 1933. Т. I, Этапы развития яфетической теории. С. 218.

¹⁰ См., в частности: *Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Р.* Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. V, Языковые универсалии / под ред. Б. А. Успенского. М., 1970. С. 31.

При этом юридические доктрины, с одной стороны, возникают параллельно и независимо друг от друга (хотя и не одновременно) в различных культурах, выступая показателем их стадийной близости, а с другой стороны, приобретают способность к взаимовлиянию и взаимному обогащению, что, в свою очередь, создает предпосылки для перехода на новый, более высокий, уровень научного знания. Так, именно римская юриспруденция, возникшая, видимо, ранее других доктринальных традиций¹¹, со временем оказала мощное интеллектуальное воздействие не только на юридическую доктрину средневековой Западной Европы, но отчасти и на неевропейские правовые традиции (прежде всего, на исламское право, а также на иудейскую галахическую традицию)¹².

Рассмотрение всех перечисленных выше вопросов позволяет решить – на конкретном примере римской юриспруденции – главную проблему, представляющую значительный интерес как для истории, так и для общей теории права. Суть ее состоит в том, чтобы рассмотреть констелляцию факторов, при которой доктринальные юридические тексты, обладающие в современных условиях преимущественно пропозициональной релевантностью¹³, приобретают, наряду с нею, и перлокутивный эффект¹⁴, т.е. способность оказывать обусловленное коммуникативным заданием воздействие на поведение участников правовой коммуникации¹⁵.

¹¹ По мнению К. Цвайгерта и Х. Кётца, более древней являлась индусская правовая доктрина, возникшая между 800 и 200 гг. до н.э. (см.: *Цвайгерт К., Кётц Х.* Указ. соч. С. 465). Однако самые ранние из дошедших до нас текстов, содержащих в себе предписания индусского права, были составлены в начале II в. н.э., т.е. одновременно с трудами классических римских юристов. Своего же расцвета индусская правовая доктрина достигла лишь к VII в., когда был сведен воедино комплекс трактатов, приписываемых Яджнавалкье (Yājñavalkya Smṛiti). Но даже и в них собственноручно юридические положения были буквально растворены во множестве различного рода религиозно-культурных и этикетно-бытовых предписаний, что не позволяет вести речь о правовой доктрине индуизма как о сложившемся и самостоятельном культурно-историческом феномене, сопоставимом по своему историческому значению с римской или исламской юриспруденцией.

¹² См.: *Шахт Дж.* Происхождение мусульманской юриспруденции. М., 1950; *Amos S.* History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence. Littleton, 1987; *Crone P.* Roman, Provincial and Islamic law : The Origins of the Islamic Patronate. Cambridge, 2002; *Бехруз Х. Н.* Римская юриспруденция и исламская правовая доктрина : сравнительно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2013. № 12(67). С. 113.

¹³ О пропозициональной значимости научного нарратива как необходимой предпосылке реализации его когнитивной функции см., в частности: *Гусаренко С. В.* Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 4. С. 180.

¹⁴ См.: *Остин Дж. Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII, Теория речевых актов. С. 93.

¹⁵ См. об этом: *Поляков А. В.* Принцип взаимного правового признания : российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16, № 6. С. 56.

Иными словами, комплексное изучение сочинений римских юристов позволяет объяснить важную особенность, присущую доктринальным юридическим текстам, а именно единство дескриптивного и прескриптивного аспектов, позволяющее доктринальному дискурсу являться не только способом познания правовой реальности, но и источником права в формально-юридическом смысле. Эта роль доктрины, к сожалению, до сих пор не получила удовлетворительного объяснения в рамках догматической общей теории права, сосредоточенной преимущественно на рассмотрении официальных нормативных документов и игнорирующей всю совокупность юридических текстов, правотворческое значение которых не вполне объясняется теми признаками (а именно нормативностью, письменно-документальной фиксацией, официально-волевым характером и т.п.), которые им зачастую приписывают¹⁶.

В результате оказывается недооцененной и возможность юридической науки выступать в качестве источника права и в современном правопорядке. Между тем опыт ряда национальных систем, в том числе принадлежащих к романо-германской правовой семье¹⁷, свидетельствует, что нормотворческий потенциал юридической доктрины еще далеко не исчерпан¹⁸. Более того, в условиях цифровой трансформации общественных отношений расширение сферы применения доктринальных, юридико-научных положений становится важной практической задачей. На наш взгляд, рассмотрение правотворческого значения произведений юристов в общем культурно-историческом контексте античной правовой традиции способно внести существенный вклад в исследование данной проблемы.

3. Эпистемологическая функция сочинений римских юристов

Регулятивное значение доктринальных юридических текстов неразрывно связано с их эпистемологической функцией и обусловлено особенностями предмета, методологии и базовых мировоззренческих установок, принятых в науке на том или ином этапе развития. При этом необходимо учитывать комплексный характер познания, включающего в

¹⁶ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 428.

¹⁷ См., например: Емелин М. Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015; Котлова А. В. Доктрина как источник права во Франции // Евразийский юридический журнал. 2018. № 10 (125). С. 43–45.

¹⁸ Свидетельством чему являются предложения признать доктрину источником действующего российского права, хотя бы и субсидиарным. См.: Сырых В. М. Проблемы теории государства и права. М., 2008. С. 252; Малиновский А. А. Доктрина как источник уголовного права (Сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1. С. 11; Малько А. В., Храмов Д. В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 36–39; Овчинников А. И., Долгатова А. О., Фатхи В. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 61.

себя упорядоченную систему философских представлений о реальности в целом, а также естественно-научные и социально-гуманитарные теории. Исходя из этого, можно утверждать, что римская юриспруденция с самого момента своего возникновения в конце III в. до н.э. испытывала определяющее влияние со стороны древнегреческой философии (прежде всего, Аристотеля и ранних стоиков)¹⁹, геометрии Евклида и учения александрийских грамматиков, следовавших в русле картины мира, созданной Аристотелем и стоиками²⁰.

Фундаментальный подход, определявший строение этой картины, можно выразить следующим образом: описание фактов на базе общих принципов. Принято считать, что такой дедуктивный метод, нашедший свое наиболее последовательное обоснование в сочинениях Платона (которые, впрочем, не оказали заметного влияния на римскую юриспруденцию), практически безраздельно царил в античной науке²¹. Однако более детальное рассмотрение проблемы заставляет усомниться в справедливости этой точки зрения, поскольку даже аксиоматический метод, применявшийся Евклидом и другими древнегреческими математиками, отнюдь не всегда предполагал формулирование частных выводов на основе общих утверждений. Легко убедиться в том, что античная наука, включая науку юридическую, руководствовалась, скорее, абдуктивным методом познания, в наибольшей степени соответствовавшим стадильно-типологическим характеристикам античного мышления.

Цель «абдуктивного мышления», согласно выражению Ч. С. Пирса, состояла в поиске наиболее правдоподобного, т.е. релевантного совокупности эмпирически наблюдаемых фактов, объяснения этих последних²². Таким образом, в древнегреческой математике общезначимые утверждения (аксиомы) были функционально связаны с подлежащими доказыванию теоремами и практически значимыми частными случаями. Точно так же римские юристы использовали общие принципы (*definitiones*) для обоснования суждений (*responsa*), выносимых по частным правовым вопросам (*quaestiones*), которые рассматривались или теоретически могли

¹⁹ Показательно, что конкретно научные штудии как последователей Аристотеля, так и стоиков реализовывались в трех основных направлениях, а именно в математическом, логико-лингвистическом и правовом. Причем, при всех доктринальных расхождениях, теории, создаваемые в указанных сферах, отличались идейной и методологической однородностью, что позволяет говорить о существовании единой парадигмы в античной науке, распространявшей свое действие на все тогдашние области знания. См.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 565 и след.; Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности. СПб., 2002.

²⁰ См.: Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1(23). С. 198–220.

²¹ См., например: Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 31.

²² См.: Pierce C. S. Three Types of Reasoning // Pierce C. S. The Collected Papers. Cambridge (Mass.), 1931. Vol. V, Pragmatism and Pragmaticism. P. 171.

рассматриваться в судах²³. Иными словами, античное правовое мышление, столь ярко и выпукло представленное в доктринальных юридических текстах, имело не столько теоретический, сколько прикладной характер.

В силу этого и древнегреческие ученые, и римские юристы не скрывали своего недоверия к утверждениям общего характера, воспринимая их лишь в качестве эвристических приемов решения конкретных задач²⁴. Так, неоплатоник Прокл (V в.) утверждает, что в математических трактатах следует сначала излагать задачи на построение, и лишь затем, руководствуясь полученными наглядными представлениями, доказывать теоремы, поскольку «задачи открывают те предметы, признаки которых затем отыскиваются в теоремах. Предложения задач являются простыми, вовсе не требующими технических знаний... Но для теорем они являются трудными, требующими множества тонкостей и научного суждения, и зачастую они не изобилуют ясностью и страдают недостатком истины (ἴνα μήτε πλεονάζουσα φαίνεται μητ' ἐλλείπουσα τῆς ἀληθείας)»²⁵.

Аналогичные суждения неоднократно высказывались и римскими юристами, в частности, Яволеном, по мнению которого, «в гражданском праве всякое определение опасно, ведь недостаточно того, чтобы оно не могло быть опровергнуто»²⁶. Согласно не менее известному утверждению Павла, «правило – это то, что кратко описывает существующее понятие. Не из правила формируется право, но из действующего права создается правило»²⁷. В своей деятельности юристы руководствовались своеобразной конвенциональной теорией истины²⁸, вполне согласующейся с практическими задачами, стоявшими перед ними, в том числе сформули-

²³ Метод описания с преимущественной опорой на частные случаи (казусы) был воспринят римскими юристами у теоретиков ораторского искусства, в частности, у Цицерона, Сенеки Старшего, Квинтилиана и др., чьи контroversии во многом послужили образцами для решения судебных споров, доведенного до совершенства римскими магистратами, а вслед за ними и юристами. См.: *Смирин В. М.* Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (по «Контroversиям» Сенеки Старшего) // Вестник древней истории. 1977. № 1. С. 95–113.

²⁴ См. подробнее: *Полдников Д. Ю.* Проблемы определения правового принципа в европейской юриспруденции // Вестник НГУ. Сер.: Право. 2011. Т. 7, вып. 1. С. 7–8.

²⁵ *Прокл Диадох.* Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. М., 2013. С. 213.

²⁶ *Iav. 11 epist., D. 50.17.202: Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti posset.*

²⁷ *Paul. 16 ad Plaut., D. 50.17.1: Regula est, quae rem quae et breviter enarrat. Non ex regula ius sumatur, sed ex iure quod est regula fiat.*

²⁸ Примечательно, что конвенционалистской теории истины, развивавшейся римскими юристами, уже в XX в. был придан новый импульс усилиями А. Пуанкаре, полагавшего, что исходные аксиомы являются во многом условностями, принимаемыми за отправную точку математических выводов по соглашению ученых. Отсюда Пуанкаре делает вывод о сконструированности математических истин, что позволяет видеть в нем одного из родоначальников современного конструктивистского подхода в математике. См.: *Пуанкаре А.* Наука и метод. Одесса, 1910. С. 17.

ровать доктринальные позиции, которые могут быть приняты за основу при вынесении судебного решения. Последние, естественно, не могут служить инструментами научного познания «объективной истины» в силу ее сложности и неоднозначности.

По мнению римских юристов, в суде истинным считается то утверждение, доказательство которого безупречно, с процедурной точки зрения. В доктринальных юридических текстах классического периода получает предельно ясное выражение мысль о том, что судебное решение принимается за истину не потому, что оно и в самом деле таково, но потому что участники тяжбы признают истинным доказанное в суде. Не случайно один из фрагментов Ульпиана, приведенный в Дигестах, гласит: «Мы должны считать свободнорожденным даже и того, которого таковым признает суд, хотя бы он был вольноотпущенником, ибо судебное решение принимается за истину»²⁹.

Таким образом, исходным пунктом в исследованиях античных ученых являлись не суждения универсально-всеобщего характера, а минимальные значащие элементы эмпирической реальности³⁰, в качестве которых выступали для математиков точки и линии, для лингвистов морфемы и слова, а для юристов – конкретные жизненные ситуации (казусы) и непосредственно связанные с этими ситуациями субъективные права и обязанности. Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что римские юристы совершенно чуждались обращения к общим вопросам, а также использования для обоснования собственных концепций философских (в том числе натурфилософских) идей.

Так, у ранних стоиков, прежде всего у Хрисиппа из Сол³¹, творческая деятельность которого приходилась на III в. до н.э., римские юристы заимствовали не только общее правопонимание³², но и концепцию так называемых «бестелесных вещей» (*res incorporales*), ставшую результатом своеобразного переосмысления стоической идеи о материальности человеческой души и иных психических явлений (*Tert. de anim. 5; Alex. Aphrodis. de anim. 18. 10 sqq.*). Примечательно, что дихотомия телесных и бестелесных вещей, предложенная юристами, оказала влияние на дефиниции позднеантичных лингвистов, таких как Харисий (IV в.), чья *Ars grammatica*

²⁹ Ulp. 1 ad leg. Iul. et Pap., D. 1.5.25: Ingenius accipere debemus etiam eum, de quo sententia lata est, quamvis fuerit libertinus: quia res iudicata pro veritate accipitur.

³⁰ См. об этом, в частности: Драчева Н. В. Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона “De Lingua Latina” // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Культурология. Языкознание. 2014. № 8(130). С. 182.

³¹ В Дигестах Юстиниана присутствует ряд отсылок к сочинениям Хрисиппа, пользовавшегося у римских юристов большим авторитетом. Не случайно Марциан (D. 1.3.2) называет его «философом, отличавшимся величайшей стоической мудростью (*philosophus summae stoicae sapientiae*)».

³² См.: История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1985. С. 301.

впоследствии послужила одним из образцов при составлении нормативных грамматик новоевропейских языков³³. Из натурфилософии стоиков (Plut. de defect. orac. 426a) римскими юристами было усвоено и широко применявшееся деление вещей по их составу на простые (corpora unita), сложные (corpora composita) и собирательные (universitates)³⁴.

Вместе с тем по ряду практических вопросов юристы в полемике стоиков с последователями Аристотеля присоединялись к мнению последних. Одним из примеров такого рода служит знаменитый спор о смешении тел. Как известно, родоначальники стоического учения, прежде всего Клеанф и Хрисипп, руководствуясь представлением о «космической симпатии» тел, полагали, что под воздействием вселенского первоначала-пневмы тела обладают способностью проникать друг в друга, соединяя свою материю, а это дает им возможность расти (Alex. Aphrodis. de mixt. p. 216, 14 Bruns; Nemes. de nat. 2)³⁵. Нетрудно заметить, что стоики исходили из первичности материального субстрата (ὑλη) при описании процесса смешения вещей. По их мнению, в результате такого смешения вещь претерпевает существенные изменения, поскольку присоединяемая материя не только увеличивает вещь, но и приводит к ее качественной трансформации.

Против этого воззрения решительно выступал один из наиболее влиятельных позднеантичных перипатетиков, Александр Афродисийский (III в.), развивавший в своих сочинениях аристотелевскую идею о примате формы (μορφή) над материей. Полемизуя со стоиками, Александр писал (Alex. Aphrodis. de mixt. p. 233, 14 Bruns), что, доказывая взаимопроникновение тел, они «приводят в пример рост живых существ, происходящий благодаря питанию. Действительно, рост вызывается приемом пищи, и если растущее прирастает повсюду, значит, и пища усваивается повсюду... Однако, дабы показать, что питание и возрастание происходит отнюдь не таким образом (ведь то, что невозможно, не происходит), я намерен изложить учение Аристотеля о возрастании и питании»³⁶. Эта, на первый взгляд, чисто догматическая дискуссия оказалась для юристов весьма полезной при решении целого ряда практических вопросов, в том числе о приобретении права собственности на переработку (specificatio), об определении долей в общей собственности и о разделе последней.

³³ См.: Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. Л., 1936. С. 119.

³⁴ См.: Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. М., 1999. Т. II, Хрисипп из Сол. Ч. 1, Логические и физические фрагменты. С. 197–198.

³⁵ См.: Столяров А. А. Хрисипп из Сол // Философская антропология. 2020. Т. 6, № 2. С. 141.

³⁶ Цит. по: Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. М., 2002. Т. II, Хрисипп из Сол. Ч. 2, Физические фрагменты. С. 71.

Трактуя указанные вопросы, римские юристы демонстрировали не только изоощренные логические навыки, но и блестящее знакомство с древнегреческой физикой, прежде всего с учениями Аристотеля и стоиков. Потребность в решении практических задач, в том числе в формировании единообразной доктрины, пригодной для правоприменительных и дидактических целей, заставляла юристов классического периода сочетать элементы стоицизма и аристотелизма, что привело в III в. к преодолению идейных противоречий между сабинианцами, придерживавшимися учения Аристотеля, и прокулианцами, являвшимися последователями стоицизма³⁷. Этому «позднеклассическому синтезу» в юриспруденции отчетливо коррелирует последовательное согласование на более высоком уровне теоретического обобщения позиций аномалистов и аналогистов в учениях грамматиков IV–V вв. Диомеда, Харисия и Присциана³⁸.

Да, собственно, и сами противоборствующие учения стоиков и перипатетиков, постепенно сближаясь по многим позициям, в дальнейшем сделались частью всеобъемлющего неоплатонического мировоззрения, влиянием которого отмечены последние века истории античной культуры³⁹. Возвращаясь же к предмету настоящего исследования, можно сделать вывод о том, что формирование унифицированного исследовательского дискурса на базе различных, в том числе противоречащих друг другу, философских доктрин путем устранения этих идейных противоречий в практической плоскости не только послужило мощным импульсом для развития античной (а затем и западной) традиции права, но и явилось одной из причин, обусловивших уникальную правотворческую миссию сочинений римских юристов.

4. Античная правовая традиция и ее стадияльно-типологические особенности

Правотворческое значение сочинений юристов обусловлено не только их научной, познавательной ценностью, о которой шла речь ранее, но и общеисторическим контекстом, а именно стадияльно-типологическими характеристиками античной правовой традиции, для которой доктрина выступала одним из наиболее важных источников права как в идейном, так и в формально-юридическом смыслах. Вообще следует отметить,

³⁷ См.: Истоки и источники права : генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2022. С. 261–262. Обращает на себя внимание, что в процитированном выше отрывке Павел поддерживает мнение Прокула, в соответствии с которым «мы должны пользоваться тем правом, которое одобрили Сервий и Лабен (Proculus indicat hoc iure nos uti, quod Servio et Labeoni placuisset)».

³⁸ См.: Мажуга В. И. Диомед и Харизий о лексической норме // Colloquia classica et indo-europaeica. II. Классическое и индоевропейское языкознание / под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2000. С. 74–85.

³⁹ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Харьков ; М., 2000. С. 214.

что динамическое измерение правопорядка и его контекстуальная обусловленность, воплощенные в понятии правовой традиции, приобретают особое значение для постклассического правопонимания, основная идея которого состоит в том, что способность тех или иных символических форм (текстов) выступать источниками права обусловлена не столько официально-волевым характером соответствующих текстов, сколько их коммуникативной релевантностью.

Отсюда следует весьма важный вывод о том, что формально-юридические источники приобретают правотворческие свойства не априори, но под влиянием ряда закономерностей эволюции правопорядков и на определенной ступени этой эволюции. При этом, подобно всякому приобретенному признаку, способность юридических текстов создавать право наследуется в диахронной перспективе, обуславливая как историческую специфику, так и преемственность соответствующих правопорядков и связанных с ними правовых традиций. Как известно, гипотеза о наследовании приобретенных признаков, впервые выдвинутая Ж. Б. Ламарком и получившая крайне неоднозначную оценку со стороны его современников, нашла развитие в рамках культурологической науки XX столетия, создавшей продуктивную концепцию социокультурной эволюции, для которой приобретение новых признаков и их наследование эволюционирующими системами является одним из важнейших движущих факторов прогресса.

Подобного мнения придерживался, в частности, Ф. А. Хайек, считавший учение Ч. Дарвина мало пригодным для описания процессов социокультурной эволюции, ведущую роль в которой играют не имманентно присущие системам («врожденные») признаки, а признаки, приобретаемые индивидами, культурами и обществами в результате приспособления к непредсказуемо меняющимся внешним условиям, служащим естественным фоном для процессов социокультурной эволюции⁴⁰. Кажется отнюдь не случайным, что наиболее полную и развернутую формулировку эволюционная теория Хайека получила на юридическом материале⁴¹, ведь именно правопорядки (включающие в себя и государственные институты как необходимую составляющую) проявляют особенно наглядные способности к приобретению новых признаков в ходе исторического развития.

Подтверждением сказанному является эволюция государства, наиболее важными особенностями которой, по всей видимости, следует считать, во-первых, утрату признаков, изначально присущих традиционно-

⁴⁰ См.: Хайек Ф. А. Право, законодательство и справедливость : современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 42.

⁴¹ О правопонимании Ф. Хайека подробнее см.: Рааб Р. С. Фридрих Хайек о сущности права // Правоведение. 2021. Т. 65, № 4. С. 463.

му государству, и, во-вторых, приобретение новых признаков, акцентированных и закрепляющихся при переходе от традиционного государства к государству современного типа⁴². Важно при этом отметить, что приобретаемые признаки, как правило, не предопределяются исходным состоянием эволюционирующего правопорядка, но приобретаются спонтанно в качестве реакции на изменения социальной среды. С учетом сказанного заслуживает внимания вывод о том, что правовую традицию не следует рассматривать в виде неподвижной рамки, жестко ограничивающей поведение индивидов. Она изменчива и пластична, что объясняется действием свободы, выступающей сущностной характеристикой человеческого бытия, которая неизменно проявляется в правовых и социальных порядках.

Таким образом, способность правопорядков к приобретению новых признаков по мере социокультурной эволюции находит достаточно убедительное объяснение с позиций общей эволюционной теории, для которой «объектом эволюции является индивидуальное развитие как целое, т.е. онтогенез рассматривается как динамическая система, направленная к конечному завершению (взрослой норме). Эволюция есть цепь актов репарации такой системы, следующих после каждого нарушения ее устойчивости»⁴³. Иными словами, широкие возможности доктринального правотворчества были связаны с эволюционной спецификой античной правовой традиции, характеризующейся отсутствием или недостаточной сформированностью целого ряда признаков, основополагающих для современных правопорядков.

Речь идет, прежде всего, о фактически отсутствовавшем в античном, в том числе в римском частном праве, признаке нормативности, который некритично воспринимается общей теорией в качестве универсальной характеристики любого права. Между тем, в римском правопорядке в роли правил поведения выступали субъективные права и обязанности участников конкретных фактических ситуаций, являвшихся простейшими элементами правовой коммуникации. Условием устойчивости субъективных прав и обязанностей, выступавших основными средствами конструирования правопорядка в условиях неразвитости нормативного начала, было взаимное признание индивидов в качестве равных и автономных субъектов, обладающих свободной волей и имущественной самостоятельностью⁴⁴. Отметим, что естественной установкой, присущей

⁴² См. подробнее об этом: Разуваев Н. В. Государство в эволюционном измерении. М., 2018. С. 69 и след.

⁴³ Шишкин М. А. Эволюционная теория и научное мышление // Палеонтологический журнал. 2010. № 6. С. 4.

⁴⁴ Попытку осмысления указанной типологической особенности античной правовой традиции предпринимает Л. Л. Кофанов, дающий ей совершенно фантастическое объяснение. По мнению ученого, фундаментом «внешней системы» римского права выступа-

любым видам культурной коммуникации, является признание ее участниками равного онтологического статуса и личностной самооценности друг друга. Эта особенность речевых актов проявляется уже на уровне речевой коммуникации, в частности, в структуре местоименного дейксиса большинства языков⁴⁵. Однако лишь в правовой коммуникации данная естественная установка приобретает общезначимость и формальную определенность, необходимые и достаточные для конструирования социального пространства.

Безусловно, казуистичность римского права с течением времени вошла в противоречие с объективно присущей потребностью в типизации его конститутивных элементов в целях обеспечения стабильности и саморазвития правового порядка. Решение указанной задачи берет на себя правовая наука, выполнявшая важную работу по описанию и систематизации фактического состава правовой реальности, причем в процессе доктринального осмысления и систематизации субъективных прав последние становились общезначимыми, приобретая способность к реализации в неограниченном количестве типологически сходных фактических ситуаций. С неразвитостью нормативного начала было связано и отсутствие в античной правовой традиции и еще одного признака, являющегося универсальным для современного права, а именно системности. Было бы неверно считать римское право неким аналогом национальной правовой системы⁴⁶, обладающим развитой иерархической структурой, которая включает в себя институты, подотрасли, отрасли и иные структурные единицы.

Рассматривая с этой точки зрения правопорядок античного Рима, легко убедиться в том, что его конститутивная и формально-логическая структуры имели не вертикально-иерархический, а сетевой характер. Пытаясь наглядно представить эти структуры, мы получаем не иерархическое древо, в котором нижестоящие уровни вытекают из уровней более высокого порядка и интегрируются в их состав, а, скорее, некое подобие диаграммы Эйлера Венна, все компоненты которой (а именно *ius naturale*, *ius civile*, *ius gentium*) расположены в горизонтальной плоско-

ла моральная категория *amicitia*, якобы заимствованная римлянами из учения Пифагора еще в VI в. до н.э. (см.: *Кофанов Л. Л.* Внешняя система римского права : право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М., 2015. С. 11). На наш взгляд, допущение о прямом воздействии философских идей на архаическое правосознание раннего Рима является вполне умозрачным, однако оно хорошо согласуется с первичностью для любого общения принципа взаимного признания свободы и автономии воли его участников, если под «дружбой» понимать именно этот принцип, складывающийся еще в первобытную эпоху.

⁴⁵ См. об этом: *Успенский Б. А.* *Ego Loquens* : язык и коммуникационное пространство. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2012. С. 21.

⁴⁶ См.: *Римское частное право* / под ред И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2015. С. 20.

сти, частично пересекаясь и конкурируя между собой. Эту структурную особенность правопорядка отмечали еще римские юристы. Так, по словам Ульпиана, «цивильное право не отделяется всецело от естественного права и не во всем придерживается его; если мы что-либо прибавляем к общему праву или что-нибудь из него исключаем, мы получаем собственное, т.е. цивильное, право»⁴⁷.

Как явствует из сказанного, *ius civile* было отнюдь не тождественно современному гражданскому праву в том плане, что являлось не «отраслью» как частью системы с четко очерченными предметом и методом регулирования, но, скорее, совокупностью субъективных прав и правовых отношений⁴⁸, любое из которых могло возникнуть в рамках права народов, цивильного или преторского права, что, собственно, и создавало условия для партикуляризма римского правового порядка. Рассмотренным эволюционным (стадиально-типологическим) характеристикам последнего наглядно корреспондировало устройство римского государства, которое даже в эпоху своего наивысшего расцвета и могущества, т.е. в I–III вв., представляло собой не столько единую административную структуру, сколько достаточно рыхлый конгломерат разноуровневых местных общин, связанных сложной системой дипломатических отношений как между собой, так и с римским народом⁴⁹, а затем с императором, воплощавшим в себе политическую и правовую субъектность *populus Romanus*⁵⁰.

5. Сочинения римских юристов как источники права

Логическим следствием перечисленных особенностей античной правовой традиции, а именно юридического партикуляризма, неразвитости нормативного начала и отсутствия политического единства, стала неопределенность представлений об иерархии формально-юридических источников права по их юридической силе⁵¹. Наиболее ярким подтверждением сказанному, на наш взгляд, служит источник, обладающий примордиальностью в любом правопорядке, а именно обычай (*consuetudo*), чья юридическая сила долгое время вызывала разногласия как в

⁴⁷ Ulp. 1 inst., D. 1.1.6 pr.: *Ius civile est, quod neque in totum a naturali vel gentium recedit nec per omnia ei servit: itaque cum aliquid addimus vel detrahimus iuri communi, ius proprium, id est civile efficitur.*

⁴⁸ См.: Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. М., 2011. Т. I. С. 278–279.

⁴⁹ См. подробнее: Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337)*. Ithaca ; N. Y., 1977; Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // *Античный полис : курс лекций* / отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. М., 2010. С. 201.

⁵⁰ Ulp. 1 inst., D. 1.4.1 pr.: *Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote cum lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat.*

⁵¹ См.: Истоки и источники права : генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. С. 240 и след.

римской юридической науке, так и в правоприменительной практике. Последняя, как известно, прошла развитие от аксиоматичного для классических юристов представления об обычае как неписаном законе, способном в случае необходимости отменять законы писанные (D. 1.3.32.1; 1.3.36), до утвердившегося в постклассическую эпоху принципа, в соответствии с которым недопустимо посредством обычая отменять разум или закон⁵².

Собственно, если вспомнить, что даже Законы XII таблиц, которым уже античной правовой традицией придавалось значение основы всех источников гражданского права⁵³, представляли собой не что иное, как писанный свод обычного права, то станет ясным, что критерием разграничения между законами, в особенностями такими, как *leges regiae* или *ius Papirianum* (Pomp. 1 enchr., D. 1.2.2.2; Dionys. III.36.4; Macrob. Sat. III.11.5; Serv. ad. Aen. 12.836), и собственно обычаями в античной правовой традиции выступали наличие либо отсутствие словесного выражения соответствующих текстов. Релевантность последнего вытекает из лексической формы дефиниций, даваемых римскими юристами соответствующим источникам, а именно из различия «молчаливого согласия народа»⁵⁴ и того, что «народ повелел и постановил»⁵⁵.

Речь идет о фундаментальной в культурно-историческом плане семантической оппозиции *taceo/lego*. В контексте указанной оппозиции первый член означает не просто молчание, но совершение тайных сакральных действий, в том числе исключительно в невербальной, жестовой форме (ср. *adv. tacite* 'молчаливо', 'тихо', 'незаметно', 'тайно'), тогда как второй член предполагает любые виды письменной и устной речи. Таким образом, в отличие от современного иерархического подхода к организации системы источников права по их юридической силе, античная правовая традиция предполагала диахронную последовательность, в которой различные формы права могли замещать друг друга, а также выходить из обращения под воздействием общих социально-исторических, культурных и политических факторов⁵⁶.

Учитывая семиотическую (знаково-символическую) природу права, можно со всей уверенностью утверждать, что важнейшими из подобных

⁵² C. 8.52.2, а. 319: *Consuetudinis usque longaevi non vilis auctoritas est, verum non usque adeo sui valitura momenta, ut aut rationem vinca taut legem.*

⁵³ Liv. III.34.6: *Cum ad rumores hominum de unoquoque legum capite editos satis correctae viderentur, centuriatis comitiis decem tabularum leges perlatae sunt, qui nunc quoque, in hoc immenso aliarum super alias acervatarum legum cumulo, fons omnis publici privatique est iuris.*

⁵⁴ Ulp. Reg. 1.4: *Mores sunt tacitus consensus populi, longa consuetudine inveteratus.*

⁵⁵ Gai. 1.3: *Lex est quod populus iubet atque constituit.*

⁵⁶ См. подробнее об этом: Изменения в праве : новаторство и преемственность / под ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. СПб., 2022. С. 32–33.

факторов являлись закономерности стадийного развития знаковой коммуникации в античном мире⁵⁷, на общезыковом материале рассмотренные Н. Я. Марром⁵⁸. По мнению ученого, первой стадией коммуникации, на которой зародились древнейшие «идеологические» представления о праве, являлась стадия линейной ручной речи, когда действия первобытных людей, в том числе юридически значимые действия, имели невербальный характер, предполагающий вторичность звуковых сигналов. Универсальная связь мышления с поведенческими актами, опосредствуемая знаковыми формами коммуникации, требовала для всех типов общения закономерно присущих им типов мыслительной деятельности.

Из всего сказанного напрашивается вывод о том, что исходным типом мышления для античной правовой традиции являлось сакральное ассоциативно-образное мышление, артикулированное жестовой, а затем и устной вербальной речью, воплощением которых было обычное право. Одним из важных результатов вербализации коммуникативного действия становится трансформация ассоциативно-образного мышления в мышление понятийное, повлекшая за собой десакрализацию обычного права и утрату ритуалом присущей ему способности подчинять себе поведение участников правового общения⁵⁹. Дополнительным, но при этом мощным, импульсом десакрализации обычного права становится письменная фиксация последнего⁶⁰, способствовавшая появлению новых источников, в том числе доктринальных правовых текстов, еще античными юристами относимых к категории *ius scriptum*⁶¹.

Нетрудно заметить, что юридическая доктрина пережила ту же эволюцию, которая в самых общих чертах была намечена нами применительно ко всем прочим источникам римского права. Имея первоначально сакральный характер, что предполагало тесную связь с обычаем и религиозным ритуалом⁶², юридическая доктрина на рубеже III–II вв. до н.э. становится концентрированным проявлением понятийного правового мышления, успешно конкурируя в этом качестве не только с обычаем, но и с законами, эдиктами магистратов и иными формами респу-

⁵⁷ Сходные выводы, применительно к политическому общению, делает выдающийся отечественный историк-антиковед С. Л. Утченко. См.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М., 1977. С. 7 и след.

⁵⁸ См., в частности: Марр Н. Я. Язык и письмо // Марр Н. Я. Избранные работы. М., 1936. Т. II, Основные вопросы языкознания. С. 352–371.

⁵⁹ См.: Пешков И. В. Введение в риторiku поступка. М., 1998.

⁶⁰ См. об этом: Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция. М., 2010. С. 24 и след.

⁶¹ I. 1.2.3: Constat autem ius nostrum aut ex scripto aut ex non scripto, ut apud Graecos: τῶν νόμων οἱ μὲν ἔγραφοι, οἱ δὲ ἄγραφοι. Scriptum ius est lex, plebiscita, senatus consulta, principum placita, magistratuum edicta, responsa prudentium.

⁶² См.: Кофанов Л. Л. *Ius peritus Apollo* (к вопросу о происхождении римской юриспруденции) // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2016. Т. 5. С. 320 и след.

бликанского права. Примечательно, что в античной правовой традиции доктринальное правотворчество могло иметь как письменный, так и устный характер, причем устные *responsa* юристов (*disputatio fori*), насколько можно судить, обладали правотворческим значением уже в предклассическую эпоху⁶³.

В свою очередь, письменные доктринальные тексты становятся формально-юридическими источниками права лишь в классическом праве, т.е. с конца I в. до н.э. Это, на наш взгляд, объясняется не только характерной для позднеантичной культуры тенденцией к приданию письменной коммуникации большей значимости в сравнении с устной речью, но и теми социально-политическими процессами, которыми сопровождалось становление режима принципата, а именно утратой комициями и республиканскими магистратурами прежнего политического статуса. Как следствие, законотворческая деятельность комиций, уже при Августе имевшая во многом фиктивный характер, прекращается в конце I в. н.э., а в 131 г., с принятием *Edictum perpetuum* императора Адриана, прекращается и преторское правотворчество. Подобная консервация системы источников римского права оказалась чреватой появлением невосполнимых пробелов, число которых увеличивалось по мере развития правопорядка.

В таких условиях сочинения юристов становятся основными источниками права, чему, в числе прочего, способствовало отсутствие в римском правопорядке прецедентного (судебного) права как такового. Указанная особенность античной правовой традиции предопределила характер применения доктринальных текстов в юридической практике. Поскольку *prudentes* в своих сочинениях имели дело с обсуждением, анализом и обобщением конкретных фактических ситуаций, то их сочинения приобретали регулятивный эффект, не напрямую, а через посредство судов, для которых обязательным при вынесении решений являлся учет мнений юристов (и, прежде всего, «великой пятерки» классической эпохи – Модестина, Гая, Ульпиана, Папиниана и Павла)⁶⁴.

Представляется, что именно доктринальное правотворчество в наибольшей степени отвечало рассмотренным выше стадийно-типологическим особенностям античного правопорядка, основными инструментами конструирования которого являлись не столько нормы, сколько

⁶³ Pomp. 1 enchp., D. 1.2.2.5: *His legibus latis coepit (ut naturaliter evenire solet, ut interpretatio desideraret prudentium auctoritatem) necessarium esse disputationem fori. Haec disputatio et hoc ius, quod sine scripto venit compositum a prudentibus, propria parte aliqua non appellatur ut ceterae partes iuris suis nominibus designantur, datis propriis nominibus ceteris partibus, sed communi nomine appellatur ius.*

⁶⁴ CTh. 1.4.3, a. 426: *Papiniani, Pauli, Gai, Ulpiani atque Modestini scripta universa firmamus ita, ut Gaium quae Paulum, Ulpianum et ceteros comitetur auctoritas lectionesque ex omni eius corpore recitentur.*

конкретные фактические ситуации и субъективные права и обязанности. Деятельность римских юристов, таким образом, компенсировала характерную для античной правовой традиции неразвитость нормативных средств регулирования поведения индивидов. Вот почему мы не можем согласиться с мнением тех ученых, кто полагает, что доктринальные тексты имели по преимуществу интерпретационный характер и были посвящены толкованию уже существующих, готовых норм «объективного права»⁶⁵. В действительности же римская юриспруденция не только исследовала, толковала и применяла, но прежде всего творила право. Будучи исторически релевантным для античного правопорядка, правотворчество римских юристов повлияло на дальнейший ход эволюции, предвосхищая ту роль, которую сыграла юридическая наука в формировании западной традиции права.

6. Заключение

Развитие доктринального правотворчества в классическом римском праве не просто повысило степень формальной определенности юридической коммуникации, но и перестроило сам правопорядок на принципиально новых началах, придавших мощный стимул к его трансформации. Интеллектуальная деятельность юристов в значительной мере способствовала категоризации правового сознания и трансформации ассоциативно-образного юридического мышления в мышление понятийное. Продолжением указанного процесса становятся внутренняя дифференциация правового порядка и выделение *ius naturale* в качестве совокупности доктринально сформулированных общих принципов, на основе которых осуществлялось правовое регулирование.

Общезначимость положений естественного права осознавалась уже самими римскими юристами, свидетельством чему является хрестоматийная ульпиановская дефиниция *ius naturale* как *quod natura omnia animalia docunt*. Несложно заметить принципиальное отличие идеи естественного права в интерпретации римских юристов, с одной стороны, от «естественного закона» (*lex naturalis*) средневековых мыслителей, таких как Фома Аквинский, и от современной концепции естественных прав и свобод человека, с другой стороны. Представляется, что указанное различие выступает наглядным индикатором общих закономерностей эволюции правовых порядков.

В самом деле, для Фомы Аквинского и средневековых юристов *lex naturalis* встраивался в вертикальную иерархию правил, каждый уровень которой различался лишь степенью общезначимости и нормативной обязательности соответствующих пропозиций. Логическая структу-

⁶⁵ См.: Харитонов Л. А. Толкование правовых норм в Древнем Риме // Юридическая мысль. 2016. № 2(94). С. 56.

ра данной иерархии в целом коррелировала с теми общими принципами (прежде всего, с возведенным в ранг закона неравенством статусов), на которых основывались правовая и культурная традиции европейского средневековья. С другой стороны, в эпоху модерна, не в последнюю очередь под влиянием этики протестантизма, а также радикальных общественных преобразований, инициированных буржуазными революциями XVII–XVIII вв., естественные права стали осмысливаться в основном как права субъективные, противопоставленные, но одновременно и соотносительные в рамках единой бинарной оппозиции с нормами и институтами права. В любом случае как первый, так и второй подходы (т.е. как универсальная иерархия норм, отрицающая субъективное право, так и дуализм объективного права и субъективных прав) были диаметрально противоположными подходу римских юристов, подлежащему осмыслению в контексте тех стадийно-типологических признаков античной правовой традиции, о которых ранее уже шла речь.

Учитывая партикуляристский характер римского правопорядка и присущую ему неразвитость нормативного начала, можно сделать вывод о том, что положения естественного права представляли собой не столько один из уровней структурной организации системы римского права, сколько относительно автономный регион юридического жизненного мира, взаимно дополняющий сферу действия субъективных прав и одновременно организующий эти последние с целью придания юридической коммуникации субъектов необходимой для нее общезначимости. Именно в естественном праве происходит соотношение многообразных правовых отношений с доктринально сформулированными общими принципами, впоследствии ставшими смысловым ядром юридической нормативности. При этом и само *ius naturale*, в отличие от соответствующей категории досократиков, Аристотеля, стоиков и других греческих философов, имевшей абстрактно-умозрительный характер, индуктивно выводилось юристами из конкретных фактических обстоятельств, что придавало ему регулятивный эффект.

Таким образом, сочинения римских юристов и юридическая наука в целом выступают образцовым для античной правовой традиции источником права. Представляется, однако, что значение доктринального правотворчества не ограничивается историческим контекстом, но сохраняется и в современных условиях. Как показывает практика, специфика частного права, прежде всего, его дозволительный характер, благодаря чему субъективные гражданские права нередко могут предшествовать законодательному регулированию или даже не сопровождаться последним, открывает доктрине широкие регулятивные возможности в данной сфере.

Библиографический список

- Алексеев С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ТК Велби ; Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.
- Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка / В. М. Алпатов // История и современность. – 2016. – № 1(23). – С. 198–220.
- Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О. М. Фрейденберг. – Л. : ОГИЗ, 1936. – 344 с.
- Берман Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии / Г. Дж. Берман. – М. : Ad Marginem, 1999. – 431 с.
- Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во МГУ ; Издат. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – 624 с.
- Бехруз Х. Н. Римская юриспруденция и исламская правовая доктрина : сравнительно-правовой аспект / Х. Н. Бехруз // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 12(67). – С. 113–117.
- Гринберг Дж. Меморандум о языковых универсалиях / Дж. Гринберг, Ч. Остуд, Р. Дженкинс // Новое в лингвистике. – Вып. V, Языковые универсалии / под ред. Б. А. Успенского. – М. : Прогресс, 1970. – С. 31–44.
- Гусаренко С. В. Прагматика релевантности в современном русском тексте-описании (на материале художественных и учебно-научных текстов) / С. В. Гусаренко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 4. – С. 179–182.
- Дорская А. А. Правовые традиции России в контексте национального и международного правового развития / А. А. Дорская // Вестник РГНФ. – 2016. – № 3–4. – С. 91–108.
- Драчева Н. В. Спор об аналогии и аномалии в трактате Марка Теренция Варрона “De Lingua Latina” / Н. В. Драчева // Вестник РГГУ. Сер.: Философия. Культурология. Языкознание. – 2014. – № 8 (130). – С. 181–189.
- Емелин М. Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Ю. Емелин. – Саратов : СГЮА, 2015. – 201 с.
- Жмудь Л. Я. Зарождение истории науки в античности / Л. Я. Жмудь. – СПб. : РХГИ, 2002. – 424 с.
- Изменения в праве : новаторство и преемственность / под ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергеевнина, Н. В. Разуваева. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. – 342 с.
- Истоки и источники права : генезис и эволюция / под ред. Р. А. Ромашова. – СПб. : Алетейя, 2022. – 482 с.
- История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсеянц. – М. : Наука, 1985. – 352 с.
- Клайн М. Математика. Утрата определенности / М. Клайн. – М. : Мир, 1984. – 447 с.
- Конт О. Курс положительной философии : в 6 т. / О. Конт. – СПб. : Тип. Т-ва «Посредник», 1900. – Т. I, Философия математики. – 178 с.
- Котлова А. В. Доктрина как источник права во Франции / А. В. Котлова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 10 (125). – С. 43–45.
- Кофанов Л. Л. Ius peritus Apollo (к вопросу о происхождении римской юриспруденции) / Л. Л. Кофанов // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. – 2016. – Т. 5. – С. 307–344.

Кофанов Л. Л. Внешняя система римского права : право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности / Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2015. – 192 с.

Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. Том первый / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2010. – 429 с.

Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000. – 960 с.

Мажуга В. И. Диомед и Харизий о лексической норме / В. И. Мажуга // *Colloquia classica et indo-europaeica. II. Классическое и индоевропейское языкознание* / под ред. Н. Н. Казанского. – СПб. : Алетейя, 2000. – С. 74–87.

Малиновский А. А. Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) / А. А. Малиновский // *Международное уголовное право и международная юстиция*. – 2009. – № 1. – С. 3–6.

Малько А. В. Система нетрадиционных источников российского частного права / А. В. Малько, Д. В. Храмов // *Ленинградский юридический журнал*. – 2010. – № 1. – С. 36–39.

Марр Н. Я. К происхождению языков / Н. Я. Марр // *Марр Н. Я. Избранные работы*. – Л. : Изд-во ГАИМК, 1933. – Т. I, Этапы развития яфетической теории. – С. 217–220.

Марр Н. Я. Язык и письмо / Н. Я. Марр // *Марр Н. Я. Избранные работы*. – М. : Соцэкгиз, 1936. – Т. II, Основные вопросы языкознания. – С. 352–371.

Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата / А. В. Махлаюк // *Античный полис. Курс лекций* / отв. ред. В. В. Деметьева, И. Е. Суриков. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – С. 176–226.

Овчинников А. И. Правовая доктрина как источник права в Российской Федерации / А. И. Овчинников, А. О. Долгатова, В. И. Фатхи // *Философия права*. – 2016. – № 2 (75). – С. 59–64.

Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. XVII, Теория речевых актов. – С. 22–131.

Пешков И. В. Введение в риторику поступка / И. В. Пешков. – М. : Лабиринт, 1998. – 282 с.

Полдников Д. Ю. Проблемы определения правового принципа в европейской юриспруденции / Д. Ю. Полдников // *Вестник НГУ. Сер.: Право*. – 2011. – Т. 7, вып. 1. – С. 6–12.

Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание : избр. труды / А. В. Поляков. – СПб. : ООО Издат. дом «Алеф-Пресс», 2014. – 575 с.

Поляков А. В. Принцип взаимного правового признания : российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву / А. В. Поляков // *Труды Института государства и права РАН*. – 2021. – Т. 16, № 6. – С. 39–101.

Поппер К. Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы / К. Р. Поппер. – М. : Прогресс, 1983. – 605 с.

Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.

Постклассическая онтология права : монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2016. – 688 с.

Прокл Диадок. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида / Диадок Прокл. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 368 с.

Пуанкаре А. Наука и метод / А. Пуанкаре. – Одесса : Научное обозрение, 1910. – 392 с.

Рааб Р. С. Фридрих Хайек о сущности права / Р. С. Рааб // Правоведение. – 2021. – Т. 65, № 4. – С. 462–483.

Разуваев Н. В. Государство в эволюционном измерении / Н. В. Разуваев. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 520 с.

Римское частное право / под ред И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М. : КНОРУС, 2015. – 592 с.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. / Ф. К. Савиньи. – М. : Статут, 2011. – Т. I. – 512 с.

Смирин В. М. Римская школьная риторика Августова века как исторический источник (по «Контроверсиям» Сенеки Старшего) / В. М. Смирин // Вестник древней истории. – 1977. – № 1. – С. 95–113.

Сорокина Ю. В. Социально-правовое устройство праславян : индоевропейские традиции / Ю. В. Сорокина // История государства и права. – 2021. – № 12. – С. 59–66.

Столяров А. А. Хрисипп из Сол / А. А. Столяров // Философская антропология. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 127–156.

Сырых В. М. Проблемы теории государства и права / В. М. Сырых. – М. : Эксмо, 2008. – 528 с.

Темнов Е. И. Звучащая юриспруденция / Е. И. Темнов. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 550 с.

Успенский Б. А. Ego Loquens : язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : РГГУ, 2012. – 344 с.

Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима (III–I вв. до н.э.) / С. Л. Утченко. – М. : Наука, 1977. – 257 с.

Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – Т. II, Хрисипп из Сол. – Ч. 1, Логические и физические фрагменты. – 278 с.

Фрагменты ранних стоиков / пер. и комм. А. А. Столярова. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1999. – Т. II, Хрисипп из Сол. – Ч. 2, Физические фрагменты. – 269 с.

Фрейденоберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденоберг. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Издат. фирма «Восточная литература», 1998. – 800 с.

Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть) / Э. Д. Фролов. – СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2001. – 602 с.

Хайек Ф. А. Право, законодательство и справедливость : современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. А. Хайек. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 648 с.

Харитонов Л. А. Толкование правовых норм в Древнем Риме / Л. А. Харитонов // Юридическая мысль. – 2016. – № 2 (94). – С. 52–58.

Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Международ. отношения, 2000. – Т. I, Основы. – 480 с.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права / И. Л. Честнов. – СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

Шахт Дж. Происхождение мусульманской юриспруденции / Дж. Шахт. – М. : Мир, 1950. – 493 с.

Шишкин М. А. Эволюционная теория и научное мышление / М. А. Шишкин // Палеонтологический журнал. – 2010. – № 6. – С. 3–16.

Amos S. History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence / S. Amos. – Littleton : Fred B. Rothman & Co., 1987. – 490 p.

Crone P. Roman, Provincial and Islamic law : The Origins of the Islamic Patronate / P. Crone. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 188 p.

Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337) / F. Millar. – Ithacka ; N. Y. : Cornell University Press, 1977. – 671 p.

Pierce C. S. Three Types of Reasoning / C. S. Pierce // Pierce C. S. The Collected Papers. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1931. – Vol. V, Pragmatism and Pragmaticism. – P. 151–212.

References

Alekseev S. S. General Theory of Law / S. S. Alekseev. – М. : Welby Trading Company ; Prospect Publishing House, 2008. – 576 p.

Alpatov V. M. Two approaches to the study of language / V. M. Alpatov // History and the present. – 2016. – No. 1(23). – Pp. 198–220.

Antique theories of language and style / ed. by O. M. Freidenberg. – L. : OGYZ, 1936. – 344 p.

Berman G. J. Faith and Law : Reconciliation of Law and Religion / G. J. Berman. – М. : Ad Marginem, 1999. – 431 p.

Berman G. J. The Western Tradition of Law: The Age of Formation / G. J. Berman. – Ed. 2-th. – М. : MSU ; Publishing Group INFRA-M – NORMA, 1998. – 624 p.

Behruz H. N. Roman jurisprudence and Islamic legal doctrine : a comparative-legal aspect / H. N. Behruz // Eurasian Law Journal. – 2013. – No. 12 (67). – Pp. 113–117.

Greenberg J. Memorandum on linguistic universals / J. Greenberg, C. Osgood, R. Jenkins // New in Linguistics. – Vol. V, Linguistic universals / ed. by B. A. Uspenskij. – М. : Progress, 1970. – Pp. 31–44.

Gusarenko S. V. Pragmatics of relevance in modern Russian text-description (on the material of fiction and educational-scientific texts) / S. V. Gusarenko // Humanities and law research. – 2017. – No. 4. – Pp. 179–182.

Dorskaya A. A. Legal traditions of Russia in the context of national and international legal development / A. A. Dorskaya // Vestnik RGNF. – 2016. – No. 3–4. – Pp. 91–108.

Dracheva N. V. Dispute about analogy and anomaly in treatise “De Lingua Latina” by Marcus Terentius Varron / N. V. Dracheva // Vestnik RGGU. Ser.: Culturology. Linguistics. – 2014. – No. 8(130). – Pp. 181–189.

Emelin M. Yu. Legal doctrine in the system of sources of common law : autoref. diss. ... PHD in Legal sciences / M. Yu. Emelin. – Saratov : SJUA, 2015. – 201 p.

Zhmud L. Ya. The origin of the history of science in antiquity / L. Ya. Zhmud. – SPb. : RCHI, 2002. – 424 p.

Changes in law : innovation and continuity / ed. by D. E. Mereshkin, S. L. Sergevin, N. V. Razuvaev. – SPb. : EPC SZIU RANEPА, 2022. – 342 p.

- Origins and Sources of Law : Genesis and Evolution. – SPb : Aletheia, 2022. – 482 p. History of political and legal doctrines. The Ancient World / ed. S. Nersesiants. – M. : Nauka, 1985. – 352 p.
- Klein M.* Mathematics. The loss of certainty / M. Klein. – M. : World, 1984. – 447 p.
- Comte O.* A Course in Positive Philosophy. In six volumes / O. Comte. – SPb. : The Mediator Company Press, 1900. – Vol. I, Philosophy of Mathematics. – 178 p.
- Kotlova A. V.* Doctrine as a source of law in France / A. V. Kotlova // Eurasian Law Journal. – 2018. – No. 10(125). – Pp. 43–45.
- Kofanov L. L.* Ius peritus Apollo (on the origin of Roman jurisprudence) / L. L. Kofanov // Scripta Antiqua. Issues of ancient history, philology, art and material culture. – 2016. – T. 5. – Pp. 307–344.
- Kofanov L. L.* The External System of Roman Law : Law of Nature, Law of Nations and Commercial Law in the Legal Thought of Antiquity / L. L. Kofanov. – M. : Statut, 2015. – 192 p.
- Lafitsky V. I.* Comparative jurisprudence in images of law / V. I. Lafitsky. – M. : Statute, 2010. – Vol. 1. – 429 p.
- Losev A. F.* History of Ancient Aesthetics. Late Hellenism / A. F. Losev. – Kharkov : Folio ; M. : OOO “Publishing House AST”, 2000. – 960 p.
- Mazhuga V. I.* Diomedes and Charisius on the lexical norm / V. I. Mazhuga // Colloquia classica et indo-europaeica. II. Classical and Indo-European Linguistics / ed. by N. N. Kazanskii. – SPb. : Aletheia, 2000. – Pp. 74–87.
- Malinovsky A. A.* Doctrine as a source of criminal law (Comparative Legal Aspects) / A. A. Malinovsky // International Criminal Law and International Justice. – 2009. – No. 1. – Pp. 3–6.
- Malko A. V.* System of non-traditional sources of Russian private law / A. V. Malko, D. V. Khramov // Leningrad Law Journal. – 2010. – No. 1. – Pp. 36–39.
- Marr N. Ya.* To the origin of languages / N. Ya. Marr // Marr N. Ya. Selected works. – L. : Publishing house of the State Institute of Archeology and Ethnology of the Russian Academy of Sciences, 1933. – Vol. I, Stages in the development of japhetic theory. – Pp. 217–220.
- Marr N. Ya.* Language and Writing / N. Ya. Marr // Marr N. Ya. Selected Works. – M. : Soztekiz, 1936. – Vol. II, Basic Problems of Linguistics. – Pp. 352–371.
- Mahlayuk A. V.* The polis-republican structures and traditions in the age of principality / A. V. Mahlayuk // The Ancient Polis. Course of lectures / ed. V. Dementieva, I. E. Surikov. – M. : Russian Foundation for Education and Science, 2010. – Pp. 176–226.
- Ovchinnikov A. I.* Legal doctrine as a source of law in the Russian Federation / A. I. Ovchinnikov, A. O. Dolgatova, V. I. Fathi // Philosophy of Law. – 2016. – No. 2(75). – Pp. 59–64.
- Austin J. L.* Word as action / J. L. Austin // New in foreign linguistics. – M. : Progress, 1986. – Vol. XVII, Theory of speech acts. – Pp. 22–131.
- Peshkov I. B.* Introduction to the Rhetoric of Action / I. B. Peshkov. – M. : Labirint, 1998. – 282 p.
- Poldnikov D. Yu.* Problems of the definition of a legal principle in the European jurisprudence / D. Yu. Poldnikov // Vestnik of the NSU. Ser.: Law. – 2011. – T. 7, vol. 1. – Pp. 6–12.
- Polyakov A. V.* Communicative legal understanding : Selected Works / A. V. Polyakov. – SPb. : OOO Publ. House “Alef-Press”, 2014. – 575 p.

Polyakov A. V. Principle of mutual legal recognition : Russian philosophical-legal tradition and communicative approach to law / A. V. Polyakov // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 16, No. 6. – Pp. 39–101.

Popper K. R. Logic and the Growth of Scientific Knowledge. Selected Works / K. R. Popper. – M. : Progress, 1983. – 605 p.

Popper K. R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K. R. Popper. – M. : Editorial UrsS, 2002. – 384 p.

Post-classical ontology of law : monograph / ed. L. Chestnov. – SPb. : Aletheia, 2016. – 688 p.

Proclus Diadochos. Commentary on the first book of Euclid's "Beginnings" / Diadochos Proclus. – M. : Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2013. – 368 p.

Poincaré A. Science and method / A. Poincaré. – Odessa : Scientific Review, 1910. – 392 p.

Raab R. C. Friedrich Hayek on the essence of law / R. C. Raab // Jurisprudence. – 2021. – T. 65, No. 4. – Pp. 462–483.

Razuvaev N. V. State in the evolutionary dimension / N. V. Razuvaev. – M. : Yurлит-inform, 2018. – 520 p.

Roman private law / ed. I. B. Novitsky, I. S. Peretersky. – M. : Knorus, 2015. – 592 p.

Savigny F. K. The system of modern Roman law. In 8 vol. / F. K. Savigny. – M. : Statute, 2011. – Vol. I. – 512 p.

Smirin V. M. Roman School Rhetoric of Augustus' Age as a Historical Source (on the "Controversies" of Seneca the Elder) / V. M. Smirin // Bulletin of Ancient History. – 1977. – No. 1. – P. 95–113.

Sorokina Y. V. Social-legal structure of the Proto-Slavs : Indo-European traditions / Y. V. Sorokina // History of State and Law. – 2021. – No. 12. – Pp. 59–66.

Stolyarov A. A. Chrysippus from Sol / A. A. Stolyarov // Philosophical Anthropology. – 2020. – T. 6, No. 2. – Pp. 127–156.

Syrykh V. M. Problems of the Theory of State and Law / V. M. Syrykh. – M. : Eksmo, 2008. – 528 p.

Temnov E. I. Sound jurisprudence / E. I. Temnov. – M. : Wolters Klover, 2010. – 550 p.

Uspenskiy B. A. Ego Loquens : Language and Communication Space / B. A. Uspenskiy. – Ed. 2nd revised edition. – M. : Russian State University for the Humanities, 2012. – 344 p.

Utchenko S. L. Political doctrines of Ancient Rome (III–I centuries B.C.) / S. L. Utchenko. – M. : Nauka, 1977. – 257 p.

Fragments of the Early Stoics / translated and commented by A. A. Stolyarov. – M. : "Greco-Latin Cabinet" by Yu. A. Shichalin, 1999. – Vol. II, Chrysippus of Sol. – Part 1, Logical and Physical Fragments. – 278 p.

Fragments of the Early Stoics / translated and commented by A. A. Stolyarov. – M. : "Greco-Latin Cabinet" by Yu. A. Shichalin, 2002. – Vol. II, Chrysippus of Sol. – Part 2, Physical Fragments. – 269 p.

Freidenberg O. M. Myth and the Literature of Antiquity / O. M. Freidenberg. – Ed. 2nd revised edition. – M. : Eastern Literature Publishing Company, 1998. – 800 c.

Frolov E. D. Greece in the Late Classical Era (Society. Personality. Power) / E. D. Frolov. – SPb. : The Academy of Humanities, 2001. – 602 p.

Hayek F. A. Law, Legislation and Justice : Modern Understanding of the Liberal Principles of Justice and Politics / F. A. Hayek. – М. : IRISAN, 2006. – 648 p.

Kharitonov L. A. Interpretation of legal norms in ancient Rome / L. A. Kharitonov // Juridical thought. – 2016. – No. 2(94). – Pp. 52–58.

Zweigert K. Introduction to comparative law in private law / K. Zweigert, H. Ketz. – М. : International Relations, 2000. – Vol. I, Fundamentals. – 480 p.

Chestnov I. L. Post-classical theory of law / I. L. Chestnov. – SPb. : Alef-Press Publishing House, 2012. – 650 p.

Schacht J. The Origin of Muslim Jurisprudence / J. Schacht. – М. : The World, 1950. – 493 p.

Shishkin M. A. Evolutionary theory and scientific thinking / M. A. Shishkin // Paleontological Journal. – 2010. – No. 6. – Pp. 3–16.

Amos S. History and Principles of the Civil Law of Rome. An Aid to the Study of Scientific and Comparative Jurisprudence / S. Amos. – Littleton : Fred B. Rothman & Co., 1987. – 490 p. (in Engl.)

Crone P. Roman, Provincial and Islamic law : The Origins of the Islamic Patronate / P. Crone. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 188 p. (in Engl.)

Millar F. The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337) / F. Millar. – Ithacka ; N. Y. : Cornell University Press, 1977. – 671 p. (in Engl.)

Pierce C. S. Three Types of Reasoning / C. S. Pierce // Pierce C. S. The Collected Papers. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1931. – Vol. V, Pragmatism and Pragmaticism. – P. 151–212. (in Engl.)

Для цитирования:

Разуваев Н. В. Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 7–33.

Recommended citation:

Razuvaev N. V. The law-making effect of writings of roman lawyers in the legal tradition of the ancient world // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 7–33.

Сведения об авторе

Разуваев Николай Викторович – заведующий кафедрой гражданского и трудового права СЗИУ РАНХиГС, доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Теоретическая и прикладная юриспруденция», Почетный работник сферы образования Российской Федерации

E-mail: nrasuvaev@yandex.ru

Information about the author

Razuvaev Nikolai Viktorovich – Head of the Department of Civil and Labor Law SZIУ RANEPА, Doctor of Law, Associate Professor, Editor-in-Chief of the journal “Theoretical and Applied Jurisprudence”, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.

E-mail: nrasuvaev@yandex.ru

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ В АДМИНИСТРАТИВНОМ НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

Б. Х. Раззоков

Таджикский государственный университет коммерции

Поступила в редакцию 23 декабря 2022 г.

Аннотация: статья посвящена антропологическим аспектам в административном нормотворчестве, учет которых позволит минимизировать риски принятия поспешных нормативно-правовых актов, упредить возможные негативные последствия административного нормотворчества. По мнению автора, к таковым могут быть отнесены институты планирования правотворческой деятельности и оценки регулирующего воздействия, что позволяет повысить предсказуемость правовой политики и обоснованность предпринимаемых нормативно-правовых инициатив.

Ключевые слова: административное нормотворчество, антропологический аспект, нормоконтроль, планирование проектов нормативных правовых актов, оценка регулирующего воздействия.

ABOUT ANTHROPOLOGICAL ASPECTS IN ADMINISTRATIVE LAW-MAKING

B. H. Razzokov

Tajik State University of Commerce

Abstract: the article is devoted to anthropological aspects in administrative rulemaking, taking into account which will minimize the risks of adopting hasty legal acts, prevent possible negative consequences of administrative rule-making. In the author's opinion, these institutions can include law-making activity planning and regulatory impact assessment institutions, which will increase the predictability of legal policy and the validity of the regulatory initiatives being taken.

Key words: administrative rulemaking, anthropological aspect, normative control, planning of projects of normative legal acts, regulatory impact assessment.

Антропологический подход в праве в новейшем периоде развития юриспруденции начал вновь возрождаться на постсоветском пространстве с середины 90-х годов прошлого века. Его подстегнул ряд инициатив российских коллег, а именно проведение в 1995 г. на базе РАН междисциплинарного семинара по юридической антропологии с участием

© Раззоков Б. Х., 2023

ученых Института государства и права, Института востоковедения и МГУ им. М. В. Ломоносова, а также последовавший за ним созыв в 1997 г. в Москве Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму. Указанные форумы, бесспорно, открыли качественно новый этап в разработке проблем, связанных с антропологией права. Антропологическое направление в праве становится одним из перспективных направлений правового познания, в силу чего создаются необходимые предпосылки через его призму, образно говоря, «распороть» анатомию права.

Прогрессирующий интерес юридической науки к рассматриваемой проблематике позволяет выработать новые походы к решению практических проблем правовой действительности. Из сложившихся к настоящему времени подходов к трактовке антропологии права более плодотворной для развития науки и практики представляется широкая концепция, позволяющая включить в ее предмет не столько изыскания архаического и традиционного права, сколько исследование природы права в современном обществе. В контексте такого широкого подхода к очерчиванию сферы исследовательских интересов антропология права может внести заметный вклад в решение актуальных вопросов правовой жизни, использовать возможности юридических инструментариев в решении проблем государственного и общественного развития, расширить понимание пределов рецепции институтов правовой системой одной страны в другие национальные правовые системы.

Широкая трактовка юридической антропологии представляется исключительно плодотворной также в сфере развития правотворческой деятельности. Она позволяет включить в сферу интересов рассматриваемой юридической школы изучение онтологических аспектов нормотворчества, нормативной культуры и культуры нормотворчества, выявление специфических потребностей различных социальных групп и их формальное закрепление, т.е. все то, что касается содержательной стороны правотворческой деятельности и генезиса нормотворчества. Антропологию права не следует понимать исключительно как науку, обращенную в прошлое, она нацелена на познание взаимодействия традиционных и современных правовых систем, их синтеза. В контексте изложенного мы солидарны с мнением А. И. Ковлера: говоря об усилиях законодателя по разработке законодательства, защищающего специфические потребности отдельных категорий населения (беженцев, вынужденных переселенцев, жертв политических репрессий и т.д.), он резонно отметил, что «антропология права может оказать неоценимую услугу по выявлению и осмыслению этих потребностей и переводу их на язык права»¹.

В рамках настоящей статьи попытаемся осуществить антрополого-правовой анализ административного нормотворчества. Как известно,

¹ Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. М., 2002. С. 466.

административно-правовая наука уже располагает необходимым понятийным аппаратом, характеризующим рассматриваемую деятельность. Ученые-административисты в своем большинстве солидарны во мнении, что административное нормотворчество выражает, по существу, правотворчество органов исполнительной власти. Не вызывает особых возражений и утверждение о том, что правом (и обязанностью) административного нормотворчества органы исполнительной власти наделены для решения задач и в силу реализации ими функции государственного управления. Эта деятельность является государственно-властной и носит подзаконный характер, т.е. осуществляется на основании и во исполнение законов, направлена на конкретизацию либо развитие их положений, а порой при необходимости – восполнение пробелов в рамках дискреционных полномочий. При этом мы остаемся приверженными ранее заявленной позиции, что по отношению к органам исполнительной власти методологически выверенным и корректным является использование термина «нормотворчество»².

Полагаем, что ключевым при характеристике рассматриваемой деятельности выступает ее результат – а именно нормативный административно-правовой акт. Теория административного права и управленческая практика на современном этапе ощущают острую потребность в изучении природы, видового разнообразия, выявлении места и роли последних в системе законодательства, а также в разработке критериев их оптимизации. Постановка вопроса предопределяется еще одним существенным фактором: развитие административного законодательства, что явно наблюдается в связи с осуществляемыми реформами в различных сферах общественной и государственной жизни, происходит преимущественно за счет наращивания этой подгруппы нормативно-правовых актов.

Учитывая значимость качественного и обоснованного нормотворчества органов исполнительной власти, обновленный Закон Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г. «О нормативных правовых актах», кроме прочих требований, ввел проверку и государственную регистрацию их нормативных правовых актов, возложив эту функцию на Министерство юстиции страны³. Теперь указанные нормативные правовые акты общеобязательного характера вступают в силу после проверки, регистрации и официального опубликования. Правительство республики Постанов-

² См.: Раззоков Б. Х. К вопросу о месте административного нормотворчества в публичном управлении // Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития» (Душанбе, 28 октября 2022 г.). Душанбе, 2022. С. 208.

³ См.: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2017. № 5, ч. 1. Ст. 271. URL: <http://madein.zakupki.gov.tj/pages/50-zakon-o-normativnyh-pravovyh-aktah.html> (дата обращения: 30.11.2022).

лением от 27 апреля 2018 г. № 195 утвердило порядок учета и регистрации нормативных правовых актов⁴.

После прохождения процедуры проверки, рассчитанной на один месяц, общеобязательный административный нормативно-правовой акт вносится в Реестр государственного учета нормативных правовых актов и вступает в силу. Институт проверки и государственной регистрации определенной группы нормативных правовых актов находится в республике на этапе формирования и, как свидетельствует практика, служит действенным средством контроля за административной правотворческой деятельностью. Так, по официальным данным, если в 2020 г. в Министерство юстиции страны на предмет проверки и регистрации поступило 170 нормативных правовых актов, то в 2021 г. цифра возросла до 180 единиц. При этом, что примечательно, увеличилось количество отклоненных нормативно-правых актов – с 54 единиц в 2020 г. до 80 единиц в 2021 г.⁵ Причинами отклонений чаще всего выступают наличие противоречий с законодательными актами, отсутствие законного основания принятия, выход субъекта за рамки компетенции, ограничение прав и свобод граждан, несоблюдение правил техники правотворчества, несоответствие цели и предмета регулирования названию акта, неправильная расстановка составных элементов акта, ошибки в формулировании норм, несоответствие текстов на государственном и русском языках, несоблюдение требований предварительного согласования проекта акта с соответствующими органами и т.д.

Как видно, институт нормоконтроля становится важным элементом обеспечения качественного и обоснованного административного нормотворчества. Вместе с тем, изложенное правило распространяется лишь на нормативные правовые акты общеобязательного характера, что же касается внутриорганизационных (локальных) нормативно-правовых актов, то они выпадают из предмета регулирования упомянутого законодательного акта по смыслу их положений. Независимо от подобной спорной позиции национального законодателя уместно заметить, что административное нормотворчество в своем глубинном понимании охватывает процесс разработки любого нормативно-правового акта носителей исполнительной власти вне зависимости от адресатов охвата, т.е. общеобязательного либо локального, что в свою очередь позволяет выделить и расчленить в его структуре ряд производств. Кстати, к нормативному обеспечению аппаратной деятельности вполне применим термин «ведомственный». В любом случае, вопрос этот требует дальнейшей проработки и законодательного регулирования.

⁴ Интернет-портал правовой информации Республики Таджикистан. URL: <http://portali-uquqi.tj>; (дата обращения: 30.11.2022).

⁵ Интернет-сайт Министерства юстиции Республики Таджикистан. URL: <https://www.adliya.tj>; (дата обращения: 12.10.2022).

В целом, принятие Закона «О нормативных правовых актах» можно рассматривать как очередной важный и ответственный шаг национального законодателя на пути регулирования общественных отношений в сфере правотворчества и упорядочения деятельности соответствующих субъектов. При этом он примечателен, по крайней мере, еще двумя важными новеллами. Первым заслуживающим внимания новшеством является внедрение планирования разработки проектов нормативных правовых актов как составной части правотворческой деятельности. Его целями объявлены организация единой системы нормативных правовых актов, обеспечение гласности и прозрачности в правотворческой деятельности, распространение доступа к правовой информации, привлечение соответствующих органов, научных учреждений, граждан и их объединений к правотворческой деятельности, совершенствование процесса разработки проектов нормативных правовых актов, разъяснение сферы правового регулирования и координация деятельности субъектов правотворчества. При этом, если норма о планировании для Президента и Правительства республики носит диспозитивный характер, то для всех иных полномочных носителей исполнительной власти является обязательным правилом. В планах указываются наименование проекта нормативного правового акта, его вид и предмет регулирования, сроки разработки, а также субъекты, ответственные за его разработку.

Вторым нововведением выступает внедрение процедуры анализа регулирующего воздействия нормативных правовых актов, имеющих потенциальное воздействие на предпринимательскую деятельность. При этом законодатель уточняет свою позицию по смыслу изложенной формулы: «...принятие нормативного правового акта на основе реальных доказательств определения положительных и отрицательных социально-экономических последствий с учетом обеспечения соблюдения прав и свобод человека, интересов предпринимателей и государства»⁶.

Учитывая значимость оценки регулирующего воздействия для правотворчества, законодатель отвел ей отдельную главу в упомянутом Законе – «Особенности планирования, разработки, анализа регулирующего воздействия нормативных правовых актов, имеющих потенциальное воздействие на предпринимательскую деятельность». Так, установлено, что полномочные субъекты после принятия решения о разработке проекта нормативного правового акта размещают уведомление в Реестре планов по разработке проектов нормативных правовых актов, которое должно содержать следующие сведения:

- вид и наименование нормативного правового акта;

⁶ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2017. № 5, ч. 1. Ст. 271. URL: <http://madein.zakupki.gov.tj/pages/50-zakon-o-normativnyh-pravovyh-aktah.html> (дата обращения: 30.11.2022).

- сведения о разработчике проекта нормативного правового акта;
- круг лиц, на которых будет распространено действие нормативного правового акта;
- ожидаемые сроки разработки проекта нормативного правового акта;
- ожидаемые сроки принятия нормативного правового акта;
- срок, в течение которого разработчиком принимаются предложения в связи с размещением уведомления и который не может быть менее 30 календарных дней со дня размещения уведомления в Реестре планов по разработке проектов нормативных правовых актов.

При этом отдельно оговаривается, что по проектам нормативных правовых актов, которыми для субъектов предпринимательства предусматриваются обязанности или ограничения, указывается следующая информация:

- описание проблем, для решения которых необходимо принятие нормативного правового акта, и возможные их последствия в случае, если не будут предприняты никакие действия;
- краткое изложение целей государственного вмешательства относительно выявленной проблемы;
- описание мер, предусматриваемых предлагаемым проектом нормативного правового акта;
- описание путей решения проблемы и достижения поставленных целей, рассмотренных разработчиком (помимо разработки нормативного правового акта);
- краткая оценка расходов государственного бюджета и социально-экономических последствий в случае принятия нормативного правового акта;
- дата завершения публичных консультаций с заинтересованными сторонами⁷.

По установленному порядку разработчик нормативного правового акта на протяжении не менее 30 календарных дней с момента размещения уведомления о разработке проекта нормативного правового акта, подлежащего анализу регулирующего воздействия в Реестре планов разработки проектов нормативных правовых актов, проводит публичные консультации. Физические и юридические лица, государственные органы вправе оставлять свои предложения по проекту до истечения срока проведения публичных консультаций. По результатам рассмотрения предложений, поступивших в связи с размещением уведомления, разработчик принимает обоснованное решение о разработке проекта нормативного правового акта либо об отказе в его подготовке.

⁷ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2017. № 5, ч. 1. Ст. 271. URL: <http://madein.zakupki.gov.tj/pages/50-zakon-o-normativnyh-pravovyh-aktah.html> (дата обращения: 30.11.2022).

В течение пяти календарных дней с даты размещения окончательного проекта нормативного правового акта и анализа регулирующего воздействия в Реестре проектов нормативных правовых актов и анализов регулирующего воздействия уполномоченный орган по анализу регулирующего воздействия готовит заключение о прохождении процедуры публичных консультаций. К заключению уполномоченного органа по анализу регулирующего воздействия прилагаются предложения, принятые по результатам публичных консультаций. Заключение уполномоченного органа по анализу регулирующего воздействия размещается в Реестре проектов нормативных правовых актов и анализов регулирующего воздействия. Окончательный проект нормативного правового акта может быть рассмотрен в дальнейшем правотворческим органом только при наличии анализа регулирующего воздействия и заключений уполномоченного органа по анализу регулирующего воздействия.

Для обеспечения прозрачности в рассматриваемой сфере создан Централизованный банк правовой информации, представляющий собой электронную версию всего массива нормативных правовых актов общеобязательного характера (<http://portali-huquqi.tj/>). К последнему отдельной страницей прилагается Реестр проектов нормативных правовых актов и анализов регулирующего воздействия. На начало декабря 2022 г. в настоящий Реестр включены 45 единиц нормативных правовых актов различного уровня, прошедших либо проходящих процедуру оценки регулирующего воздействия⁸.

Основная роль оценки регулирующего воздействия, полагаем, заключается в предоставлении подробной и систематической оценки решений и отсеиве необдуманных и нецелесообразных на этапе их принятия. Мы разделяем мнение, что процедура оценки регулирующего воздействия возникла в ведущих странах мира как озабоченность чрезмерным государственным (правовым) регулированием отношений в сфере бизнеса⁹. Постепенно внедряемая в последующем в странах с трансформирующейся экономикой она, по сути, охватывает два взаимосвязанных элемента: оценка социально-экономических последствий вводимой или введенной ранее правовой нормы и анализ последствий регулирующего воздействия на предмет выявления факторов, дающих негативный эффект. Рассматриваемый институт признан ядром регуляторной политики и воспринимается как часть института «умного регулирования» (smart regulation), ибо позволяет отклонить представленный нормативный правовой акт либо отправить его на доработку.

⁸ Интернет-портал правовой информации Республики Таджикистан. URL: http://portali-huquqi.tj/publicria/view_rloihalist.php: (дата обращения: 05.12.2022).

⁹ См.: Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций : история формирования : монография. М., 2021. С. 29.

Формулу, ориентированную на отслеживание нормативных правовых актов, имеющих потенциальное воздействие на предпринимательскую деятельность, следует рассматривать как четкий сигнал национального законодателя полномочным акторам по учету запросов и чаяний определенных сегментов общества, что отражает явный антропологический аспект. Необходимость оценки регулирующего воздействия обусловлена тем фактом, что регулирование обычно имеет многочисленные последствия и часто их трудно предвидеть без детального изучения и консультаций с заинтересованными сторонами. В конечном счете, выстроенная законодателем модель направлена на рождение правовой нормы надлежащего качества с высокой степенью обоснованности и убедительности, ибо «...базовая цель, основное назначение любого правового акта неизбежно связаны с человеческим измерением, организацией пространства вокруг и для человека, структурированием и обеспечением его потребностей»¹⁰.

Таким образом, превалирование антропологического аспекта в административном нормотворчестве позволит минимизировать риски принятия поспешных нормативно-правовых актов и упредить возможные негативные последствия административного нормотворчества. Институты нормоконтроля, планирования правотворческой деятельности и оценки регулирующего воздействия повысят предсказуемость правовой политики и обоснованность предпринимаемых нормативно-правовых инициатив. В связи с этим палитра правовой жизни ставит на повестку науки административного права фундаментальные задачи анализа содержания и форм нормативных административных правовых актов в контексте антропологизации права и все большего превалирования в нем человеческого измерения.

Библиографический список

Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов / А. И. Ковлер. – М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2002. – 467 с.

Махина С. Н. О некоторых проблемах и перспективах развития правовых актов в современном мире / С. Н. Махина // Материалы Первой ежегодной междунар. науч.-практ. конф. «Правовой акт: из архаики в XXI век» (Воронеж, 30 июня 2021 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова, С. Н. Махиной. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – С. 11–18.

Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций : история формирования : монография / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 559 с.

¹⁰ Махина С. Н. О некоторых проблемах и перспективах развития правовых актов в современном мире // Материалы Первой ежегодной междунар. науч.-практ. конф. «Правовой акт: из архаики в XXI век» (Воронеж, 30 июня 2021 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова, С. Н. Махиной. Воронеж, 2021. С. 12.

Раззоков Б. Х. К вопросу о месте административного нормотворчества в публичном управлении / Б. Х. Раззоков // Материалы X Междунар. науч.-практ. конф. «Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития» (Душанбе, 28 октября 2022 г.). – Душанбе : РТСУ, 2022.

References

Kovler A. I. Anthropology of law : textbook for universities / A. I. Kovler. – М. : NORMA ; INFRA-M, 2002. – 467 p.

Makhina S. N. About some problems and prospects for the development of legal acts in the modern world / S. N. Makhina // Materials of the First Annual International Scientific and Practical Conference “Legal Act: from the Archaic to the 21st Century” (Voronezh, June 30, 2021) / ed. Yu. N. Starilov, S. N. Makhina. – Voronezh : VSU Publishing House, 2021. – Pp. 11–18.

Pavlov V. I. Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions : history of formation: monograph / V. I. Pavlov. – М. : Yurlitinform, 2021. – 559 p.

Razzokov B. H. On the issue of the place of administrative rule-making in public administration / B. H. Razzokov // Materials of the X International Scientific and Practical Conference “National Legal System of the Republic of Tajikistan and the CIS Countries: Analysis of Trends and Development Prospects” (Dushanbe, October 28, 2022). – Dushanbe : RTSU, 2022.

Для цитирования:

Раззоков Б. Х. Об антропологических аспектах в административном нормотворчестве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 34–42.

Recommended citation:

Razzokov B. H. About anthropological aspects in administrative law-making // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 34–42.

Сведения об авторе

Раззоков Баходур Хаётович – профессор кафедры коммерческого права факультета менеджмента и коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции, доктор юридических наук, профессор

E-mail: razzokov_b@mail.ru

Information about author

Razzokov Bahodur Hayotovich – Professor of the Department of Commercial Law of the Faculty of Management and Commercial Law of Tajik State University of Commerce, Doctor of Law, Professor

E-mail: razzokov_b@mail.ru

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ТРАДИЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВЕЛИКОРУССКИХ КРЕСТЬЯН

Т. В. Шатковская

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Поступила в редакцию 11 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье выявлены и раскрыты нравственные начала как основания правовых обычаев русских крестьян. Автор доказывает жизнеспособность и социальную значимость данных оснований в современных условиях. В статье показано, что нравственные начала крестьянского обычного права представляют собой простую, но вместе с тем гармоничную систему, основанную на понятных каждому человеку ценностях. Их фундаментальность, надежность и понятность дают общественному сознанию так необходимое ему в атмосфере разрушения многих политических понятий состояние определенности и конкретные примеры единения и согласия как лучшие опоры общественной жизни.

Ключевые слова: правовые обычаи, великорусские крестьяне, правда, право, закон, обычное право, волостной суд.

MORAL PRINCIPLES OF TRADITIONAL LEGAL IDEAS OF GREAT RUSSIAN PEASANTS

T. V. Shatkovskaya

*South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract: the article reveals and reveals the moral principles as the basis of the legal customs of Russian peasants. The author proves the viability and social significance of these grounds in modern conditions. The article shows that the moral principles of peasant customary law are a simple, but at the same time harmonious system based on values that are understandable to every person. Their fundamental nature, reliability, and comprehensibility give the public consciousness the state of certainty and concrete examples of unity and harmony as the best pillars of public life, which is so necessary for it in the atmosphere of the destruction of many political concepts.

Key words: legal customs, Great Russian peasants, truth, law, customary law, volost court.

Современные вызовы в очередной раз ставят перед научным сообществом вопрос об основательности надежд на построение совершенных общественных отношений, посредством стройных государственных учреждений и институтов.

В поиске «скреп общественной жизни»¹, способствующих выработке спасительного гражданского единомыслия, созидательных начал, наполняющих отвлеченную идею права, отечественные правоведы обращались и к религиозным догмам, и к морали, и к нравственности, и к поиску общественных идеалов для формирования справедливого права.

По мнению Н. Н. Алексеева, без понимания того, что есть «истинно святое и ценное», невозможно решить вопрос о правильном праве. Он справедливо полагал, что «в высшей степени плодотворная задача... определить те фактические ценности, которые лежали и лежат в основе положительного, исторического, действовавшего и действующего права»².

Как справедливо отметил Иван Александрович Ильин, «тот, кто говорит о родине, разумеет – сознательно или бессознательно – духовное единство своего народа... нечто такое, что остается наличным и объективным, несмотря на гибель единичных субъектов и на смену поколений»³.

Нравственность великорусского крестьянства сложно определить философскими понятиями. Ее сущность заключена в живом великорусском языке, бережно сохраненном в словаре В. И. Даля. В нем происхождение понятия «нравственность» выведено от слова «нрав» как одного из двух (наряду с умом) основных свойств человеческого духа. Союз «думки» и «сердца» образует стройность духа человека, их разлад ведет к разрушению целостности внутреннего мира. Причем это свойство отнесено не только к человеку, но и к народу. Нрав народа обусловлен его житейскими правилами, привычками и обычаями.

Нравственность, по В. И. Далю, противоположна телесному миру людей и выражает их духовность. Нравственный быт поставлен выше мира вещественного. В отличие от ума, разграничивающего истину и ложь, нравственность оперирует понятиями добра и зла. Добронравность согласна с совестью, правдой и достоинством человека, а также «долгом честного и чистого сердцем гражданина»⁴.

Нравственность подразделена на христианскую и гражданскую, выстроенные в иерархию. Христианская нравственность названа высокой, поскольку она предъявляет больше требований к человеку, опирается на

¹ Новгородцев П. И. Введение в философию права : кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 11.

² Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 248.

³ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собрание сочинений. М., 1993. Том четвертый. С. 88.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 2, И–О. С. 558.

принципы общего блага, самоотвержения, апеллирует к совести и суду Божьему. Гражданская нравственность требует только строгого исполнения законов.

Правовые обычаи русского крестьянства, как и любые другие юридические установления, не лишены свойств «сущего», т.е. направлены на решение конкретных житейских проблем. Вместе с тем в них отчетливо просматривается «должное» или достояние правокультурной традиции, не подлежащее никакому оспариванию.

Общины великорусских крестьян представляли собой тот тип равномерной социальной жизни, которая обеспечивала устойчивость и надежность не только в плане физического сохранения индивидов, но и их общественных идеалов и ценностей. В аспекте развития она уступает неравномерному социальному движению, но создает надежные способы сохранения жизни, удовлетворяющие запросам общественного большинства.

Витальные идеалы великорусских крестьян, если не противоречили, то, по крайней мере, не совпадали с отвлеченными идеями ценности права. Возможно, именно приземленность крестьянских общественных идеалов вызывала и вызывает пренебрежительное отношение к ним. Однако это были те самые нравственные начала общественной совести и долга, правды и добра, достоинства человека, на которых базировалось обычное право.

При всей неоднозначности и не универсальности иллюстративного метода без него в подобном исследовании не обойтись. Тем более, что примерами, подтверждающими наличие «общественной совести», лежащей в основании правовых обычаев крестьян, изобилуют исследования народоведов. Так, крестьяне одной из деревень заподозрили своего односельчанина в конокрадстве и, воспользовавшись предоставленным законом правом, сослали его в Сибирь. Однако обвинение оказалось напрасным. Крестьянин был возвращен, но повредил здоровье и оказался неспособным к физическому труду. Тогда решением схода крестьяне без всякого принуждения извне приняли решение обрабатывать совместно его надел земли.

Слова «правда» и «закон» признаются древнейшими славянскими словами, вошедшими в социальный обиход задолго до появления государства на Руси. Для крестьян правда выступала в роли высшего идеала жизнедеятельности и эталона справедливого отношения между людьми, имеющего приоритет над законом. Правда служила мерилom равенства, в том смысле, что каждый имел право на правду и обязанность стремиться к правде как единственному пути приобщения к высшим ценностям⁵.

⁵ См.: Шатковская Т. В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4. С. 15–20.

Потребность в правде, которую следует относить к духовным элементам человеческого общежития, одному из нравственных чувств и основ в человеке, ощущается и сегодня, в том числе и на государственном уровне. В одном из своих выступлений Президент России высказал следующую мысль: «Доверие между людьми складывается только тогда, когда общество скреплено общими ценностями, и люди не утратили способность к вере, честность, чувство справедливости и свободы. А уважение к закону возникает только тогда, когда он один для всех, всеми соблюдается и в основе его – **правда**»⁶.

Идея правды выражена в таком качестве, как «правдивость». Точные характеристики «правдивости», как и других идей, существующих объективно помимо нашего сознания, а именно к таким и относится «правда», формулировать сложно. В сознании русского человека было понимание того, что «правда» не в словах («правда – свет разума») ⁷. Вместе с тем, правдивым считался человек, который и говорил, и поступал по «правде», а значит добросовестно, честно, неподкупно, справедливо, исправно, по закону Божьему («правдивый человек не покривит душой»).

Право не есть «правда», на что указывает и различие в понимании этих слов («нет правды на свете, суда – по правде»). Под правом понимается «данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в условных пределах»⁸. Тем самым право от людей, а правда – от Бога («Бог тому дает, кто правдой живет»). Невинность, признанная судом, не означает безгрешность человека. В то время как оправданный считался праведным на деле.

Опора на правду становилась для крестьянских судей основанием для отмены духовных завещаний и распределения наследственной массы по степени трудового вклада наследников⁹. Не менее трети всех судебных разбирательств по мелким уголовным и гражданским делам завершалось примирением сторон¹⁰.

Принцип равного распределения как выражение первоначальной справедливости был положен в основание компромиссного правового обычая «грех пополам». Он применялся чаще всего по обоюдному согласию сторон в случаях отсутствия или неполноты доказательств, обоюдной вины сторон, невозможности исчисления конкретной суммы убытков, причинения убытков в состоянии опьянения и др. Этот и иные по-

⁶ Путин В. В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 января.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1999. Т. 3, П. С. 379.

⁸ Там же. С. 377.

⁹ Архив Российского музея этнографии. Ф. 7. Оп. 1. Д. 242. Л. 142–150.

¹⁰ См.: Духовский М. Имущественные проступки по решениям волостных судов. М., 1891. С. 52.

добные обычаи (например, жребий, помочи) обеспечивали равновесие, единство и устойчивость крестьянской общины¹¹.

Начала обычного права великорусских крестьян не исчерпывают собой нравственные силы российского общества, а необходимость их модернизации в соответствии с новейшими требованиями лишает их качества идеала будущего. Его грубость и непосредственность отталкивает воспитанного в западноевропейских традициях интеллектуала. Все это так. Однако изучение актов выражения крестьянского правосознания позволяет обнаружить в них уважительное отношение к правовым формам крестьянского общения; признание иерархии, выраженной в примате общего блага, общественного интереса над частным; взаимосвязь нравственности и обычного права, выраженную в понимании его положительного смысла; действенность общезначимых принципов; понимание разумной достаточности и социальной необходимости служения общественному целому.

Нравственные начала крестьянского обычного права представляют собой простую, но вместе с тем гармоничную систему, основанную на понятных каждому крестьянину ценностях. Это пример живого правотворчества, сочетающего сакральное отношение к традициям и их адаптацию к потребностям современной жизни. Обычно-правовое творчество в большей степени соответствует закону внутренней необходимости, обращая взор как в прошлое, так и в сторону настоящих задач и интересов.

Крестьянское обычное право представляет собой пример, о котором И. А. Ильин говорил как об аксиоме любой политики, а именно праве, созданном для внутреннего мира человека и опирающемся на его правосознание¹². Оно не было идеальным, свободным от суеверий, предрассудков и иных дефектов. Примером таких дефектов может служить случай из практики волостного суда, приведенный Березанским. За обиду, нанесенную мужу, женщину по приговору суда, основанному на обычае, наказали розгами в то время, когда действовал закон от 8 апреля 1863 г., освободивший женщин от телесных наказаний. Однако в обычном праве отсутствовал главный дефект позитивного права, а именно оторванность внешних поступков от «подлинной стихии народной жизни», внутреннего мира и обособленность от нравственных начал.

Такая взаимосвязь зиждется не столько на рациональном, сколько на эмоциональном восприятии общественной ценности другого чело-

¹¹ См.: Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий). СПб., 1873. Т. 1, № 5. С. 626; Тимофеев П. Г. «Грех пополам» в русском обычном и иностранном праве. СПб., 1903. С. 19, 27.

¹² См.: Ильин И. А. Указ. соч. С. 105.

века, принимающем впоследствии форму правового признания. Поэтому в крестьянской общине упорядочение осуществлялось на «жизненном чувстве содружества»¹³, имевшем глубокие биологические корни. И эта бесформенная с юридической точки зрения материя имеет богатейшее жизненное содержание.

Осуществимость, понятность и справедливость разнообразных правовых форм, именуемых обобщенно обычаями, важнее их соответствия образцам и канонам мертвой для крестьян формальной юриспруденции. Отсутствие жизнеспособности у обычая вело к его «легкой смерти» – его просто забывали.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы о нравственных началах обычного права великорусских крестьян:

– во-первых, содержание обычно-правовых норм основывалось на началах нравственности и не могло противоречить общественной совести, правде, сложившемуся правопорядку. Действие правовых обычаев не ограничивалось лишь установлением пределов внешнего поведения крестьян и иных лиц. Реализация правовых обычаев предполагала обращение к внутреннему миру участников отношений, используя общественное правосознание в качестве средства легитимации, коллективную память для фиксации стандартов правомерного поведения как образцов правокультурной традиции;

– во-вторых, несмотря на многовековой возраст и налет архаичности, данные «немодные» положения не могут быть отброшены в угоду цифровизаторам. Причина тому кроется в возрастании их социальной значимости в условиях сомнений и неопределенности, сопровождающих выбор направления цивилизационного развития. Их фундаментальность, надежность и понятность возвращают общественному сознанию так необходимое ему в атмосфере разрушения многих политических понятий состояние определенности и конкретные указания к единению и согласию как лучшим опорам общественной жизни.

Глава Совета Федерации В. И. Матвиенко высказала предложение об обязательной экспертизе всех российских законов на предмет их соответствия национальным и историческим ценностям. Кроме того, она обратила внимание на необходимость укрепления этической составляющей национальных законов, их ориентированности на нравственные нормы и установки¹⁴.

Заключим исследование словами Г. В. Вернадского, справедливо заметившего, что русский народ неоднократно приносил в жертву личные и

¹³ Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 238.

¹⁴ Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/2016/08/12/valentina-matvienko-pravovaya-sistema-strany-dolzha-opiratsya-nanacionalnye-tradicii-i-cennosti.html> (дата обращения: 20.09.2021).

политические права национальному выживанию России¹⁵. Жертвенность и стремление к национальному единству в полной мере могут быть признаны нравственными характеристиками россиян.

Библиографический список

- Алексеев Н. Н.* Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Издательство «Лань», 1999. – 251 с.
- Вернадский Г. В.* Русская история : учебник / Г. В. Вернадский. – М. : Аграф, 1997. – 542 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Рус. Яз., 1999. – Т. 2, И–О.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Рус. Яз., 1999. – Т. 3, П.
- Духовский М.* Имущественные проступки по решениям волостных судов / М. Духовский. – М. : Тип. М. П. Щепкина, 1891. – 381 с.
- Ильин И. А.* О сущности правосознания / И. А. Ильин // Ильин И. А. Собрание сочинений. – М. : ТОО «Рарог», 1993. – Том четвертый. – 234 с.
- Новгородцев П. И.* Введение в философию права : кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – СПб. : Лань и др., 2000. – 347 с.
- Путин В. В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить / В. В. Путин // Известия. – 2012. – 16 января.
- Тимофеев П. Г.* «Грех пополам» в русском обычном и иностранном праве / П. Г. Тимофеев. – СПб. : Тип. Е. Архос, 1903. – 60 с.
- Труды комиссии по преобразованию волостных судов (словесные опросы крестьян, письменные отзывы различных мест и лиц и решения волостных судов, съездов мировых посредников и губернских по крестьянским делам присутствий). – СПб., 1873. – Т. 1.
- Шатковская Т. В.* Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи / Т. В. Шатковская // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2013. – № 4. – С. 15–20.

References

- Alekseev N. N.* Fundamentals of the philosophy of law / N. N. Alekseev. – SPb. : Publishing House “Lan”, 1999. – 251 p.
- Vernadsky G. V.* Russian history : textbook / G. V. Vernadsky. – M. : Agraf, 1997. – 542 p.
- Dal V. I.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language / V. I. Dal. – M. : Rus. Yaz., 1999. – T. 2.
- Dal V. I.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language / V. I. Dal. – M. : Rus. Yaz., 1999. – T. 3.
- Dukhovsky M.* Property offenses according to decisions of volost courts / M. Dukhovsky. – M. : Type. M. P. Shchepkina, 1891. – 381 p.
- Ilyin I. A.* On the essence of legal consciousness / I. A. Ilyin // Collected works. – M. : Rarog LLP, 1993. – Volume four. – 234 p.

¹⁵ *Вернадский Г. В.* Русская история : учебник. М., 1997. С. 22, 23.

Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law : the crisis of modern legal consciousness / P. I. Novgorodtsev. – SPb. : Lan et al., 2000. – 347 p.

Putin V. V. Russia is concentrating – challenges that we must respond to / V. V. Putin // *Izvestia*. – 2012. – January 16.

Timofeev P. G. “Sin in half” in Russian customary and foreign law / P. G. Timofeev. – SPb. : Type. E. Arhos, 1903. – 60 p.

Proceedings of the commission for the transformation of volost courts (Verbal surveys of peasants, written reviews of various places and persons and decisions of volost courts, congresses of peace mediators and provincial presences on peasant affairs). – St. Petersburg, 1873. – Т. 1.

Shatkovskaya T. V. Experience in reconstructing the legal traditions of the Russian people on the basis of acts of the Russian state during the imperial period / T. V. Shatkovskaya // *North Caucasian Legal Bulletin*. – 2013. – No. 4. – Pp. 15–20.

Для цитирования:

Шатковская Т. В. Нравственные начала традиционных правовых представлений великорусских крестьян // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2023. № 2(3). С. 43–50.

Recommended citation:

Shatkovskaya T. V. Moral principles of traditional legal ideas of Great Russian peasants // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2023. No. 2(3). Pp. 43–50.

Сведения об авторе

Шатковская Татьяна Владимировна – заведующий кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, профессор кафедры гражданского права РГЭУ (РИНХ), доктор юридических наук, профессор

E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

Information about author

Shatkovskaya Tatyana Vladimirovna – Head of the Chamber of Theory and History of Law and State of the South-Russia Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Chamber of Civil Law of Rostov State Economic University (RINH), Doctor of Law, Professor

E-mail: shatkovskaya.tv@gmail.com

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИМПЕРИИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Ю. Калинина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Поступила в редакцию 19 декабря 2022 г.

Аннотация: в рамках антропологического подхода для историка права становится возможным ставить и решать те задачи, которые представляются неразрешимыми для проведения исследований, с точки зрения позитивизма, с применением формационного подхода. Например, становится возможным исследовать такой феномен, как средневековая империя. Мы встречаемся с империей Карла Великого, а также менее изученной испанской империей. Подразумеваемая неготовность Испании к становлению такой мощной системы, как империя, историки и историки права игнорируют упоминания о ней в источниках: хрониках, литературе, даже правовых актах. Действительно, это понятие не соотносится с тем, что сложилось в науке. Можно предположить, что это некий социальный конструкт, который служит для формирования основополагающих концептов правосознания и правовой культуры и ложится в основу государства.

Ключевые слова: империя, Средние века, Испания, юридическая антропология, правосознание, правовая культура, социальный конструкт, идентичность.

EMPIRE CONSTRUCTION IN MEDIEVAL SPAIN AS A TECHNOLOGY FOR THE FORMATION OF STATE-LEGAL IDENTITY

E. Yu. Kalinina

State Pedagogical University of Russia named after A. I. Herzen

Abstract: within the framework of the anthropological approach, it becomes possible for a legal historian to set and solve those tasks that seem unsolvable for research from the point of view of positivism, using a formational approach. For example, it becomes possible to analyze a phenomenon of medieval empire. A researcher faces the empire of Charlemagne, as well as the less studied medieval Spanish Empire. Implying Spain's unpreparedness for the formation

of such a powerful system as the empire, historians and legal historians ignore references to it in sources: chronicles, literature, even legal acts. Indeed, this concept does not correspond to the concept developed in science. So the medieval empire can be assumed as a kind of social construct that served to form the fundamental concepts of legal consciousness and legal culture and formed a basis of the state.

Key words: empire, Middle Ages, Spain, legal anthropology, legal consciousness, legal culture, social construct, identity.

Империя – это очень широкое междисциплинарное понятие, поэтому прежде чем раскрывать основной вопрос исследования, следует оговорить границы его применения. Не только в разных науках, но даже в разных отраслевых правовых дисциплинах понятие империи может быть наполнено разным содержанием. Скажем, в теории государства и права она может пониматься иначе, нежели в историко-правовой науке. В рамках юридической антропологии империю можно трактовать как объективную систему политико-правовых отношений, выраженных посредством институтов, а также как способ видения государственно-правовой действительности, как политико-правовую картину мира, т.е. с точки зрения субъективной. Субъективную сторону империи можно понимать как основополагающую, потому что с позиции, скажем, формационного подхода, мы можем объяснить генезис и эволюцию этой социальной суперсистемы, увидеть особенности её механизма, но останется нераскрытым такой вопрос, как почему и для чего эти системы возникают. Не с функциональной точки зрения (на этот вопрос также может дать ответ, в той или иной степени, формационный подход), а именно почему в тот исторический момент, когда существуют все объективные условия для существования империи, она не складывается. И наоборот: бывали случаи, когда объективные предпосылки к созданию империи даже не сложились, но империя объективно существовала.

В этом противоречии состоит основной вопрос настоящего исследования. Именно в рамках антропологического подхода можно изучить особенности империи как картины мира, как формы правовой культуры, что даст ответ на вопрос о том, почему и для чего в ряде случаев народу нужна империя, а в других случаях он её категорически отрицает.

В рамках истории Испании можно наблюдать все эти процессы. Ещё не сложившись как государство, Испания стала частью Римской империи, что не могло не отложить свой отпечаток на её дальнейшей истории. Римская политика в Испании привела к тому, что впервые в правосознании иберийцев появляется концепт политико-правового един-

ства¹. Ещё более раннее, хотя и не столь сильное влияние на имперское правосознание Испании, несомненно, оказал Карфаген. Вестготский политико-правовой вариант нивелировал данную форму становления государственности, хотя именно в его недрах зародился и оказался успешным кастильский проект. Мы рассмотрим, как внезапно появившаяся на историко-правовой арене Кастилия стала центром притяжения разных народов Испании и создала империю в ситуации, когда не существовали её предпосылки. И напротив, крушение испанской империи в 1898 г. оказалось необратимым, несмотря на то, что все механизмы функционировали, хотя и не в полную силу. Надлежащего «ремонта» могло бы стать достаточно, но даже Ф. Франко, опирающийся в своей идеологии на восстановление образа империи, не только не добился успеха, но, напротив, создал устойчивую негативную реакцию в испанском правосознании по поводу империи.

Этот стойкий негативизм существует и сегодня, причём многие испанцы не просто отрицательно относятся к идее возможности возрождения империи, но это ретроспективный негативный взгляд. Вся система выстраивания отношений с Латинской Америкой представляется в большинстве случаев ошибочной, хотя о других бывших колониях в этом дискурсе речь, как правило, не идёт. При этом нередко затушёвываются достижения и позитивные стороны ибероамериканского сотрудничества.

Всё это означает, что империю можно считать паттерном правосознания, который может существовать в правовой культуре, даже если в настоящий момент империя не проявлена в объективной реальности. Как отметила В. И. Уколова, «империя как над-реальность продолжает жить и тогда, когда реальная империя гибнет, еще долго продолжая определять трансформацию постимперского пространства»².

Импери́я – это символ единства и независимости народа, способность сплачивать вокруг себя разные народы, даже если они принадлежат к разным цивилизациям, религиям, этносам и расам. Империя может свидетельствовать о начале становления и развития такого понятия, как нация, хотя бы и не в политическом смысле, потому что в таком виде оно появилось довольно поздно, только в конце XVIII–XIX в., когда было юридически зафиксировано в конституционных актах. Говоря об Испании, некоторые авторы называют такое явление внутреннего единства, основанного на уже сложившейся идентичности, «протонация»³. Тем не

¹ См.: Alegre Peyrón J. M. La España visigoda. Proceso de germanización en una provincia romana // *Revue Romane*. 1966. Т. 1. URL: https://tidsskrift.dk/index.php/revue_romane/article/view/11027/20952 (дата обращения: 14.11.2022).

² Уколова В. И. Империя : исторический опыт Рима // *Вестник МГИМО*. 2008. № 2. С. 3–4.

³ См.: Pérez Garzón J. S. El nacionalismo español en sus orígenes : factores de configuración // *Ayer*. 1999. № 35. P. 64.

менее в раннее Средневековье в Испании из-за арабского нашествия концепция единой Испании была условной, хотя, несомненно, существовала, поскольку в источниках мы видим рассуждения не о какой-то отдельно взятой территории, а именно об Испании как духовной целостности. При этом юридической и политической субъектностью в этот момент обладали, скорее, отдельные королевства или такие субъекты, как, скажем, Кастилия – графство, претендующее на то, что в современности назвали бы суверенитетом. Вероятно, можно объяснить столь «странную» идентичность историческими условиями. Кастилия, как и северные испанские земли вообще, сформировалась как остров неповиновения, борьбы с арабскими завоевателями и постоянного упрямого противостояния всему, что, по мнению кастильцев, было направлено против их свободы и независимости. С одной стороны, это явление можно было бы назвать следствием становления национального духа и зарождения национально-освободительного движения. С другой стороны, нужно признать, что нередко королями и знатью двигала жажда наживы, вне зависимости от того, кого грабили войска – христианских или мусульманских соседей. Реконкиста в рамках такого понимания служила не только освобождению Родины, но и захвату земель, замков и людей, которые способны нести службу и платить налоги⁴.

К XI в. появляется идея империи. В этот период короли Астурии, Леоны, а затем Кастилии начинают именовать себя императорами. В XIII в. эта идея фиксируется юридически в актах писаного королевского права, в частности в Партидах Альфонсо Мудрого, который серьёзно работает над созданием правовой концепции и размышляет о её отличии от концепции королевства. Обратим внимание, что это период, в который империя, как мы её понимаем сейчас, ещё не сложилась. Альфонсо Мудрый мыслил в рамках античной империи и Священной Римской империи, на главенствующую роль в которой он лично претендовал, однако в его правовых актах уже прослеживается правовая концепция раннего Нового времени.

Но особого внимания заслуживают даже не эти идеи, а те, что зародились в недрах средневековой Кастилии в период с X по XIII в. Империя здесь не что иное, как способ зафиксировать политическую идентичность и продемонстрировать независимость в рамках общеиспанского пространства от других христианских и мусульманских правителей, а также от соседних Каролингов, поскольку граница между ними ещё не сформировалась⁵. В этом смысле средневековая империя имеет тенден-

⁴ См.: *Laliena Corbera C. Guerra Santa y conquista feudal en el Noroeste de la Península a mediados del siglo XI : Barbastro, 1064 // Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica : la guerra, la frontera, la convivencia. Avila, 2009. P. 205.*

⁵ См.: *O'Callaghan J. F. A history of medieval Spain. Cornell University Press, 2013. P. 164.*

цию к разделению, т.е. захвату земель, формированию собственной территории, декларированию независимости от соседей⁶. Всё это ярко продемонстрировала Кастилия. И эта сторона империи тоже значительно отличается от привычной концепции, сформированной в Новое время, – в ней делается акцент на объединение.

Другие исследователи пытаются обнаружить другую логику, указывая на античные корни испанской империи, демонстрируя, что кастильские правители опирались на римское понятие *imperium* как власти военной⁷. В средневековой Европе понятие «император» могло трактоваться просто как «правлящий», указывают некоторые историки, пытаясь объяснить, почему кастильские графы, преодолев несколько ступеней в социально-политической иерархии, в том числе *rex*, начинают идентифицировать себя как императоров. Так, например, в X в. полулегендарный граф Кастилии Фернан Гонсалес создал мощный политико-правовой союз, прообраз будущего королевства, ставшего центром испанского государства. Его сын, Гарсия Фернандес, впервые юридически назвал себя императором. В изданном им Фуэро Кастрохериса (974 г.) записано, что этот акт дарован «графом и императором Кастилии»⁸. Для современного юриста это утверждение звучит парадоксально настолько, что историки либо пытаются найти приемлемое объяснение, либо вовсе не обращать внимание на этот факт. В первом случае они говорят о возможной ошибке при переписывании⁹, что действительно нередко случалось в Средневековье. Однако постоянно списывать такие особенности источника на ошибки нельзя: создаётся ощущение неуважения к предкам, людям, которые создали современную государственно-правовую систему, однако постоянно допускали ошибки при переписывании. Во втором случае этот факт просто упускается из виду и не исследуется.

Но независимо от того, была ли это ошибка или намеренно используемая концепция, в дальнейшем происходит нечто заслуживающее внимания. Некоторые потомки Гарсии Фернандеса называют себя императорами, а некоторые – нет. Фернандо I (1037–1065) себя императором не называл (документов, подтверждающих этот факт, до нас не дошло), но современники упоминали о нём как об императоре. Императором назы-

⁶ См.: Muldoon J. *Empire and order : the concept of empire, 800–1800*. Springer, 1999. P. 16.

⁷ См.: *Damião Rodrigues J. The Flight of the Eagle : an Island Tribute to the Universal Iberia Monarchy at the End of the Sixteenth Century // e-Journal of Portuguese History*. 2011. Vol. 9, № 2. Pp. 3, 4; *Roca Barea M. E. Imperiofobia y leyenda negra : Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español*. Madrid, 2016. P. 36.

⁸ Fuero de Castrojeriz [Электронный ресурс]. URL: http://www.castrojeriz.com/Historia/H_Fuero.htm1 (дата обращения: 24.01.2022).

⁹ См. в кн.: *Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos // Revista de estudios políticos*. 1950. № 49. Pp. 12–13.

вал себя его сын, Альфонсо VI. Затем себя называли императорами правители разных территорий будущей Испании: Кастилии, Леона, Наварры, Астурии. В XI в. Альфонсо VI называет императором не только своего отца, но и себя, подчёркивая право носить этот титул. Он получает «имперскую легитимность» через создание образа отца-императора. Его внук остался в истории как Альфонсо VII Император (XII в.). Его сын Санчо III Желанный, который правил всего один год (1157–1158), подчёркивал в документах, что он сын императора и «король милостью божьей»¹⁰. Альфонсо VIII в силу политических обстоятельств – начавшегося процесса раздробленности в результате борьбы между братьями – называл себя королём, но не императором. Первым королём, который претендовал на титул императора практически в смысле, который вкладывался в понятие «империи» в Новое время в рамках европейского политико-правового пространства, был Альфонсо X Мудрый (XIII в.). Он даже был избран императором Священной Римской империи, но в силу обстоятельств фактически им не стал, не был утверждён. Тем не менее в более поздних хрониках его нередко именуют императором, возможно, в силу сложившейся средневековой испанской традиции.

Эта традиция любопытна тем, что в правовой культуре складывается некий концепт, который едва ли существует в реальности. Так, например, ярким выражением этого концепта является идея известного испанского автора XIII в., Хименеса де Рады, который связывал Испанию с Иберийским полуостровом, хотя на самом деле большая часть полуострова ещё была занята арабами и конец Реконквисты не был виден. Так сложилась государствообразующая имперская идеология, основанная на мифологии единства, целостности и неделимости. Кстати, эта идея содержится и в современной испанской конституции, хотя имперский концепт ей сегодня глубоко чужд. Следовательно, империя в средневековой Испании – это образ, конструкт, репрезентация идеи государственности, которой ещё не было (!), ценностный концепт.

Это уникальная ситуация, которая может показаться глубоко противоречащей привычному нам понятию «империя», что заставляло историков и юристов, работающих в русле материалистических позитивистских подходов, отмахиваться от факта, зафиксированного в хрониках, сочинениях и даже правовых актах. Однако если мы попробуем провести анализ, основываясь на методах, предоставляемых антропологическим и цивилизационным подходами, то это даст возможность включить феномен средневековой испанской империи как факта правосознания в предмет изучения историко-правовой науки. Мы можем увидеть его функцию и значение для таких важных процессов, как становление госу-

¹⁰ См.: Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании : цивилизационный подход : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2021.

дарства и права, формирование государственно-правовой системы, правосознания и правовой культуры.

Библиографический список

Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании : цивилизационный подход : дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Ю. Калинина. – СПб., 2021. – 398 с.

Уколова В. И. Империя : исторический опыт Рима / В. И. Уколова // Вестник МГИМО. – 2008. – № 2.

Alegre Peyrón J. M. La España visigoda. Proceso de germanización en una provincia romana / J. M. Alegre Peyrón // *Revue Romane*. – 1966. – Т. 1. – URL: https://tidsskrift.dk/index.php/revue_romane/article/view/11027/20952 (дата обращения: 14.11.2022).

Damião Rodrigues J. The Flight of the Eagle : an Island Tribute to the Universal Iberia Monarchy at the End of the Sixteenth Century / J. Damião Rodrigues // *e-Journal of Portuguese History*. – 2011. – Vol. 9, № 2.

Laliena Corbera C. Guerra Santa y conquista feudal en el Noroeste de la Península a mediados del siglo XI : Barbastro, 1064 / C. Laliena Corbera // *Cristianos y musulmanes en la Península Ibérica : la guerra, la frontera, la convivencia*. – Avila : Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – Pp. 189–217.

Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos / R. Menéndez Pidal // *Revista de estudios políticos*. – 1950. – № 49. – Pp. 9–50.

Muldoon J. Empire and order : the concept of empire, 800–1800 / J. Muldoon. – Springer, 1999. – 209 p.

O'Callaghan J. F. A history of medieval Spain / J. F. O'Callaghan. – Ithaca : Cornell University Press, 2013. – 728 p.

Pérez Garzón J. S. El nacionalismo español en sus orígenes : factores de configuración / J. S. Pérez Garzón // *Ayer*. – 1999. – № 35. – Pp. 53–86.

Roca Barea M. E. Imperiofobia y leyenda negra : Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español / M. E. Roca Barea. – Madrid : Siruela, 2016. – 536 p.

References

Kalinina E. Yu. Formation of the state-legal system of medieval Spain : a civilizational approach : diss. ... Doc. of Legal Sciences / E. Yu. Kalinina. – SPb., 2021. – 398 p.

Ukolova V. I. Empire : the historical experience of Rome / V. I. Ukolova // *Proceedings of MGIMO*. – 2008. – No. 2.

Alegre Peyrón J. M. La España visigoda. Proceso de germanización en una provincia romana / J. M. Alegre Peyrón // *Revue Romane*. – 1966. – Т. 1. – URL: https://tidsskrift.dk/index.php/revue_romane/article/view/11027/20952 (date of the application: 14.11.2022). (in Esp.)

Damião Rodrigues J. The Flight of the Eagle : an Island Tribute to the Universal Iberia Monarchy at the End of the Sixteenth Century / J. Damião Rodrigues // *e-Journal of Portuguese History*. – 2011. – Vol. 9, № 2. (in Engl.)

Laliena Corbera C. Guerra Santa y conquista feudal en el Noroeste de la Península a mediados del siglo XI : Barbastro, 1064 / C. Laliena Corbera // *Cristianos y mu-*

sulmanes en la Península Ibérica: la guerra, la frontera, la convivencia. – Avila : Fundación Sánchez Albornoz, 2009. – Pp. 189–217. (in Esp.)

Menéndez Pidal R. El imperio hispánico y los cinco reinos / R. Menéndez Pidal // Revista de estudios políticos. – 1950. – No. 49. – Pp. 9–50. (in Esp.)

Muldoon J. Empire and order : the concept of empire, 800–1800 / J. Muldoon. – Springer, 1999. – 209 p. (in Engl.)

O'Callaghan J. F. A history of medieval Spain / J. F. O'Callaghan. – Ithaca : Cornell University Press, 2013. – 728 p. (in Engl.)

Pérez Garzón J. S. El nacionalismo español en sus orígenes : factores de configuración / J. S. Pérez Garzón // Ayer. – 1999. – No. 35. – Pp. 53–86. (in Esp.)

Roca Barea M. E. Imperiofobia y leyenda negra : Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español / M. E. Roca Barea. – Madrid : Siruela, 2016. – 536 p. (in Esp.)

Для цитирования:

Калинина Е. Ю. Конструирование империи в средневековой Испании как технология формирования государственно-правовой идентичности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 51–58.

Recommended citation:

Kalinina E. Yu. Empire construction in medieval Spain as a technology for the formation of state legal identity // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 51–58.

Сведения об авторе

Калинина Елена Юрьевна – доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент

E-mail: bellaflor@mail.ru

Information about author

Kalinina Elena Yuryevna – Associate Professor of Theory of Law and Legal-Civic Education Department of Law Faculty of State Pedagogical University of Russia named after A. I. Herzen, Doctor of Law, Docent

E-mail: bellaflor@mail.ru

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ПРАВОГЕНЕЗА

А. А. Шепталин

Удмуртский государственный университет

Поступила в редакцию 30 ноября 2022 г.

Аннотация: целью статьи является привлечение исследовательского внимания к такому аспекту гносеологического потенциала юридической антропологии, как проблемы реконструкции нормативного регулирования в раннеродовом обществе и генезиса феномена права в неолитической позднеродовой общине. Проводится идея, что только через научно обоснованное выяснение генезиса, истоков, правообразующих факторов, социально-экономических и иных условий возникновения феномена права возможно решить одну из ключевых проблем современной юридической науки – выработать объективное определение права, соответствующее реальным данным гуманитарных и естественно-исторических наук.

Ключевые слова: юридическая антропология, правовая этнология, нормативная этнография, неозолюционизм, обычное право, синполитейные племена, правогенез.

EPISTEMOLOGICAL POTENTIAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY IN THE CONTEXT OF PROBLEMS OF LAW GENESIS

A. A. Sheptalin

Udmurt State University

Abstract: the purpose of the article is to draw the attention of researchers to such an aspect of the epistemological potential of legal anthropology as the problem of the reconstruction of normative regulation in early tribal society and the genesis of the phenomenon of law in the late tribal community of the Neolithic era. The idea is carried out that only through a scientifically based clarification of the genesis, origins, law-forming factors, socio-economic and other conditions for the emergence of the phenomenon of law, it is possible to solve one of the key problems of modern legal science – to develop an objective definition of law corresponding to the real data of the humanities and natural history sciences.

Key words: legal anthropology, legal ethnology, normative ethnography, neo-evolutionism, customary law, synpolyteic tribes, genesis of law.

Рост актуальности проблем и вопросов, изучаемых юридической антропологией¹, обусловлен целым рядом факторов, в том числе и очевидным кризисом доминирующих в правовой науке нормативизма и неопозитивизма. Между тем в столь обширных мультикультурных государствах, как Российская Федерация, реальное правовое пространство было и остается гораздо сложнее и многограннее, чем это зачастую представляется из столичных кабинетов. Подобно тому, как законодательно установленный государственный язык не отменяет эффективного функционирования в обществе иных языков, диалектов, говоров, арго и даже жаргонов, позитивное право отнюдь не отражает всей пестрой соционормативной мозаики, составляющей сегодня правовое пространство страны *de facto*. Многочисленные полевые материалы демонстрируют, что и в XXI в. немало народов Сибири и Крайнего Севера, Северного Кавказа и Волго-Уральского региона, несмотря на, казалось бы, продолжительную ассимиляцию, в той или иной степени практикуют в повседневной жизни многовековые этноправовые традиции².

Так исторически сложилось, что юридическая антропология в первую очередь ассоциируется с изучением современного обычного права различных народов в практических целях, поскольку, как верно заметил Н. Рулан, является «дочерью колонизации»³. Именно поэтому первые, зачастую весьма поверхностные, сообщения о юридическом быте племен и народов подчиненных или полузависимых территорий делались военными лицами и мореплавателями. Однако практически вслед за ними шли ученые, миссионеры и торговцы, которые, подолгу проживая в туземно-иностранческой среде, обращали свое внимание уже не только на актуальные аспекты, но и на любые примечательные факты, в том числе имевшие характер остаточных явлений и исчезающих пережитков. Изучение этих не столь многочисленных, а потому особо ценных этнологических источников составляет сегодня одну из наиболее важных задач юридической антропологии, поскольку позволяет разобраться в истоках генезиса и становления первобытного нормативного регулирования и трансформации последнего в последующие исторические эпохи сначала в обычное, а затем и в позитивное право⁴.

¹ См. подр.: Веденеев Ю. А. Антропология права : между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 9.

² См., например: Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии : сб. науч. статей / отв ред.: Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М., 2002; Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы : монография. Саранск, 2009, и др.

³ Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов / пер. с франц. ; отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1999. С. 18.

⁴ См.: Шепталин А. А. О роли юридической антропологии в изучении государства и права // Электронное приложение к «Росс. юрид. журналу». 2016. № 2.

Два наиболее активно развивающихся направления в современной юридической антропологии – это изучение актуального обычного права и содействие защите прав коренных малочисленных народов. Целью же данной публикации является привлечение исследовательского внимания к такому менее популярному аспекту гносеологического потенциала юридической антропологии, как проблемы реконструкции нормативного регулирования в раннеродовом обществе и генезиса феномена права в неолитической позднеродовой общине.

В условиях продолжающейся недооценки научно-правовым сообществом данных юридической антропологии возникает одна из ключевых коллизий современного права, выражающаяся в несоответствии господствующего нормативистского определения права реальной картине, синтезируемой посредством этнологических и антропологических материалов. Следует признать, что невозможно дать научно обоснованное определение феномена права, предварительно не разобравшись с различными вопросами его генезиса, истоков, правообразующих факторов, социально-экономических условий его возникновения и т.д.

Дискуссию об этих сюжетах еще в 1970–1980-е гг. пытались перевести из умозрительной идеологизированной плоскости в предметно-научную А. Б. Венгеров⁵, В. С. Нерсисянц⁶, А. И. Першиц⁷ и ряд других известных ученых⁸. Однако в тот период в силу доминирования марксистско-ленинской методологии научное сообщество даже под грузом научно установленных фактов не могло отступить от советской квазимарксистской догмы об отсутствии права в первобытном обществе и тесной обусловленности права и государства⁹. В постсоветский период ситуация несколько изменилась, но не столь существенно. В подавляющем большинстве издаваемых сегодня в России учебников и учебных пособий по юриспруденции глобальный феномен права по-прежнему идентифицируется с правом позитивным и фактически отождествляется с законом.

Важно отметить, что умозрение является, по сути, ведущим методом позитивизма в вопросах генезиса права и государства. Эмпирически эти институты могут быть исследованы только посредством методического арсенала юридической антропологии и этнолого-антропологической

⁵ См.: Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3.

⁶ См.: Нерсисянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983.

⁷ См.: Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

⁸ См. подр.: Шепталин А. А. К дискуссии в отечественной историографии о нормативном регулировании в первобытном обществе // Механизм правового регулирования : история и современность. V Алексеевские чтения. Екатеринбург, 2019. Ч. 2.

⁹ См. подр.: Шепталин А. А. Формирование квазимарксистского правопонимания в советской юридической науке в 1920–1930-е гг. // Lex russica. 2022. Т. 75, № 4.

концепции мультилинейного неозволюционизма, допускающей корректное использование материалов по синполитейным, т.е. современным, первобытным этносам как для реконструкции дописьменного периода истории цивилизованных народов в целом, так и происхождения права и государства в частности¹⁰. В отличие от позитивизма юридико-антропологические исследования опираются на многочисленные источники и специальную литературу, содержащие репрезентативные примеры, зафиксированные исследователями в XVIII – начале XX в. в регулятивной практике первобытных племен, не успевших подвергнуться влиянию цивилизации и сохранивших традиционный хозяйственно-бытовой уклад и образ жизни¹¹.

С середины XX в. количество людей, живущих в ойкумене в условиях общинно-родового социального устройства, очевидно, многократно сократилось, но тем не менее речь по-прежнему идет о миллионах человек. Хотя этот процесс активно продолжается, в Амазонии, в Австралии, в Южной и Юго-Восточной Азии, в Меланезии и в Экваториальной Африке и сегодня насчитывается около сотни племен, которые сознательно сводят к минимуму или вообще уходят от контактов с внешним миром, твердо оберегая от вторжения и перемен свои традиции и образ жизни. Можно сказать, что они сохранили свой первобытный уклад во многом из-за своей выраженной самоизоляции. По этой причине они остаются плохо изученными и, надо полагать, подробное их исследование со временем может дать ответы на многие вопросы, в том числе связанные с генезисом и развитием соционормативного регулирования, обычного права и потестарных структур.

Помимо полевой социологической работы огромным потенциалом для исследователей обладают различного рода историко-этнографические материалы (донесения, сообщения, письма, доклады, «истории» и т.п.) предколониального или начальной стадии колониального периода. На сегодняшний день в архивах и библиотеках сохраняется обширный пласт документов и материалов XVII–XIX вв. по общественному быту и обычному праву различных народов, материалов в значительной мере не обработанных и не введенных в научный оборот. Они повествуют в том числе о социальном устройстве и нормативном регулировании в таких раннеклассовых государствах, как империи инков, ацтеков, города-государства чибча в Месоамерике, королевства Гавайи и Таити в Полинезии, империи зулусов и луба, Бенинское царство, Дагомея и Ашанти в Африке и т.д.

¹⁰ См.: Шепталин А. А. К вопросу о теоретико-методологических основах реконструкции генезиса права и государства в первобытно-родовом обществе // Государство и право. 2020. № 3.

¹¹ См.: Шепталин А. А. О применимости этнологических материалов при реконструкции генезиса права и государства // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. 2, Экономика и право. 2016. Вып. 2.

Эти материалы дополняют широко известные исторические источники и в определенной мере способствуют восстановлению недостающих фрагментов в реконструкции существующей картины возникновения и развития феноменов права и государства. На возможность использования хронологически отдаленных данных при поиске истоков права указывал и авторитетный исследователь первобытной и древней нормативной культуры А. С. Даймонд, считавший, что «история права вечно повторяется, и те же этапы, которые были достигнуты много тысяч лет назад на востоке, достигаются и происходят в уголках современного мира»¹².

Скептики могут возразить, что отдельные цивилизации существенно различаются и вряд ли можно вести речь о какой-либо общей генеральной линии генезиса права и государства. Однако это верно лишь на первый взгляд, поскольку практически все различия являются результатом исторического развития самих цивилизаций. В доцивилизационный же, т.е. первобытный, период различия между этносами ойкумены были минимальны, что многократно подтверждается обширным антропологическим и археологическим материалом¹³. А ведь нас применительно к генезису права и государства интересует именно позднепервобытный период – эпоха социально-имущественной дифференциации, разложения позднеродовой общины и начала классовобразования.

Даже явные критики эволюционизма были вынуждены в свое время признать, что этнологический материал показывает на ранних стадиях удивительное типологическое сходство синполитейных этносов, живущих зачастую в противоположных концах ойкумены в совершенно различных природно-климатических нишах¹⁴. Это сходство прослеживается не только в материальной и духовной культуре, но и в таких аспектах, как соционормативное регулирование, общественный и семейный быт. Очевидно, что у апополитейных племен это сходство должно было быть еще более существенным, поскольку сама ойкумена была гораздо компактнее.

Таким образом, необходимо признать, что в контексте проблем право- и политогенеза для науки теории и истории государства и права из всех гуманитарных дисциплин наибольшим гносеологическим потенциалом обладает юридическая антропология, материалы которой в перспективе способны закрыть многие имеющие место лакуны. Не приходится сомневаться и в том, что юридическую антропологию ждет впереди немало открытий, которые смогут поколебать многие кажущиеся сегодня незыблемыми аксиомы.

¹² *Diamond A. S. Primitive Law*. 2d ed. London, 1950. P. 1.

¹³ См.: *Steward J. Theory of Culture Change : The Methodology of Multilinear Evolution*. University of Illinois Press, 1972; *Diamond A. S. Op. cit.* P. 173.

¹⁴ См.: *Boas F. The Limitations of the Comparative Method of Anthropology // Science*. 1896. Vol. 4, № 103. P. 901; *Lowie R. H. Primitive Society*. New York, 1920. P. 7.

Библиографический список

Веденеев Ю. А. Антропология права : между социокультурными традициями и нововведениями / Ю. А. Веденеев // *Lex russica* (Русский закон). – 2016. – № 9. – С. 9–23.

Венгеров А. Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки / А. Б. Венгеров // *Советское государство и право*. – 1983. – № 3. – С. 28–36.

Нерсесянц В. С. Право и закон. Из истории правовых учений / В. С. Нерсесянц. – М. : Наука, 1983. – 366 с.

Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии : сб. науч. статей / отв ред.: Н. И. Новикова, В. А. Тишков. – М. : Стратегия, 2002. – 400 с.

Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии / А. И. Першиц // *Исследования по общей этнографии*. – М. : Наука, 1979. – С. 210–240.

Разуваев Н. В. Правовые предпосылки возникновения и эволюции государства : очерк юридической антропологии / Н. В. Разуваев // *Известия вузов. Правоведение*. – 2013. – № 4 (309). – С. 64–84.

Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов / Н. Рулан / пер. с франц. ; отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 1999. – 302 с.

Сушкова Ю. Н. Этноправосудие у мордвы : монография / Ю. Н. Сушкова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 576 с.

Шепталин А. А. К вопросу о теоретико-методологических основах реконструкции генезиса права и государства в первобытно-родовом обществе / А. А. Шепталин // *Государство и право*. – 2020. – № 3. – С. 57–69.

Шепталин А. А. К дискуссии в отечественной историографии о нормативном регулировании в первобытном обществе / А. А. Шепталин // *Механизм правового регулирования : история и современность. V Алексеевские чтения*. – Екатеринбург : УРГЮУ, 2019. – Ч. 2. – С. 103–112.

Шепталин А. А. О применимости этнологических материалов при реконструкции генезиса права и государства / А. А. Шепталин // *Вестник Удмуртского ун-та. Сер. 2, Экономика и право*. – 2016. – Вып. 2. – С. 137–143.

Шепталин А. А. О роли юридической антропологии в изучении государства и права / А. А. Шепталин // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. – 2016. – № 2. – С. 5–11.

Шепталин А. А. Формирование квазимарксистского правопонимания в советской юридической науке в 1920–1930-е гг. / А. А. Шепталин // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75, № 4. – С. 128–142.

Boas F. The Limitations of the Comparative Method of Anthropology / F. Boas // *Science*. – 1896. – Vol. 4, № 103. – P. 901–908.

Diamond A. S. Primitive Law / A. S. Diamond. – 2d ed. – London, 1950. – 440 p.

Lowie R. H. Primitive Society / R. H. Lowie. – New York : Boni and Liveright, 1920. – 463 p.

Steward J. Theory of Culture Change : The Methodology of Multilinear Evolution / J. Steward. – Urbana : University of Illinois Press, 1972. – 244 p.

References

Vedeneev Yu. A. Anthropology of law : between sociocultural traditions and innovations / Yu. A. Vedeneev // *Lex russica* (Russian law). – 2016. – No. 9. – P. 9–23.

Vengerov A. B. The importance of archeology and ethnography for legal science / A. B. Vengerov // Soviet state and law. – 1983. – No. 3. – P. 28–36.

Nersesyants V. S. Law and law. From the history of legal doctrines / V. S. Nersesyants. – М. : Nauka, 1983. – 366 p.

Custom and law. Research in legal anthropology : collection of scientific articles / ed.: N. I. Novikova, V. A. Tishkov. – М. : Strategy, 2002. – 400 p.

Pershits A. I. Problems of normative ethnography / A. I. Pershits // Research on general ethnography. – М. : Nauka, 1979. – P. 210–240.

Razuvaev N. V. Legal prerequisites for the emergence and evolution of the state : an essay on legal anthropology / N. V. Razuvaev // News of universities. Jurisprudence. – 2013. – No. 4 (309). – P. 64–84.

Rulan N. Legal anthropology. Textbook for universities / N. Rulan / trans. from French Rep. ; ed. V. S. Nersesyants. – М. : Norma, 1999. – 302 p.

Sushkova Yu. N. Ethnic justice among the Mordovians : monograph / Yu. N. Sushkova. – Saransk : Mordov Publishing House. Univ., 2009. – 576 p.

Sheptalin A. A. On the issue of theoretical and methodological foundations for reconstructing the genesis of law and state in a primitive tribal society / A. A. Sheptalin // State and Law. – 2020. – No. 3. – P. 57–69.

Sheptalin A. A. On the discussion in domestic historiography about normative regulation in primitive society / A. A. Sheptalin // The mechanism of legal regulation : history and modernity. V Alekseevsky readings. – Ekaterinburg : URGYU, 2019. – Part 2. – Pp. 103–112.

Sheptalin A. A. On the applicability of ethnological materials in reconstructing the genesis of law and state / A. A. Sheptalin // Bulletin of the Udmurt University. Ser. 2, "Economics and Law". – 2016. – Issue 2. – Pp. 137–143.

Sheptalin A. A. On the role of legal anthropology in the study of state and law / A. A. Sheptalin // Electronic supplement to the Russian Legal Journal. – 2016. – No. 2. – P. 5–11.

Sheptalin A. A. Formation of quasi-Marxist legal understanding in Soviet legal science in the 1920–1930s. / A. A. Sheptalin // Lex russica. – 2022. – T. 75, No. 4. – P. 128–142.

Boas F. The Limitations of the Comparative Method of Anthropology / F. Boas // Science. – 1896. – Vol. 4, No. 103. – P. 901–908. (in Engl.)

Diamond A. S. Primitive Law / A. S. Diamond. – 2d ed. – London, 1950. – 440 p. (in Engl.)

Lowie R. H. Primitive Society / R. H. Lowie. – New York : Boni and Liveright, 1920. – 463 p. (in Engl.)

Steward J. Theory of Culture Change : The Methodology of Multilinear Evolution / J. Steward. – Urbana : University of Illinois Press, 1972. – 244 p. (in Engl.)

Для цитирования:

Шепталин А. А. Гносеологический потенциал юридической антропологии в контексте проблем правогенеза // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 59–66.

Recommended citation:

Sheptalin A. A. Epistemological potential of legal anthropology in the context of problems of law genesis // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2023. No. 2(3). Pp. 59–66.

Сведения об авторе

Шепталин Алексей Александрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

E-mail: sheptalin@list.ru

Information about author

Sheptalin Aleksei Aleksandrovich – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Candidate of Historical Sciences, Docent

E-mail: sheptalin@list.ru

ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ НАЧАЛ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТЕКТОРАТА ТОНКИН

Е. А. Есаева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского*

Май Ван Тханг

Вьетнамский национальный университет

Поступила в редакцию 23 декабря 2022 г.

Аннотация: авторы демонстрируют на примере протектората Тонкин, как влияют учет менталитета, местных нравов, традиций и обычаев при формировании законодательства на его действие. Выделяются и рассматриваются три этапа формирования судебной и правовой системы протектората Тонкин. Анализируется процесс разработки аннамских кодексов. Подчеркивается особое значение Гражданского кодекса Тонкина 1931 г.

Ключевые слова: этнические начала, протекторат Тонкин, Гражданский кодекс, судебная система.

THE INFLUENCE OF ETHNIC PRINCIPLES ON THE FORMATION OF COLONIAL LEGISLATION AND THE JUDICIAL SYSTEM OF THE TONKIN PROTECTORATE

E. A. Yesaeva

National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Mai Van Thang

Vietnam National University

Abstract: the authors demonstrate by the example of the Tonkin protectorate how the consideration of mentality, local customs, traditions and customs in the formation of legislation affects its effect. Three stages of the formation of the judicial and legal system of the Tonkin protectorate are identified and considered. The process of developing the Annamic codes is analyzed. The special significance of the Tonkin Civil Code of 1931 is emphasized.

Key words: ethnic principles, Tonkin protectorate, Civil Code, judicial system.

Философы и правоведы разных эпох отмечают влияние различных факторов на формирование законодательства. Этнические начала являются важнейшим элементом при разработке законодательства. Как писал Жан Жак Руссо, «мудрый законодатель не начинает с сочинения законов, самых благих самих по себе, но испытует предварительно, способен ли народ, которому он их предназначает, их выдержать»¹. На примере протектората Тонкин можно проследить взаимосвязь учета этнических начал при разработке законодательства, принимаемого в конце XIX – начале XX века, и эффективности его действия.

Формирование законодательства и судебной системы в протекторате Тонкин можно разделить на три этапа: 1884–1897 гг. – консервативный период; 1897–1917 гг. – попытка ассимиляции судебной системы; 1917–1931 гг. – полное реформирование законодательства и судебной системы.

Согласно договору 1884 г. французские резиденты, поставленные на места, должны были наблюдать, но не вмешиваться в осуществление правосудия аннамскими мандаринами. В циркуляре от 30 августа 1886 г. генеральный резидент Французской Республики в Аннаме и Тонкине Поль Бер призывает резидентов воздерживаться от любых нововведений, не оправданных опытом. Относительно судебной системы аннамитов он отмечает: «Вы не будете вмешиваться напрямую в отправление правосудия местными судами, но будете тщательно следить за этим процессом... Однако, договор ограничивает вашу юрисдикцию спорами, возникающими между аннамцами и французами или иностранцами... Поэтому вы не будете заслушивать гражданские или уголовные дела, сторонами которых являются местные жители»². Таким образом утверждалось невмешательство французских резидентов в местное правосудие, но на практике не все резиденты придерживались предписываемых им полномочий. Выходя за рамки простого наблюдения за правосудием, «они активно в него вмешивались... считая, что за представителями Франции должно быть последнее слово»³.

Следующим шагом в реорганизации системы правосудия в Тонкине стало существенное расширение полномочий кинь-лыюка. Согласно императорскому указу от 3 июня 1886 г. в интересах управления и эффективного решения дел, ввиду обширной территории Тонкина и удаленности от его столицы, полномочия кинь-лыюка существенно расширились. Наделенный правом принимать любые необходимые меры, он обязан был отчитываться о принятых решениях перед французской администрацией. Протекторат Тонкин был отделён от двора в Хюэ, а Франция по-

¹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. М., 1998.

² *Ganter D.* Recueil de la législation en vigueur en Annam et au Tonkin depuis l'origine du protectorat jusqu'au 1er mai. Hanoi, 1895. P. 450.

³ *Do Xuan Sang.* Les Juridictions mandarinales, essai sur l'organisation judiciaire du Tonkin : thèse pour le doctorat présentée. Paris, 1938. P. 87.

средством верховного мандарина получила относительный контроль над судами мандаринов в Тонкине⁴.

К июлю 1888 г. политика полного невмешательства резидентов в отправлении местного правосудия официально изменилась. Циркуляр от 15 июля позволял резидентам «внимательно следить за ходом местного правосудия»⁵.

Декретом от 8 сентября 1888 г. созданы суды в Ханое и Хайфоне. Они состояли из председательствующего, заместителя судьи, прокурора, секретаря и клерка. Согласно статье 3 в компетенцию этих судов входило рассмотрение любых гражданских споров и незначительных правонарушений, за исключением дел, стороны в которых являлись коренными жителями⁶. Однако по взаимному согласию местные жители могли подать иск в суд Ханоя или Хайфона.

Для поддержания правопорядка, обеспечения судебного рассмотрения случаев, связанных с мятежом в каждой провинции, согласно императорскому указу от 17 января 1889 г. были созданы смешанные суды. В состав таких трибуналов входили: резидент, представитель протектората, куан-ан и представитель императорского правительства. В декабре 1889 г. для унификации вынесения решений в Тонкине были созданы реестры решений смешанных трибуналов.

Декрет от 15 сентября 1896 г. расширил компетенцию судов Ханоя и Хайфона. Согласно статье 6 декрета на территории концессий все гражданские дела рассматривались независимо от гражданства или подданства вовлеченных сторон⁷.

Постановлением от 13 августа 1897 г., на основании императорского указа от 26 июля 1897 г., должность кинь-люока была упразднена. Его полномочия перешли к настоятелю-резиденту. Местная судебная система, таким образом, потеряла свою независимость от властей протектората.

Кроме того, среди настроений местного населения выделялось два течения: первое – «недовольства и недоверия к судам мандаринов из-за их коррумпированности, второе – интерес к созданным судам в Ханое и Хайфоне. Местные жители старались обращаться именно во французские суды, а в договорах местных жителей всё чаще использовались положения французского законодательства». Таким образом, французская власть заменила императорскую власть в Тонкине. Однако эта замена была не полная.

Параллельно разрабатывалось законодательство, регулирующее основные статьи доходов и развивающее инфраструктуру в протекто-

⁴ *Ganter D. Op. cit. P. 4.*

⁵ *Do Xuan Sang. Op. cit. P. 86.*

⁶ *Ganter D. Op. cit. P. 373.*

⁷ *Ibid. P. 199.*

рате Тонкин. Мнение местных жителей при этом не учитывалось, но в отчетах французских властей подчеркивалась забота об аннамитах. Например, при введении монополии на опиум отмечалась необходимость введения контроля за производством и оборотом вредного для здоровья вещества. При этом категорически запрещалось посещать опиумные салоны: с оружием, всем женщинам, детям, лицам младше 20 лет и европейцам⁸.

Указом генерального резидента от 1 марта 1900 г. была учреждена Верховная комиссия по контролю за решениями, вынесенными местными и смешанными судами. Комиссия состояла из шести членов: председательствующего – начальника службы по делам коренных народов, начальника отдела по вопросам правосудия коренных народов, трех высоких мандаринов, назначаемых генеральным резидентом, и сотрудника гражданской службы, который выполнял функции секретаря, при содействии переводчика. Комиссия собиралась раз в неделю. Решения принимались большинством голосов. Комиссия выносила заключение либо по апелляциям, либо по соглашению сторон, после рассмотрения дела местными судами⁹.

Циркуляр от 1 июня 1900 г. генерального резидента Мореля содержал положения, ограничивающие применение телесных наказаний, и устанавливал контроль над судами мандаринов. Морель отмечал, что штраф в будущем должен заменить телесные наказания, а для каторжников вместо ротанга можно будет назначать дополнительные дни работы¹⁰. Указом от 1 ноября 1901 г. судебные полномочия настоятеля-резидента были переданы генеральному прокурору Индокитая. Таким образом, французская администрация начала осуществлять идею разделения судебной и административной власти, не характерную для Вьетнама.

Такая судебная система действовала с некоторыми изменениями до 1917 г. К 1913 г. стало ясно, что старого порядка было уже недостаточно для обеспечения справедливого разрешения споров. С другой стороны, у местного населения возрос интерес к французскому правосудию, благодаря судам в Хайфоне и Ханое. В 1913 г. генерал-губернатор Альбер Сарро начал готовиться к реорганизации судебной системы и законодательства протектората Тонкин. Первая мировая война отложила полное реформирование судебной системы и законодательства на 4 года.

Указом генерал-губернатора Индокитая от 16 июля 1917 г. предписывалось введение в действие с 1 января 1918 г. четырех новых кодексов. В королевском ордонансе, изданном в тот же день, отмечалось: «Хотя новое законодательство несколько отличается от старого, но оно служит

⁸ *Ganter D. Op. cit. P. 437.*

⁹ *Annam. Bulletin officiel de l'Annam et du Tonkin. 1900-01. P. 319.*

¹⁰ *Bulletin officiel de l'Indochine française. 1902. No. 7. P. 837.*

той же цели...»¹¹. Кодексы были написаны в простой и доступной форме. Новое законодательство «пользовалось успехом» у местного населения, поэтому в 1919 г. начались работы по его пересмотру, в целях устранить пробелы и неточности. Переработанные тексты кодексов были введены в действие указом генерал-губернатора от 2 декабря 1921 г.

Идея разделения административной и судебной власти получила свое развитие с указом от 7 июня 1923 г. Согласно указу, управление провинциями Тонкина осуществлялось провинциальными мандаринами (quan tinli), судебными мандаринами (quan thàm phan), главами округов (plui, huỳên chàu). Однако создание судебных мандаринов было провальной идеей из-за высоких требований, медленного продвижения по службе и посредственных перспектив.

К 1926 г. встал вопрос о создании полноценного Гражданского кодекса. Перед французской администрацией стояла задача разработки кодекса, приспособленного к обычаям и менталитету тонкинцев. Как отмечал Генри Солус, «первая задача успешной кодификации – знание обычаев»¹². В целях детального изучения местных обычаев 30 августа 1927 г. был учрежден «Консультативный комитет по юриспруденции аннамитов». В него входили представители Франции и аннамские мандарины. Комитет занимался анкетированием населения по вопросам землепользования, семейного и наследственного права; разъяснением судебных решений, которые требовали знания аннамских законов и обычаев. Работа комитета позволила Комиссии по составлению гражданского кодекса, образованной 28 августа 1930 г., провести окончательную кодификацию. Гражданский кодекс ступил в силу 1 июля 1931 г.

Гражданский кодекс соответствовал прогрессу западной цивилизации, при этом он сохранил фундаментальные институты права аннамитов. В Кодексе учитывались традиции, обычаи и особая терминология, собранные Комитетом по юриспруденции. Так, согласно статье 4 Кодекса суд может руководствоваться обычаями и традициями в отсутствие нормы права¹³. Статья 1453 в исключительных случаях, с разрешения Верховного резидента, позволяла применять в высокогорных районах Тонкина обычаи, противоречащие Гражданскому кодексу.

Интересы местного населения и местные обычаи учитывались мало, реформы конца XIX – начала XX в. оказались малоэффективными. В условиях приближающейся мировой войны Франция, для сохранения своих дальневосточных колоний, вынуждена была взять курс на либерализацию и ассимиляцию. Политика Альбера Сарро укрепила позиции Фран-

¹¹ Codes annamites : Organisation des tribunaux – Procédure civile – Procédure pénale – Lois pénales applicables par les juridictions du protectorat du Tonkin? Hanoi, 1917. P. 2.

¹² Solus, Traité de la condition des indigènes en droit privé. Paris, 1927. P. 197.

¹³ Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine : Impr. d'extrême orient, 1931. Hanoi, 1931. P. 1.

ции в Тонкине. Судебные и законодательные реформы 1917–1922 гг. были одобрены местным населением. Детальная проработка положений Гражданского кодекса с привлечением местных специалистов позволила грамотно сбалансировать интересы метрополии и местного населения. Это демонстрирует необходимость учета местных нравов, менталитета, традиций, обычаев и культуры при разработке законодательства.

Библиографический список

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Ж.-Ж. Руссо. – М. : КАНОН-пресс ; Кучково поле, 1998. – 416 с.

Code civil à l'usage des juridictions indigènes du Tonkin, Gouvernement général de l'Indochine : Impr. d'extrême orient, 1931. – Hanoi : Ngo-Tu-Ha, 1931. – 260 p.

Codes annamites : Organisation des tribunaux – Procédure civile – Procédure pénale – Lois pénales applicables par les juridictions du protectorat du Tonkin? – Hanoi, 1917. – 126 p. – URL: <https://archive.org/details/CodesAnnamites> (дата обращения: 20.11.2022).

Do Xuan Sang. Les Juridictions mandarinales, essai sur l'organisation judiciaire du Tonkin : thèse pour le doctorat / Do Xuan Sang ; Université de Paris. Faculté de droit. – Paris, 1938.

Ganter D. Recueil de la législation en vigueur en Annam et au Tonkin depuis l'origine du protectorat jusqu'au 1er mai / D. Ganter. – Hanoi : F.-H. Schneider, Imprimeur-editeur, 1895.

References

Rousseau J.-J. On the social contract, or principles of political law / J.-J. Rousseau. – М. : КАНОН-press ; Kuchkovo Pole, 1998. – 416 p.

Civil Code for the use of the indigenous courts of Tonkin, General Government of Indochina : Impr. from the Far East, 1931. – Hanoi : Ngo-Tu-Ha, 1931. – 260 p. (in French)

Annamite codes : Organization of courts – Civil procedure – Criminal procedure – Criminal laws applicable by the courts of the Protectorate of Tonkin? – Hanoi, 1917. – 126 p. – URL: <https://archive.org/details/CodesAnnamites> (date of access: 20.11.2022). (in French)

Do Xuan Sang. The Mandarin Courts, essay on the judicial organization of Tonkin : thesis for the doctorate / Do Xuan Sang ; University of Paris. Faculty of Law. – Paris, 1938. (in French)

Ganter D. Collection of the legislation in force in Annam and Tonkin since the origin of the protectorate until May 1 / D. Ganter. – Hanoi : F.-H. Schneider, Printer-publisher, 1895. (in French)

Для цитирования:

Есаева Е. А., Май Ван Тханг. Влияние этнических начал на формирование колониального законодательства и судебной системы протектората Тонкин // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 67–73.

Recommended citation:

Yesaeva E. A., Mai Van Thang. The influence of ethnic principles on the formation of colonial legislation and the judicial system of the Tonkin protectorate // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 67–73.

Сведения об авторах

Есаева Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

E-mail: eaesaeva1221@gmail.com

Май Ван Тханг – старший преподаватель юридического факультета Вьетнамского национального университета (Вьетнам, г. Ханой), кандидат юридических наук

E-mail: thangmv@vnu.edu.vn

Information about authors

Yesaeva Ekaterina Andreevna – Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of Faculty of Law of National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

E-mail: eaesaeva1221@gmail.com

Mai Van Thang – Senior Lecturer at School of Law of Vietnam National University (Hanoi), Candidate of Law

E-mail: thangmv@vnu.edu.vn

ОСОБЫЙ РАКУРС: АРХАИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ ПРАВА

УДК 340

ПАМЯТНИКИ ПАМЯТНИКАМ ПРАВА

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье анализируются скульптуры, посвященные правовым актам. Автор отражает некоторые тенденции в сфере увековечения правовых актов в монументальной форме, а также представляет примеры памятников внутригосударственным правовым актам (конституциям, декларациям и т.д.) и международным правовым актам, включая мирные договоры.

Ключевые слова: памятник права, скульптура, конституция, декларация, законы Хаммурапи, Шенгенское соглашение.

THE MONUMENTS TO THE MONUMENTS OF LAW

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Abstract: the article is focused on the sculptures dedicated to legal acts. The author names some trends in the field of perpetuating legal acts in monumental form, and also provides examples of monuments to domestic legal acts (conventions, declarations, etc.), as well as international legal acts, including peace treaties.

Key words: monument of law, sculpture, constitution, declaration, laws of Hammurabi, the Shengen Agreement.

Исходные положения. Понятие «памятник» – многозначное. В своём первоначальном значении в толковых словарях русского языка «памятник» означает скульптуру или архитектурное сооружение в память выдающейся личности или исторического события; в наиболее широко трактуемом значении – всякий сохранившийся предмет культуры прошлого.

Понятие «памятник права» появилось, в том числе, потому что в юриспруденции широко применяется терминология из области искусства, но носит это применение во многом образный характер.

© Сазонникова Е. В., 2023

Ниже речь пойдет о памятниках-скульптурах, посвященных различным правовым актам. Такие памятники создаются по поводу значимых в общественно-политическом плане событий правовой жизни общества. Они тесно связаны с архитектурной средой, возможность их создания может широко обсуждаться гражданами, либо они создаются только по государственному заказу, без обсуждений. На церемонии торжественного открытия памятников могут присутствовать служащие органов публичной власти. Это мероприятие, как правило, освещается в государственных средствах массовой информации.

Произведения монументального искусства, посвященные правовым актам, имеют ценность с точки зрения истории, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, антропологии и являются свидетельством развития права в разные эпохи, источниками информации о зарождении и совершенствовании правовых явлений.

Философским основанием обращения к проблематике монументальных памятников, посвященных правовым актам, является убеждение, что «и в других, казалось бы, удаленных от творчества предметах широкое сознание уловит элемент подлинного творчества. Ведь, в конце концов, искусство беспредельно, и творчество, опознанное или тайное, законченное или незаконченное, проникает всюду»¹. В правовом поле искусство часто остается незамеченным, но оно действительно в нем существует: искусство способно позитивно преобразовывать реальность через эстетическое воздействие на разные группы общества и каждого человека.

По Г. Гегелю, право и государство «есть лишь промежуточный этап в стремлении духа к искусству, религии и философии»².

В русском правоведении Б. А. Кистяковский ставил правовую реальность «приблизительно посередине между реальностью произведений скульптуры и живописи, с одной стороны, и произведением литературы и музыки – с другой»³.

Памятники, посвященные правовым актам (краткий обзор некоторых скульптур)

1. Памятники древним правовым актам. Самые древние правовые акты были созданы ещё до нашей эры. Один из древнейших правовых памятников в мире – Законы Хаммурапи – законодательный свод старовавилонского периода, созданный при царе Хаммурапи в 1750-х гг. до н.э.

¹ Рерих Н. К. Ценность прекрасного (Пекин, 16.01.1935 г.). Электронная публикация статьи на сайте Рериховской библиотеки. URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-roerich-1/808-tsennost-prekrasnogo?ysclid=lbse5b96of27423324> (дата обращения: 16.12.2022).

² См.: Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию // Государство и право. 2009. № 6. С. 31.

³ Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 336. Цит. по: Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права : новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. М., 2009. С. 9.

Стела с Законами Хаммурапи (рис. 1) была обнаружена в древнейшем городе Сузы (на территории современного Ирана) и представляет собой конусообразный монумент из чёрного диорита высотой 2,25 м, весом в 4 т.

Предположительно, стела – это копия с оригинала. В верхней части лицевой стороны стелы высечена скульптура – барельеф, изображающий

Рис. 1. Стела с Законами Хаммурапи

две фигуры, из которых одна сидит на троне, а другая стоит перед первой. Сидящий на троне одет в обычную вавилонскую одежду; на его голове – высокий головной убор вроде короны. В правой руке он держит жезл и кольцо, означающие прямоту и завершённость, т.е. право и справедливость. Считается, что сидящим изображён Шамаш, бог солнца, света и оракулов, а в качестве стоящего перед Шамашем изображён сам царь Хаммурапи. Фигура Хаммурапи стоит в позе глубокой покорности и внимания. Помещение на стелу с Законами изображения царя и бога показывало, что законодатель выражает божественную волю. Следующая за барельефом часть лицевой и обратная сторона стелы покрыты рядами столбцов текста на аккадском языке, которые читаются в направлении от вершины стелы к её основанию. Стела экспонируется в Лувре⁴.

2. *Памятники конституциям*, действующим в разные исторические периоды, есть во многих государствах: в Андорре, Беларуси, Германии, Испании, Молдове, Польше, России, Сальвадоре, Туркменистане, Украине⁵.

Один из самых старых памятников Конституции, к сожалению, утраченный сегодня, был установлен в Москве в 1918 г. – это Монумент советской конституции (рис. 2) – архитектурно-скульптурная композиция, состоящая из трёхгранного обелиска, украшенного статуей под названием «Свобода». Сначала был установлен только обелиск (проект архитектора Д. П. Осипова), позднее, в 1919 г., он был дополнен статуей (скульптор Н. А. Андреев).

Создание монумента являлось элементом выдвинутой в 1918 г. В. И. Лениным программы развития монументального искусства и его мобилизации в качестве агитационного средства революции и коммунистической идеологии.

⁴ Информация и фото памятника размещены в открытом доступе в сети Интернет: Законы Хаммурапи // Википедия. [2022]. Дата обновления: 03.11.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=157129&oldid=126442094> (дата обращения: 05.12.2022).

⁵ См. об этом, например: *Просвирнин Ю. Г., Сазонникова Е. В.* Памятники Конституциям // Конституционализм и государственное устройство. 2015. № 1 (7). С. 179–186.

К концу 1930-х гг. памятник нуждался в реставрации, которую решено было не проводить. Монумент был взорван в ночь с 20 на 21 апреля 1941 г. по причине «несоответствия архитектурному облику площади». В 1954 г. на его месте был установлен памятник Юрию Долгорукому. Изображение монумента сохранилось в наши дни на здании Верховного Суда Российской Федерации (Москва, ул. Поварская, 15).

Сохранился памятник в честь Конституции РСФСР 1918 г. (рис. 3), заложенный под звуки «Интернационала» в мае 1920 г. в городе Вольск (Саратовская обл.) по инициативе Вольского уездного исполнительного комитета.

Это 15-метровый обелиск со звездой; на четырёх сторонах его золотом написаны основные права трудящихся. Памятник расположен на Центральной площади города Вольска (в советские годы – площадь 10-летия Октября)⁶.

Рис. 2. Монумент советской конституции (открытие состоялось 7 ноября 1918 г.)

Рис. 3. Памятник в честь Конституции РСФСР 1918 г.

⁶ См.: Информация и фото монументов в Москве и Вольске размещены в открытом доступе в сети Интернет: Всадники и Статуя Свободы на Тверской площади. Проект «Москва. Назад в будущее. Что было – что стало» // Сайт RetroMoscow. URL: http://www.retromoscow.narod.ru/moscow_back-to-the-future_055.html (дата обращения: 05.08.2022); Монумент советской конституции // Страница Википедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 05.08.2022); Авторский блог А. Муранова. Памятники конституции в мире // Блог «Право». URL: <http://blog.pravo.ru/blog/24789.html> (дата обращения: 05.08.2022); Город Вольск // Генеалогический форум «ВГД». Дневник isa. URL: <http://forum.vgd.ru/post/71/5831/p129804.htm> (дата обращения: 5.12.2022); Фото памятника Конституции РСФСР (1918 г.) в Вольске из альбома ВООПиК. URL: <https://oldsaratov.ru/photo/gubernia/19249#gsc.tab=0> (дата обращения: 05.12.2022).

3. Памятники декларациям.

Декларация (фр. *declaration* – заявление) – во внутригосударственном праве нормативный правовой акт, имеющий особое значение для развития общества и государства, носит торжественный характер, включает главным образом предписания-принципы, цели и задачи. Широко известны декларации, посвященные независимости, правам человека, языкам.

В честь столетия американской Декларации независимости правительство Франции подарило Соединенным Штатам Америки статую (рис. 4).

Рис. 4. Статуя Свободы. Фото в день открытия монумента (1886 г.)

Автор идеи монумента – французский правовед, педагог и публицист Эдуар Рене Лефевр де Лабулэ. Гигантская фигура называлась «Свобода, озаряющая мир» и в течение 10 лет создавалась скульптором Фредериком Огюстом Бартольди. Конструкция внутреннего стального каркаса была разработана Гюставом Эйфелем, творцом Эйфелевой башни. Открытие состоялось 28 октября 1886 г. президентом США Гровером Кливлендом на острове Бедлоу, переименованном в 1956 г. в честь знаменитой статуи в остров Свободы⁷.

⁷ См.: Информация и фото монумента размещены в открытом доступе в сети Интернет: Статуя Свободы // Википедия. [2022]. Дата обновления: 03.10.2022. URL: <https://ru>.

Памятник Декларации прав человека и гражданина (рис. 5), принятой в 1789 г., важнейшему документу Великой Французской буржуазной революции, находится в г. Париже, в садах Марсова поля, на авеню Шарль Рислер. Он создан по проекту чешского скульптора Ивана Теймера. Его возведение было приурочено к двухсотлетию революции. Работы по созданию продолжались 4 года (с 1988 по 1992 г.), в 2016 г. памятник был реставрирован⁸.

4. Памятники международно-правовым актам.

Увековечение памяти о международно-правовых документах является важным вкладом в дело укрепления мирного сосуществования государств и народов.

В 1993 г. в Нюрнберге была сооружена монументальная скульптурная композиция израильского художника Дани Каравана «Улица прав человека», посвященная Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (рис. 6).

Рис. 5. Памятник Декларации прав человека и гражданина

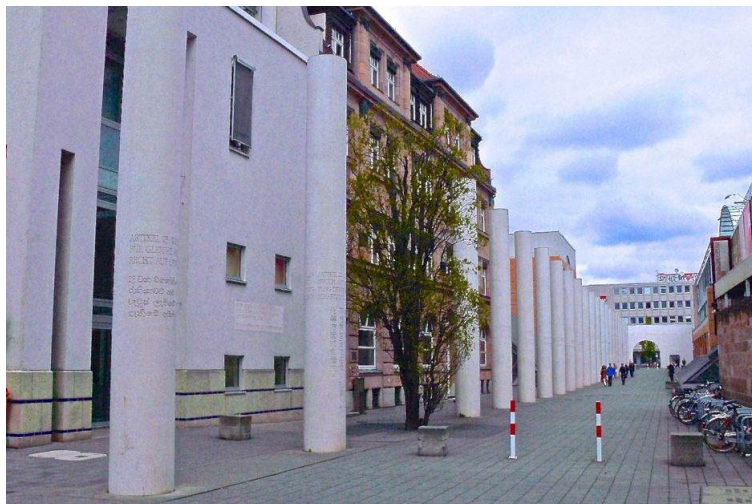

Рис. 6. Улица прав человека

wikipedia.org/?curid=16865&oldid=125842174 (дата обращения: 03.12.2022); сайт «Путешествия и жизнь за границей». URL: <https://gozakordon.com/northamerica/usa/statuyu-svo-body?ysclid=15xiyahg5449106901> (дата обращения: 16.08.2022).

⁸ См.: Информация и фото памятника размещены в открытом доступе в сети Интернет: URL: https://ru.frwiki.wiki/wiki/Monument_des_Droits_de_l%27homme (дата обращения: 16.12.2022).

Композиция состоит из входной арки, 27 белых бетонных колонн, двух круглых белых плит и одного дуба, которые поставлены в ряд вдоль переулка Karthäusergasse длиной 145 м. Колонны диаметром 0,8 м и высотой 8 м поставлены в ровную шеренгу через 5 м одна от другой.

На каждой колонне на двух языках (немецком и каком-либо другом) выгравирована одна из 30 статей Всеобщей декларации прав человека. Дуб заменяет одну колонну с надписями на всех языках, не представленных на колоннах. Для возможности проезда транспорта две колонны вынужденно были заменены аналогичными плитами. На двенадцатой колонне на немецком и русском языках нанесена статья № 12: «Право на защиту личной жизни»⁹.

Другой пример. Памятник в честь Шенгенского соглашения¹⁰ (рис. 7) – знакового документа для европейской интеграции в Люксембурге в местечке Шенген, расположенном на берегу реки Мозель.

Рис. 7. Памятник в честь Шенгенского соглашения

⁹ См.: Информация и фото скульптурной композиции размещены в открытом доступе в сети Интернет на сайте MunchenGuide. URL: <https://munchenguide.com/ulitsa-prav-cheloveka-v-nurnberge-strase-der-menschenrechte-in-nurnberg> (дата обращения: 16.12.2022).

¹⁰ Шенгенское соглашение – соглашение об упрощении паспортно-визового контроля на границах ряда государств Европейского союза, подписанное 14 июня 1985 г. Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Францией и Германией. Вступило в силу 26 марта 1995 г. и прекратило действие 1 мая 1999 г., будучи замещено Шенгенским законодательством Европейского союза. См.: Шенгенское соглашение // Википедия. [2022]. Дата обновления: 13.08.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=4709&oldid=124782631> (дата обращения: 16.12.2022).

Монумент изготовлен из специальной люксембургской стали и представляет собой три стоящие рядом стелы со звёздами и с информационными материалами¹¹.

Отдельного внимания заслуживают *памятники мирным договорам* – разновидности международных договоров, в которых стороны вооружённого конфликта принимают обязательство о прекращении военных действий на основании письменно закреплённого соглашения.

В память о Ништадтском мирном договоре, заключённом между Русским царством и Шведским королевством в 1721 г., завершившем Северную войну 1700–1721 гг., в Санкт-Петербурге в Летнем саду в 1726 г. была установлена беломраморная скульптурная группа «Мир и Победа. Ништадтский мир» итальянского ваятеля Пьетро Баратты (1659–1729) (рис. 8). Монумент посвящён военным успехам России, победоносному завершению Россией Северной войны.

Центром группы является женская фигура с рогом изобилия и опрокинутым горящим факелом, олицетворяющая собою Россию. У её ног находятся щит, пушка и барабан, что говорит о постоянной бдительности. Другая женская фигура расположена чуть выше, справа, своими широко раскрытыми крыльями напутствует и оберегает сидящую фигуру. Это Ника – богиня победы – венчает Россию лавровым венком, в руке она держит пальмовую ветвь – символ мира, а ногой попирает поверженного льва, олицетворяющего Швецию. Лев лапой придерживает картуш с надписью на латинском языке: «Magnus est qui dat et qui accipit sed maximus qui ambe haec date potest» («Велик и тот, кто даёт, и тот, кто принимает. Но самый великий тот, кто и то и другое свершить может»)¹².

Рис. 8. Мир и Победа. Ништадтский мир

¹¹ См.: Информация и фото памятника в открытом доступе в сети Интернет на сайте туроператора «ПирамидаТур». URL: <https://piramidatour.ru/info298.html> (дата обращения: 10.08.2022).

¹² См.: Информация и фото скульптурной композиции «Мир и Победа. Ништадтский мир» размещены на сайте «Фото Санкт-Петербурга». URL: http://spbphoto.spb.ru/foto/details.php?image_id=704 (дата обращения: 05.08.2022).

5. Памятники, посвященные получению городом Магдебургского права.

Магдебургское право – одна из систем городского права, сложившаяся в Магдебурге в XIII в. как феодальное городское право, по которому города получали юридическую, экономическую, общественно-политическую и имущественную независимость. Жители городов, которые получили Магдебургское право, освобождались от феодальных повинностей, от суда и власти воевод, старост и других государственных чиновников. На основе Магдебургского права в городе создавался выборный орган самоуправления – магистрат. Исходя из Магдебургского права в 1785 г. в России была составлена Грамота на права и выгоды городам Российской империи (так называемая «Жалованная грамота городам»)¹³.

В Киеве в честь возвращения городу Магдебургского права была воздвигнута Колонна Магдебургского права (рис. 9). Впервые это право было дано городу ещё в XV в. Монумент был построен по чертежам архитектора А. И. Меленского в 1802 г. у основания Владимирской горки¹⁴. Колонна Магдебургского права выполнена в стиле ампир и является тосканской колонной общей высотой 23 м. Ниже имеется постамент в виде трёх арок¹⁵.

Рис. 9. Колонна Магдебургского права

¹³ См. о Магдебургском праве подробнее: Магдебургское право // Википедия. [2022]. Дата обновления: 15.07.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=12653&oldid=124056166> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁴ См. информацию и фото Колонны Магдебургского права в Киеве: Колонна Магдебургского права // Википедия. [2022]. Дата обновления: 15.04.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=2364092&oldid=121428433> (дата обращения: 15.08.2022).

¹⁵ См.: Монумент Магдебургского права : самый старый памятник в Киеве. URL: <https://www.44.ua/news/3277168/monument-magdeburgskogo-prava-samyj-staryj-pamatnik-v-kieve> (дата обращения: 15.08.2022).

Памятник «Войт» (рис. 10), увековечивающий получение в 1499 г. Минском Магдебургского права, был установлен в городе в 2014 г.

Памятник изображает войта (главу минского магистрата), стоящего с королевской грамотой и огромным ключом над планом города XVI в. На камне мостовой, на которой стоит глава магистрата, отмечено, что над ним работали скульптор С. Оганов и архитектор С. Багласов¹⁶.

6. Памятники дружбе народов.

В 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН учредила Международный день дружбы. «Дружба между народами, странами, культурами и отдельными лицами может вдохновить на усилия по обеспечению мира и дать возможность навести мосты между

обществами, которые чтят культурное многообразие», – отмечается в резолюции ООН. Задолго до учреждения этого праздника на международном уровне в ознаменование дружбы между народами в разных странах мира были установлены монументы, посвященные дружбе.

В России самый высокий монумент «Дружба народов» (рис. 11) расположен в Ижевске, он посвящен 400-летию вхождения Удмуртии в состав России (открыт 26 июня 1972 г.). Высота монумента – 46 м. Между двумя пилонами, символизирующими Удмуртию и Россию, располагается множество позолоченных металлических рельефов, изображающих жизнь рабоче-крестьянского народа.

С лицевой стороны, обращенной к пруду, между пилонами размещены скульптурные композиции «Мир», «Труд» и «Равенство». С противоположной стороны между пилонами установлены рельефы с геральдическими символами Удмуртии и России. Нижний рельеф монумента изображает кузнеца, работающего у наковальни. Вторая композиция, изображающая воинов с оружием в руках, символизирует защиту русскими и удмуртами социалистического отечества в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Завершают полосу рельефов аллегориче-

Рис. 10. Памятник «Войт»

¹⁶ См.: Информация и фото памятника в Минске: URL: <https://rutraveller.ru/place/146352/photos> (дата обращения: 10.08.2022); Напротив Минской ратуши появился памятник, посвященный получению городом Магдебургского права. URL: <https://realt.onliner.by/2014/04/04/magdeburg-2> (дата обращения: 10.08.2022).

Рис. 11. Монумент «Дружба народов»

ские женские фигуры Удмуртии и России, держащие над собой стяг. На правом и левом пилонах, в нижней части на двух языках (русском и удмуртском) написана фраза: «Слава великой братской дружбе русского и удмуртского народов».

Автор композиции «Труд», изображающей кузнеца, – С. К. Кузьмин. Общая идея монумента, авторство остальных горельефов, включая элементы с надписями «СССР» и «Удмуртская АССР», принадлежит А. Н. Бурганову. Архитектор Р. К. Топуридзе разработал планировочную композицию, художники П. С. Семёнов и В. А. Табах участвовали в первоначальном проектировании¹⁷.

В числе иных известных монументов в России: памятник в честь вхождения Башкирии в Россию (Уфа, 1965 г.), монумент «Три сестры», посвященный дружбе между Россией, Украиной и Беларусью (пограничье России, Беларуси и Украины, 1975 г.), монумент «Благословенна в веках дружба народов России и Армении» (подарен Арменией Москве в 1997 г. в честь 850-летнего юбилея Москвы). В зарубежных странах: монумент Дружбе народов (Казахстан, г. Нур-Султан, 2003 г.), монумент Дружбы народов (Кыргызстан, Бишкек, 1974 г.).

¹⁷ См. о памятниках дружбе народов и монументе в Ижевске: Дружба народов (монумент, Ижевск) // Википедия. [2022]. Дата обновления: 27.06.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=2968160&oldid=123599951> (дата обращения: 10.08.2022); Ижевский монумент Дружбы народов – самый высокий в России. Фото монумента см.: URL: <https://posmotrim.by/article/monument-druzhby-narodov-izhevsk.html> (дата обращения: 10.08.2022).

7. Мемориальный столб, посвященный императору Александру II в благодарность за отмену крепостного права в 1861 г.

Мемориальный столб в музее-заповеднике «Коломенское» (рис. 12) знаменует освобождение крестьян от крепостного права. В 1881 г. после смерти Александра II крестьяне деревни Шайдрово решили воздвигнуть мемориал в память о реформе и императоре. Памятник был установлен рядом с деревней.

Памятник представляет собой белокаменный столб, состоящий из четырех блоков: цоколя, двух центральных участков и фигурного завершения. Центральные ярусы украшают фигуристые маленькие колонны и рисунки. По свидетельствам документов, изначально столб был оформлен иконами и надписями, которые до наших дней не дошли.

В 1960 г. деревня Шайдрово вошла в состав Москвы при её расширении. Перевести столб с прежнего места расположения было решено в 70-е гг. XX в., когда в деревне начался снос домов. Памятник был отправлен на временное хранение в музей-заповедник «Коломенское». Здесь он находится по сей день¹⁸. По другим источникам памятник был обнаружен и перевезён в Коломенское из деревни Шайдрово в 1980 г.¹⁹

Вывод. Монументальное искусство предстает как самостоятельный вид познания правовых явлений, как фактор правового научного познания, как способ социальной коммуникации граждан, как вид духовно-практической творческой деятельности, направленной на формирование эстетических представлений о государственных и правовых яв-

Рис. 12. Мемориальный столб, посвященный императору Александру II

¹⁸ См.: Информация на портале «Вся Москва». URL: <https://www.moscowmap.ru/dostoprimechatelnosti-moskvy/the-memorial-column-in-honor-of-the-liberation-of-peasants-from-serfdo.html> (дата обращения: 09.08.2022).

¹⁹ См.: Информация о памятнике из источников: 1. Памятный столб-часовня. Москва, Андропова просп., 39. Ансамбль усадьбы Коломенское. URL: <https://alekka4alin2012.livejournal.com/629839.html?> (дата обращения: 09.08.2022); 2. Столб из деревни Шайдрово в музее Коломенское (фото Смыслова П. А., 2006 г.) на сайте краеведов Александра и Павла Смысловых. URL: <https://www.smyslovy.ru/history-images/stolb-2.jpg> (дата обращения: 16.12.2022).

ниях – источниках права, правосудии, правах человека, обретении государственной независимости и т.д.

Несмотря на то, что правовые источники (законы, хартии, декларации, манифесты, мирные договоры и т.д.) трудно поддаются воссозданию в образно-символьной форме, их представление в произведениях монументального искусства (зачастую посредством скульптур) существовало на всем протяжении развития человеческой цивилизации, но получило особенно большое распространение в XX – начале XXI в. Это в значительной мере связано с тем, что в правовых моделях современности произошло включение общественных отношений, складывающихся в сфере искусства, в предмет правового регулирования под воздействием таких факторов, как, с одной стороны, заинтересованность государства в использовании потенциала образного воздействия художественных средств для обеспечения своего суверенитета, для воздействия на убеждения, ценности и идеи граждан и их патриотического воспитания, и, с другой стороны, раскрытие творческого потенциала художника, находящего источником вдохновения государственные и правовые явления.

Библиографический список

Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права : новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 2009. – 175 с.

Жуков В. Н. Введение в юридическую аксиологию / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 20–31.

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – М. : М. и С. Сабашниковы, 1916. – 704 с.

Просвирнин Ю. Г. Памятники Конституциям / Ю. Г. Просвирнин, Е. В. Сазонникова // Конституционализм и государственное ведение. – 2015. – № 1 (7). – С. 179–186.

Рерих Н. К. Ценность прекрасного (Пекин, 16.01.1935 г.) / Н. К. Рерих. Электронная публикация статьи на сайте Рериховской библиотеки. – URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-roerich-1/808-tsennost-prekrasnogo?ysclid=lbse5b96of27423324> (дата обращения: 16.12.2022).

References

Alekseev S. S. Mystery and the power of law. The science of law : new approaches and ideas. Law in the life and fate of people / S. S. Alekseev. – M. : Norma, 2009. – 175 p.

Zhukov V. N. Introduction to legal axiology / V. N. Zhukov // State and law. – 2009. – No. 6. – Pp. 20–31.

Kistyakovsky B. A. Social Sciences and Law. Essays on the methodology of social sciences and general theory of law / B. A. Kistyakovsky. – M. : M. and S. Sabashnikovs, 1916. – 704 p.

Prosvirnin Yu. G. Monuments to Constitutions / Yu. G. Prosvirnin, E. V. Sazonnikova // Constitutionalism and State Studies. – 2015. – No. 1 (7). – Pp. 179–186.

Roerich N. K. The Value of the Beautiful (Beijing, January 16, 1935) / N. K. Roerich. Electronic publication of the article on the website of the Roerich Library. – URL: <https://roerich-lib.ru/index.php/n-k-rerikh/n-k-roerich-1/808-tsennost-prekrasnogo?ysclid=lbse5b96of27423324> (date of access: 12.16.2022).

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Памятники памятникам права // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 74–87.

Recommended citation:

Sazonnikova E. V. The monuments to the monuments of law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 74–87.

Сведения об авторе

Сазонникова Елена Викторовна – профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
E-mail: sazon75@mail.ru

Information about author

Sazonnikova Elena Viktorovna – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor
E-mail: sazon75@mail.ru

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 351.74

ПРАВОСОЗНАНИЕ ЧИНОВ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПРАВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К. А. Ситников

Воронежский институт МВД России

Поступила в редакцию 6 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется роль правосознания чинов уездной полиции Российской империи (на примере Воронежской губернии) как идеологического источника права в ходе подготовки закона об учреждении уездной полицейской стражи.

Ключевые слова: правосознание, источник права, уездная полиция, уездная полицейская стража.

THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE RANKS OF THE DISTRICT POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE AS AN IDEOLOGICAL SOURCE OF LAW AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

K. A. Sitnikov

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Abstract: the article analyzes the role of the legal consciousness of the ranks of the district police of the Russian Empire (on the example of the Voronezh province) as an ideological source of law during the preparation of the law on the establishment of the county police guard.

Key words: legal awareness, source of law, county police, county police guard.

В юриспруденции термин «источники права» применяется достаточно давно. Так, еще римский историк эпохи принципата Тит Ливий называл Законы XII таблиц «источником всего публичного и частного права» («*fons omnis publici privatique iuris*» – лат.). Несмотря на значи-

© Ситников К. А., 2023

тельное число научных работ, понятие «источник права» в отечественной юриспруденции до сих пор является дискуссионным¹. Данный факт обусловлен трансформацией общественных отношений и сопутствующими изменениями самого права. К примеру, обмен опытом в рамках более тесного взаимодействия стран приводит к тому, что некоторые виды источников права одних правовых систем «перекочёвывают» в другие, для которых они являются нетрадиционными. Встраивание их в правовую систему порождает новые взаимосвязи в правовой материи. В связи с этим всестороннее изучение источников права способствует лучшему усвоению значения права в организации и функционировании общества².

В настоящее время сложилось несколько точек зрения, касающихся проблемы содержания понятия «источник права» и его соотношения с «формой права».

Солидаризируясь с утверждением В. М. Баранова, полагаем целесообразным выделять источник права в материальном смысле (развивающиеся общественные отношения), в юридическом (формальном) смысле (внешняя форма права), а также идеальном (идеологическом) смысле³. В последнем случае речь идет именно о правосознании. Более того, правовая идеология, по мнению указанного ученого, и вовсе является основным источником формирования права⁴.

Представляется интересной позиция Э. К. Джамаловой и З. Г. Рамазановой, называющих правосознание «лакмусовой бумажкой», отражающей реально существующие в обществе на определенном историческом этапе проблемы правового характера⁵.

Наиболее же контрастно роль правосознания как идеологического источника права, по нашему мнению, может проявляться в переходные периоды функционирования государства или отдельных элементов государственной и правовой системы. В качестве одного из примеров, подтверждающих справедливость данного высказывания, может выступать кризис полицейской системы Российской империи в целом и ее уездного компонента, в частности, в конце XIX – начале XX веков.

Осмысление направлений реформирования уездной полиции в указанный период проходило по уже отработанной с 1850-х гг. схеме органи-

¹ См.: Джамалова Э. К., Рамазанова З. Г. К вопросу о правосознании как идеологическом источнике права // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 35. № 3.

² См.: Панченко К. С. Источники (формы) права // Теория государства и права / А. В. Киринос, В. А. Колесников, Ю. В. Сорокина [и др.]. Воронеж, 2021. С. 144.

³ См.: Теория государства и права / В. К. Бабаев [и др.]. М., 2022. С. 267.

⁴ См.: Баранов В. М. Формы права // Теория государства и права / под ред. А. С. Мордовца, В. Н. Синюкова. М., 2005. С. 217.

⁵ См.: Джамалова Э. К., Рамазанова З. Г. Указ. соч.

зации эшелонированных опросов и консультаций с руководством местных административных и полицейских органов губернского и уездного уровней⁶. В качестве конечных «звеньев» при таких опросах нередко выступали уездные полицейские исправники⁷. Последние же на основании сформировавшихся в ходе практической деятельности отношений к действующему «полицейскому праву»⁸, устройству соответствующих учреждений, а также понятий, идей о должном порядке правового регулирования функционирования уездной полиции готовили свои предложения губернаторам.

Одним из уникальных документов такого рода стал рапорт землянского уездного полицейского исправника М. И. Буловича, подготовившего полноценный проект реформы. По мнению служащего, упразднив должности сотских и десятских, полицейских урядников и исправников, следовало бы организовать уездную полицию следующим образом: «Стражники с обязанностями и правами низших служителей полиции учреждаются по расчету на первое время на каждую тысячу душ по одному. Затем, на каждую волость по одному, учреждаются должности волостных полицейских надзирателей, со всеми правами и обязанностями нынешних становых приставов». «Дабы вызвать между этими чинами полиции необходимое соревнование по службе для получения дальнейшего движения и повышения»⁹, исправник предложил разделить указанные должности на 2 или 3 разряда, присвоив каждому из них соответствующие оклады содержания.

Во всех уездах, с точки зрения чиновника, стоило бы «учредить должность начальника полиции и при нем управление», состоящее из самого руководителя, а также одного или двух помощников (старшего и младшего), в зависимости от обширности населения. «Так как по строю службы из начальников полиции дальнейшего продвижения по службе нет, а между тем в интересах службы необходимо, чтобы каждый служащий, стремясь получить повышение по службе, усиленно бодрствовал и трудился на занимаемой им должности, то, дабы дать начальникам полиции и их помощникам возможность соревнования по службе», исправ-

⁶ См.: *Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А.* Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Воронеж, 2018. С. 417.

⁷ См.: *Ситников К. А.* Учет мнения правоприменителя в законотворческом процессе на примере учреждения полицейской стражи Воронежской губернии // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 1.

⁸ См.: *Дерюжинский В. Ф.* Лекции по полицейскому праву. СПб. : Н. Фалеев, 1899; *Иозефи В. Г.* Опыт юридической науки полицейского права. Могилев : тип. Б. Г. Кваши, 1902. Ч. 1; *Старилов Ю. Н.* О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым // *Полицейское право.* 2005. № 1(1).

⁹ Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-6. Оп. 2. Д. 55. Л. 51–52 об.

ник предложил разделить уезды на два или три разряда (а значит, и выделить соответствующее число окладов) в зависимости от величины, населенности административно-территориальной единицы и иных условий несения там службы. Среди предложений числилось и присвоение начальникам полиции 6 класса по чинопроизводству¹⁰.

Также «для получения цельности всей организации» М. И. Булович посчитал необходимым и создание должности инспектора полиции, «который был бы ближайшим сотрудником губернатора по руководству и надзору за всей полицией губернии», по совместительству заведующим полицейским отделением в губернском правлении.

В завершение своего рапорта исправник взял на себя обязательство «в государственных интересах» представить вышеописанный проект более детально и обосновать все его положения в дальнейшем, поскольку на момент составления служебного документа М. И. Булович не имел свободного времени ввиду пребывания по служебным вопросам в селе Касторном¹¹.

Ряд проблем, вставших перед уездными стражами правопорядка, был аналогичен проблемам коллег из городских подразделений: «По бумагам денежным и в особенности по сборам неокладным: штрафным, пошлинам, по взысканию судебных издержек, а также недоимок больничной и общественных повинностей с пришлого населения, сумма которых ежегодно достигает 10 000 р., переписка... чрезвычайно сложна, помимо постоянного наблюдения и понуждения к принятию законных мер ко взысканию, на обязанности полицейского управления лежит розыск имений казенных должников, отыскание средств для взыскания...» и т.д.¹²

В завершение своего рапорта исправник взял на себя обязательство «в государственных интересах» представить вышеописанный проект более детально и обосновать все его положения в дальнейшем, поскольку на момент составления служебного документа М. И. Булович не имел свободного времени ввиду пребывания по служебным вопросам в одном из отдаленных сел губернии.

Примечательно, что свои представления о должном правовом положении уездной полиции и статусе ее чинов выражали не только представители руководства того или иного уровня, но и нижние чины в том числе. Об этом отчетливо свидетельствуют материалы архивных учреждений, например коллективное прошение «От всех полицейских урядников Черниговской, Харьковской, Полтавской, Московской, Воронежской и др.» губерний на имя Министра внутренних дел¹³.

¹⁰ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 55. Л. 52–53.

¹¹ Там же. Л. 52 об. 54.

¹² Там же. Л. 78–80.

¹³ ГАРФ. Ф. 102. 2-е делопр. 1900. Оп. 57. Д. 17. Ч. 34Б. Л. 395–396 об.

Безусловно, сравнение итогового текста Высочайше утверждённого Мнения Соединённых Департаментов Государственного Совета «Об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи» от 05.05.1903 и рассмотренного рапорта демонстрирует практически полное их несоответствие друг другу.

Вместе с тем говорить о том, что подобные документы не повлияли на проводившуюся реформу уездной полиции, было бы ошибочным. Подготовка проекта закона, учредившего новый правоохранительный институт, велась на основе предложений, как уже было сказано, нескольких десятков губерний. Те, в свою очередь, формировались с учетом сотен мнений непосредственных правоприменителей. Как итог, подготовленный в дальнейшем текст закона был в некоторой степени «соткан» из представлений полицейских о должном правовом положении полицейской стражи.

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что правосознание чинов уездной полиции выступило в качестве одного из бесспорных источников права в ходе проведения реформы 1903 г.

Библиографический список

Дерюжинский В. Ф. Лекции по полицейскому праву / В. Ф. Дерюжинский. – СПб. : Н. Фалеев, 1899. – 286 с.

Джамалова Э. К. К вопросу о правосознании как идеологическом источнике права / Э. К. Джамалова, З. Г. Рамазанова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 35, № 3. – С. 14–18. – DOI 10.21779/2224-0241-2020-35-3-14-18. – EDN QHOIWO.

Йозефи В. Г. Опыт юридической науки полицейского права / В. Г. Йозефи. – Могилев : тип. Б. Г. Кваши, 1902. – Ч. 1. – 160 с.

Нахимов А. П. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века / А. П. Нахимов, А. В. Киринос, В. А. Колесников. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. – 685 с.

Панченко К. С. Источники (формы) права / К. С. Панченко // Теория государства и права / А. В. Киринос, В. А. Колесников, Ю. В. Сорокина [и др.]. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2021.

Ситников К. А. Учет мнения правоприменителя в законотворческом процессе на примере учреждения полицейской стражи Воронежской губернии / К. А. Ситников // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 1. – С. 225–232. – EDN QUOXQG.

Старилов Ю. Н. О полицейском праве, или не всегда хорошо забытое старое является новым / Ю. Н. Старилов // Полицейское право. – 2005. – № 1(1). – С. 12–19. – EDN RAMIXJ.

References

Deryuzhinsky V. F. Lectures on police law / V. F. Deryuzhinsky. – SPb. : N. Faleev, 1899. – 286 p.

Jamalova E. K. On the issue of legal consciousness as an ideological source of law / E. K. Jamalova, Z. G. Ramazanova // Legal Bulletin of the Dagestan State University. –

2020. – Т. 35. – No. 3. – Pp. 14–18. – DOI 10.21779/2224-0241-2020-35-3-14-18. – EDN QHOIWO.

Josephi V. G. Experience of legal science of police law / V. G. Josephi. – Mogilev : type. B. G. Kvashi, 1902. – Part 1. – 160 p.

Nakhimov A. P. Professional training of the lower ranks of the county police in the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th century / A. P. Nakhimov, A. V. Kirnos, V. A. Kolesnikov. – Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – 685 p.

Panchenko K. S. Sources (forms) of law / K. S. Panchenko // Theory of state and law / A. V. Kirnos, V. A. Kolesnikov, Yu. V. Sorokina [and others]. – Voronezh : Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.

Sitnikov K. A. Taking into account the opinion of the law enforcement officer in the legislative process on the example of the establishment of the police guard of the Voronezh province / K. A. Sitnikov // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2021. – No. 1. – Pp. 225–232. – EDN QUOXQG.

Starilov Yu. N. About police law, or the well-forgotten old is not always new / Yu. N. Starilov // Police law. – 2005. – No. 1(1). – Pp. 12–19. – EDN RAMIXJ.

Для цитирования:

Ситников К. А. Правосознание чинов уездной полиции Российской империи как идеологический источник права в начале XX века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 88–93.

Recommended citation:

Sitnikov K. A. The legal consciousness of the ranks of the District Police of the Russian Empire as an ideological source of law at the beginning of the XX century // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 88–93.

Сведения об авторе

Ситников Кирилл Алексеевич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского института МВД России
E-mail: kirillsa@mail.ru

Information about author

Sitnikov Kirill Alekseevich – Lecturer of the Chair of Theory and History of State and Law of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: kirillsa@mail.ru

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ИСТОЧНИК СОВЕТСКОГО ПРАВА 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

М. С. Диденко

Ростовский государственный экономический университет (Ростов-на-Дону)

Поступила в редакцию 28 февраля 2023 г.

Аннотация: статья посвящена выявлению роли революционного правосознания как источника права в первое десятилетие советской власти. Автор доказывает, что появление данного источника права связано с кризисом общественного правосознания начала XX в. В статье выделены этапы развития революционного правосознания, раскрыта его сущность и показано его место в системе источников советского и российского права.

Ключевые слова: революционное правосознание, источник права, социалистическое правосознание, советский закон, декрет, революционная целесообразность.

REVOLUTIONARY LEGAL CONSCIOUSNESS AS A SOURCE OF SOVIET LAW IN THE 1920TH

M. S. Didenko

Rostov State Economic University (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract: the article is devoted to revealing the role of revolutionary legal consciousness as a source of law in the first decade of Soviet power. The author proves that the emergence of this source of law is associated with the crisis of public legal consciousness in the early twentieth century. The article highlights the stages of development of revolutionary legal consciousness, reveals its essence and shows its place in the system of sources of Soviet and Russian law.

Key words: revolutionary legal consciousness, source of law, socialist legal consciousness, Soviet law, decree, revolutionary expediency.

В современной российской юриспруденции распространено представление о нормативно-правовых актах (далее – НПА) как о самом действенном источнике праве. Вследствие этого практически все сферы общественных отношений сегодня урегулированы тысячами законов и миллионами подзаконных актов. Такая множественность НПА не только созда-

ет трудности в организации, упорядочении и обеспечении системности нормативного материала, но и препятствует воплощению альтернативных государственным интересам субъектов права.

В результате этого позитивное право поглощает понятие права и становится единственным предметным мерилем нормального правосознания человека. Негативными последствиями подмены права законом правоведы называют признание правом неправа; утрату авторитета, легитимности, связанности действующего законодательства с реальными субъектами права, а также различные дефекты их правосознания.

О взаимосвязи права и правосознания писали многие юристы (И. А. Ильин, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский и др.). По И. А. Ильину, «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам»¹. Для П. И. Новгородцева кризисы социальной жизни вызваны прежде всего кризисом общественного правосознания. Практическое действие права он напрямую связывает с уровнем правосознания. Право может иметь значение, но не выполнять своего назначения, если существует рознь между действующими нормативными предписаниями и общественным правосознанием². Качество разработки и применения закона И. А. Покровский связывал с уровнем правосознания в обществе³. Только с помощью правосознания можно выработать критерии разумного и справедливого, без которых законодательные построения будут лишены смысла и телеологической ориентировки.

Изучение трудов великих отечественных правоведов позволяет сделать ряд важных выводов о том, что право имеет объективное содержание, динамическая составляющая которого меняется под воздействием смены ценностных ориентиров и условий жизнедеятельности в обществе, но существо права, его разумность и справедливость, остается неизменным при любых обстоятельствах. Уровень соответствия нормативных предписаний ценностным установкам субъектов права, качеству их правосознания определяет практическую реализацию и действенность законодательства.

Резкое изменение системы общественных ценностей приводит к разрыву с действующим правом и кризису правосознания, выражающемуся не только в отрицании старого законодательства, но и поиске его нового содержания. В такие периоды, именуемые в правоведении переходным состоянием государства и права, активизируются творческие силы общества, что приводит к появлению новых организованных и неорганизованных источников права.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 24.

² См.: Новгородцев П. И. Введение в философию права : кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 14–16.

³ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград, 1917. С. 46.

Руководители Советского государства опирались на идеалы марксизма-ленинизма, не связанные с построением совершенного правопорядка. Данный идеал исключал ценность государства и права как форм организованного насилия над людьми, средства подавления и угнетения трудящихся, ставших основой общественного строя. Поэтому развитие государственных институтов и учреждений в РСФСР имело временный (до построения коммунизма) характер, нацеливалось на формирование бесклассового общества и связывалось с построением социалистических социально-экономических отношений.

Создание нового уклада общественной жизни активизировало поиск новых форм юридического общения в социалистическом обществе, в том числе и источников их выражения⁴. Их разработкой в первое десятилетие советской власти занимались представители трех направлений юридической науки: марксистского, социологического и психологического⁵. Так, В. И. Ленин в работе «Государство и революция» утверждал, что соблюдение несложных правил общественного поведения скоро войдет в привычку, так как введение всенародного управления сделает уклонение от его контроля «неимоверно трудным»⁶.

С точки зрения основателя марксистской школы советского права и создателя теории революционного права П. И. Стучки, право не имеет собственного содержания. Оно определяется характером господствующих в обществе производственных отношений. Революционное сознание не занимало в этой теории ключевого места. Однако П. И. Стучка полагал, что сознание угнетенных масс является важным фактором образования нового права⁷.

Сторонники психологической школы исходили из понимания права, сформулированного Л. И. Петражицким. Право как психологическое переживание должно было достигнуть высшей точки развития в массовом правосознании, и малейшее отклонение от него вызовет всплеск общественного раздражения, направленного на восстановление нарушенных начал общественной организации, прежде всего права на труд и права на социальное обеспечение⁸.

Воззрения Л. И. Петражицкого были трансформированы М.А. Рейснером в интересах советского строя. Он полагал, что «реальное право» пред-

⁴ См.: Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Юрист-Правовед. 2008. № 3(28). С. 87–92.

⁵ См.: Шатковская Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20–30-х годов XX века как попытка юридизации неправовой реальности // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8, № 4. С. 16–20.

⁶ Ленин В. И. Государство и революция. Пгр., 1919.

⁷ См.: Стучка П. И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 101, 121, 123.

⁸ См.: Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, 1922. С. 20.

ставляет собой психологию, идеологию и сознание угнетенных классов, прежде всего рабочих, поскольку убеждения данных слоев общества соответствуют требованиям правды и справедливости и имеют правовой характер⁹. Свои представления о праве как форме политической идеологии он переносил в советские декреты (в частности, в Декрет о суде № 1¹⁰), в создании которых принимал непосредственное участие, будучи руководителем отдела законодательных предположений Наркомата юстиции.

Представитель социологической юриспруденции П. А. Сорокин не признавал правильным отказ от идеи права и тесно связывал право с сознанием субъектов. Для него право выражалось в виде объективных психических явлений, убеждений и поступков человека. Он называл право, содержащееся в кодексах и «бессмысленных изысканиях юристов», мертвым. Вследствие этого П. А. Сорокин полагал, что «политическая физиономия общества» складывается из убеждений большинства, выраженных в суждениях, поступках, обрядах, организации социально-политических институтов и учреждений¹¹.

В условиях отказа от юридической догматики и законодательства свергнутых правительств именно революционное правосознание становится основным источником советского права. Данное утверждение основано на изучении первых декретов советской власти. Так, в Декрете о суде № 1 революционное правосознание закреплено в качестве своеобразного фильтра, очищающего советский строй от чуждых ему правил поведения.

Действие революционного правосознания основывалось на приоритете соображений справедливости над формальными требованиями царских законов, не отмененных советскими декретами. Соображения справедливости применялись как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве (ст. 36).

Для революционных трибуналов, выносивших в том числе и расстрельные приговоры, роль революционного правосознания также была основной. Революционное правосознание должно было «подсказать» судьям ревтрибуналов, каким образом обеспечить интересы Советского государства при установленных обстоятельствах конкретного дела контрреволюционной направленности.

С начала 1920-х гг. революционное правосознание становится социалистическим и в законодательстве уступает место основного источника права при рассмотрении судебных споров советским декретам. В частности, в ст. 22 Положения о народном суде закреплялось, что социали-

⁹ См.: Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.; М., 1925. С. 194.

¹⁰ Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст. 5 // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1, 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. С. 125.

¹¹ См.: Сорокин П. А. Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства. СПб., 2009. С. 42–46.

стическое правосознание применялось судьями при отсутствии или неполноте декретов Рабоче-Крестьянской власти. Использование законов свергнутых правительств воспрещалось.

В Положении о революционных трибуналах от 27 марта 1920 г. в качестве руководящих критериев судей при вынесении приговора указаны установленные обстоятельства дела и интересы пролетарской революции (ст. 24).

Вместе с тем следует отметить, что в 1920-е гг. революционное правосознание не только не перестало быть источником права, но и, напротив, получило развитие в двух направлениях. Во-первых, революционное правосознание, содержание которого первоначально выражалось такими абстрактными терминами, как интересы революции, интересы пролетарского государства и трудящихся масс, получило четкую формулировку в виде программы-минимум партии ВКП(б).

Во-вторых, при решении дела и назначении наказания судья должен был руководствоваться своим социалистическим правосознанием, т.е. применение данного источника переносится со стадии установления фактических обстоятельств дела (рассмотрения дела) на момент принятия правоприменительного акта, что придает рассматриваемому источнику права даже большее юридическое значение, чем прежде.

Как справедливо отметил Г. М. Португалов, «внутреннее содержание декретной нормы» становится «совершенно однородно с содержанием социалистического правосознания». Отличие между социалистическим правосознанием и декретным правом он видел лишь в том, что первое «пребывало в массовом правосознании», а второе – «в законодательной форме»¹².

Более того, социалистическое правосознание в иерархии источников права стояло выше нормы декрета. Декрет был всего лишь «оттиском» социалистического правосознания. Так, в ст. 9 Уголовного кодекса РСФСР, действовавшего до 1928 г., закреплялось, что назначение наказания производилось судьями по их социалистическому правосознанию «с соблюдением руководящих начал и статей Кодекса»¹³.

В Уголовном Кодексе РСФСР 1926 г. при назначении осужденному мер социальной защиты судья должен был руководствоваться только социалистическим правосознанием с учетом общественной опасности преступления, обстоятельств дела и личности преступника (п. «в» ст. 45)¹⁴.

¹² Португалов Г. М. Указ. соч. С. 24, 38.

¹³ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁴ О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 27.04.1959) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

При этом закон как источник для принятия судьей решения по делу в рассматриваемом Кодексе вообще не упоминался.

Решение дела на основе закона не могло противоречить социалистическому правосознанию, содержание которого определялось программой ВКП(б). Причем указанное преимущество, т.е. верховенство социалистического правосознания над законом, сохраняется весь советский период. В частности, в ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР 1958 г.¹⁵ закреплено, что суд назначает наказание, руководствуясь социалистическим правосознанием, в пределах статьи уголовного закона.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 «О судебном решении», действие которого не отменено до сегодняшнего дня, социалистическое правосознание и закон указаны как равные по юридическому значению источники принятия решения по делу для судей (п. 1)¹⁶.

Все вышеизложенное показывает, что утверждение о временности революционного правосознания как источника права государства в переходном состоянии можно легко опровергнуть, опираясь на советское законодательство и судебные акты.

Революционное, трансформированное в социалистическое, правосознание базировалось на марксистской идеологии. Она получила более конкретное выражение в программных документах коммунистической партии СССР, определявших в свою очередь содержательные пределы социалистического правосознания. Декреты в понимании советских законодателей представляли собой не волеизъявление законодателей, а воплощение в нормативной форме марксистского учения и конкретизацию социалистического правосознания. Тем самым посредством социалистического правосознания в советском законодательстве незримо закреплялся приоритет господствующего политического учения, партийных документов и решений над законом.

Проведенный анализ трудов советских юристов и декретов первого десятилетия советской власти в аспекте выявления места революционного правосознания в системе источников права позволяет сделать следующие выводы: во-первых, революционное правосознание признавалось основным источником права с 1917 по 1920 г., что объяснялось разрывом с прежней дореволюционной правовой традицией, дискуссионностью в советской юридической науке вопросов о возможности построения социалистического строя без использования позитивного права, о

¹⁵ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989) // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

¹⁶ О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1982. № 4.

роли законодательства при советском строе и его соотношении с государством, а также пробельностью декретного права указанного периода.

На данном этапе революционное правосознание выступало главным средством обеспечения единства правотворчества и правоприменения. В области правотворчества оно создавало идейную взаимосвязь разнообразных несистематизированных декретов. Для правоприменителей, прежде всего судей народных судов и революционных трибуналов, реализовывавших в том числе и меры чрезвычайной репрессии, революционное правосознание стало руководством для оценки фактических обстоятельств дела и уяснения внутреннего содержания советских декретов. Фактически судья и законодатель на данном этапе развития юридической практики сливались в одном лице.

Во-вторых, революционное правосознание не получило должного научного обоснования и разграничения с такими используемыми в качестве синонимических понятиями, как «революционная совесть», «революционная справедливость», «революционная целесообразность». Законодательное определение «революционного правосознания» отличается терминологической латентностью. В советских декретах данный источник права определялся разнообразными терминами: «правосознание трудящихся масс», «революционное коммунистическое правосознание», «революционно-социалистическое правосознание» и др. Анализ их нормативного изложения и толкования в трудах советских юристов позволяет утверждать, что все эти термины имели единое содержание.

Принципиальное отличие революционного правосознания от социалистического состоит в том, что оно творилось волей всего трудящегося народа в интересах революции, что придавало ему черты разрозненности. В то время как социалистическое правосознание имело доктринальное обоснование в марксистской теории научного социализма и базировалось на программных документах коммунистической партии. Оно также носило массовый характер, но охватывало круг лиц, разделявших идеалы марксизма-ленинизма.

В-третьих, революционное правосознание, трансформированное в начале 1920-х гг. в социалистическое правосознание, сохраняло роль источника советского права и руководящего основания в юридической деятельности советских законодателей и правоприменителей, прежде всего судей, в течение всего периода существования Советского государства.

Библиографический список

- Ильин И. А.* О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Рарог, 1993.
Ленин В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. – Пгр., 1919.
Новгородцев П. И. Введение в философию права : кризис современного правосознания / П. И. Новгородцев. – СПб., 2000.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1917.

Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание / Г. М. Португалов. – Петербург, 1922.

Рейснер М. А. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М. А. Рейснер. – Л. ; М. : Государственное издательство, 1925.

Сорокин П. А. Элементарный учебник по теории права в связи с теорией государства / П. А. Сорокин. – СПб. : Издательство С.-Петербург. ун-та, 2009.

Стучка П. И. Революционная роль советского права / П. И. Стучка. – М. : Государственное законодательство советское законодательство, 1934.

Шатковская Т. В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) / Т. В. Шатковская // Юристъ-Правоведъ. – 2008. – № 3(28). – С. 87–92.

Шатковская Т. В. Теоретические построения советских правоведов 20–30-х годов XX века как попытка юридизации неправовой реальности / Т. В. Шатковская // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – Т. 8, №4. – С. 16–20.

Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 года. Ст. 5 // Декреты Советской власти. – М. : Госиздат, 1957. – Т. 1, 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г.

О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. (ред. от 25.08.1924) // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. (ред. от 27.04.1959) // СУ РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (ред. от 08.04.1989) // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

О судебном решении : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1982. – № 4.

References

Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness / I. A. Ilyin. – М. : Rarog, 1993.

Lenin V. I. The State and the Revolution / V. I. Lenin. – Pgr., 1919.

Novgorodtsev P. I. Introduction to the philosophy of law : the crisis of modern Legal consciousness / P. I. Novgorodtsev. – SPb., 2000.

Pokrovsky I. A. The main problems of civil law / I. A. Pokrovsky. – Petrograd : Publishing of the legal book warehouse “Pravo”, 1917.

Portugalov G. M. Revolutionary conscience and socialist legal consciousness / G. M. Portugalov. – Petersburg, 1922.

Reisner M. A. Law. Our right. Someone else's right. General Law / M. A. Reisner. – L. ; М. : State Publishing House, 1925.

Sorokin P. A. Elementary textbook on the theory of law in connection with the theory of the state / P. A. Sorokin. – SPb. : Publishing House of St. Petersburg University, 2009.

Stuchka P. I. The revolutionary role of Soviet law / P. I. Stuchka. – М. : State legislation Soviet legislation, 1934.

Shatkovskaya T. V. The place of customary law in the regulation of land relations in the first years of Soviet power (1917–1922) / T. V. Shatkovskaya // Jurist-Pravoved. – 2008. – No. 3(28). – Pp. 87–92.

Shatkovskaya T. V. Theoretical constructions of Soviet jurists of the 20–30s of the twentieth century as an attempt to legitimize non-legal reality / T. V. Shatkovskaya // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. – 2021. – Vol. 8, No. 4. – Pp. 16–20.

Decree on the Court of November 22 (December 5), 1917. Article 5 // Decrees of Soviet power. – М. : Gosizdat, 1957. – Vol. 1, October 25, 1917 – March 16, 1918.

On the introduction of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. (together with the Criminal Code of the R.S.F.S.R.) : resolution of the Central Executive Committee of June 1, 1922 (ed. of 25.08.1924) // SU RSFSR. – 1922. – No. 15. – St. 153.

On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R. edition of 1926 (together with the Criminal Code of the R.S.F.S.R.) : resolution of the Central Executive Committee of November 22, 1926 (ed. of 27.04.1959) // SU RSFSR. – 1926. – No. 80. – St. 600.

On the approval of the Fundamentals of the Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics: The Law of the USSR of December 25, 1958 (ed. from 08.04.1989) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. – 1959. – No. 1. – Article 6.

On the judicial decision : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of July 9, 1982, No. 7 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. – 1982. – No. 4.

Для цитирования:

Диденко М. С. Революционное правосознание как источник советского права 20-х годов XX века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 94–102.

Recommended citation:

Didenko M. S. Revolutionary legal consciousness as a source of soviet law in the 1920th // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 94–102.

Сведения об авторе

Диденко Марина Сергеевна – ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону
E-mail: mn2303@mail.ru

Information about author

Didenko Marina Sergeevna – Assistant of the Department of Criminal and Penitentiary Law, Criminology of Rostov State Economic University, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: mn2303@mail.ru

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ОБЫЧНОГО ПРАВА ЗАПАДНЫХ АДЫГОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А. В. Баева

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ

Поступила в редакцию 23 декабря 2022 г.

Аннотация: в данной статье анализируется одновременное существование трех правовых систем: традиционной для адыгов «Адыгэ Хабзэ», шариата и российского права, когда оно еще не имело большого влияния на западных адыгов.

Ключевые слова: обычное право, «Адыгэ Хабзэ», шариат, адыги, правовой плюрализм.

LEGAL PLURALISM AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF CUSTOMARY LAW OF WESTERN ADYGHE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY

A. V. Baeva

*South-Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration*

Abstract: this article analyzes the simultaneous existence of three legal systems: traditional for the Adygs “Adyghe Khabze”, Sharia and Russian law, when it did not yet have a great influence on the Western Adyghes.

Key words: customary law, Adygh code, Circassia, sharia, Adyghs, legal pluralism.

Северный Кавказ продолжительное время представляет особый интерес для исследований с позиций теории и истории права. Это обусловлено рядом объективных факторов, так как этот небольшой по площади, но богатый по содержанию регион с пестрым национальным составом совмещает в себе тысячи традиций и диалектов. Люди, которые населяют территорию Северного Кавказа, отличаются особым бережным отношением к родному языку, национальной культуре, традициям и обычаям. И именно этот факт всегда вызывал и вызывает дополнительный

интерес как особая «форма памяти», включающая в себя исторический, социальный, экономический, политический, правовой, морально-нравственный пласт развития общественных отношений. Так, например, на Северном Кавказе нормы шариата¹ и адатные нормы² всегда составляли неотъемлемую часть общественной жизни. Это обусловлено тем, что нормы адата и шариата по своей сути, имея нормативно-регулятивный характер, опираются на нравственно-правовые принципы, определяющие основы правоприменения.

Мораль, нравственность, честь, достоинство, уважение – это только небольшой перечень качеств, которыми должен обладать человек, который свято и непоколебимо считает себя частью большой семьи народов Северного Кавказа. Именно эти фундаментальные человеческие качества позволили народам, проживающим на Северном Кавказе, оставаться носителями особой национальной, традиционной и культурной силы, которая манит и влечёт как в исследовательском плане, так и в практически значимом способе сосуществования людей в социуме.

В этом отношении в качестве объекта исследования правового плюрализма на Северном Кавказе особый интерес представляет собой Черкесия, а именно западная часть Черкесии в XIX в., так как именно в это время можно отметить использование попеременно, а иногда и совместно норм шариата и норм обычного права. Шариат и нормы обычного права часто конкурировали друг с другом, так как нормы права Российской империи еще не получили широкого распространения. Этот факт делает ещё интересней изучение данного вопроса, так как в современной правовой науке бытует мнение, что правовая действительность Кавказского региона помимо российского права определяется нормами мусульманского права – шариата и нормами обычного права горцев – адата.

Поэтому исследование сосуществования трех правовых систем позволит ответить на многие вопросы, которые преподносят современные реалии, например вопросы упорядочивания решений проблем в общественной жизни, разрешения конфликтов и т.д.

Итак, с XIX в. отмечается развитие правового плюрализма на Северном Кавказе, что выражается в придании статуса законности традиционным правовым образованиям, адату и нормам шариата при их ком-

¹ Шариат – это тщательно разработанный кодекс поведения, т.е. канон, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные регулировать отношения мусульманина к Богу, к обществу в целом и к отдельному человеку.

² Адат – обычай, нормы правовых комплексов, а также реалии правовой жизни, не отражённые в шариате. Адат представляет собой совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и тому подобных отношений.

плексном применении для регулирования общественных отношений. При этом необходимо обозначить, что нормы адата и шариата, по своей сути, имея нормативно-регулятивный характер, однозначно опирались на нравственно-правовые принципы, которые определяли основы их правоприменения. На Северном Кавказе нормы шариата и адатные нормы составляют неотъемлемую часть общественной жизни и по настоящее время, ничуть не ослабив своей нормативной значимости. Интерес к этому факту не ослабевает ни на секунду и, более того, заставляет «пытливые умы» теоретической правовой науки ставить всё новые и новые задачи для его углубленного изучения и исследования. Так, исторически Черкесия как государственное образование никогда не была единым государством, но являлась государственно-подобным образованием, объединяла десятки адыгских субэтносов. Несмотря на то, что в Черкесии отсутствовал единый централизованный аппарат управления, адыги во все времена имели «моральное единство» и связь, а именно: свод обычных правовых норм – «Адыгэ Хабзэ», который выполнял функцию регулятора общественной жизни в целом³. В данном случае уместно поставить вопрос: «Как получалось одновременно консолидировать и подчинить общество»? Здесь особая роль принадлежит обычному праву.

Итак, нормы обычного права адыгов – «Адыгэ Хабзэ» – долгое время были неписаными и передавались в виде преданий из поколения в поколение. Источниками хабзэ были как устоявшиеся правовые традиции, так и новые нормы, возникавшие в ходе судебных практик. До наших дней текст хабзэ сохранился благодаря военным – генералам и офицерам российской царской армии, которые в 1840-х гг. записали и систематизировали предания в единый кодекс. У натухайцев, шапсугов и абадзехов отсутствовали высшие социальные группы: у них не было князей, это отличало их от других адыгских общностей⁴. К тому же особенностью шапсугского общества было наличие «соприсяжных братств», прежде основанных на кровном родстве, затем большую роль в них играла присяга. «Шапсуги, соседственные Натухайцам, живут по обеим сторонам Кавказского хребта, занимая на северной его стороне пространство от Адогума до реки Супсы и на южной стороне от Пшады до реки Шахе. К востоку племя это распространяется не везде до самой Кубани»⁵. Необходимо отметить тот факт, что сведения о количестве шапсугов появляются в период завоевания российской армией Черноморья и выселения

³ «Адыгэ Хабзэ» – адыгская этико-философская доктрина, свод неписаных правил и законов. Включает в себя как нормы обычного права, так и моральные принципы, определяющие поведение отдельного человека и нормы жизни общества в целом.

⁴ См.: Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский Вестник. 1860. № 16. С. 517–550.

⁵ См.: Там же.

горского населения в Турцию. Так, согласно данным царского историка А. Берже в официальных докладах, численность выселенных адыгов составляла около полумиллиона человек. Но сам он считал эту цифру заниженной, «т.к. все переселенцы, отправившиеся на свой счет на турецких кочермах из портов, нам неподвластных, большею частью остались неизвестны для официальных лиц...»⁶. К тому же нельзя отрицать возможное желание российских властей уменьшить масштаб трагедии путем занижения численности переселенных.

Особо хотелось бы выделить тот факт, что активное распространение ислама в Западной Черкесии, а именно в Шапсугии, Абадзехии, Натухае, началось в 20-х гг. XIX в. с помощью представителей имама Шамиля – наибов⁷. Так, в 1841 г. у реки Пшеха состоялось собрание. Его итогом был договор, согласно которому закреплялось строгое следование шариату. Здесь же берут свое начало духовные суды, где приносились клятвы руководствоваться нормами шариата при решении различных вопросов, вводятся системы наказаний и штрафов за неисполнение религиозных обрядов. Шариат имел свою особенность, которая выражалась в том, что он не признавал социального неравенства, все верующие люди равны и, соответственно, одни не могут быть порабощены другими. Введение шариатских норм разрушало привилегии князей, что было характерно для западно-адыгской общности.

Проникновение и распространение ислама среди адыгских народов, исключая кабардинцев, не имело единовременный характер, а было довольно длительным, проводимым не только с помощью наибов имама Шамиля, но и насильственным способом. Так, процесс исламизации общества проходил быстрее там, где социальные отношения развивались в сторону усиления позиций знати. В то же время активизация ислама способствовала объединению адыгских субэтнических групп, так как это было идеологической основой борьбы против российской экспансии. М. В. Покровский считал: «Очень незначительно были затронуты мюридистским движением шапсуги, бжедуги и другие адыгские племена»⁸.

Далее необходимо указать на тот факт, что распространению ислама способствовали не только усилия наибов, но и строительство мечетей, религиозных институтов. Т. Лапинский отмечал положительные аспекты исламского просвещения: «В некоторых частях равнины Шапсугии основаны духовные школы, в которых изучается Коран и арабское письмо. Во время моего пребывания там число учащихся мальчиков во всей

⁶ Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Снег. Пятигорск, 2011.

⁷ Наиб в имамате Шамиля – его уполномоченный, осуществлявший военно-административную власть на определённой территории.

⁸ Покровский М. В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40–60-е годы XIX в. // Вопросы истории. 1957.

стране доходило почти до 1000»⁹. Но одновременно создавались и шариатские суды – мехкеме, с кадиями в качестве судей.

Особенностью адыгов «демократической» группы, т.е. западных адыгов, было то, что в результате Бзюкской битвы (итогом которой был социально-политический переворот в начале 90-х гг. XVIII в.) они избавились от княжеского гнета и создали демократические органы власти – «адыгэ хасэ». Здесь большую роль играли семейно-родственные объединения свободных крестьян-общинников, отсутствовала княжеская власть, а класс дворян сосуществовал с крестьянами.

Особенностью же «аристократической» группы адыгов-кабардинцев, бесленеевцев, бжедугов, хатукаевцев было то, что они продолжали находиться под властью князей. И именно по этой причине в российской историографии закрепились такие названия, как «аристократическая» и «демократическая» группы.

Несмотря на отличие, которое имело место быть, шариат и хабзэ одинаково использовались в интересах классовой верхушки и также одинаково обеспечивали власть над доминируемыми. Здесь можно указать на тот факт, что преимущество в использовании хабзэ или норм шариата зависело от уровня исламизации конкретной адыгской общности. Так, «аристократическая» группа отдавала свой выбор нормам шариата, поскольку они более полно обеспечивали интересы классовой верхушки. А. П. Ермолов в «Записках русского генерала» писал: «Кабардинским князьям потому выгоден шариат или суд священных особ, что они, пользуясь корыстолюбием их, в решении дел всегда могут наклонять их в свою пользу в тяжбах с людьми низшего сословия. Закон мусульманский, хотя признает все вообще состояния свободными, но священные особы, удаляясь сего правила, полное действие шариата допускали в разбирательстве дел между князьями и знатнейшими фамилиями узденей, а простой народ, когда требовала польза знатнейших и богатых, всегда был угнетен и бедный никогда не находил правосудия и защиты».

«Демократическая» же группа, включавшая в себя шапсугов, натухаевцев, предпочитала сохранить действие хабзэ, поскольку нормы хабзэ были более понятны и привычны для народа. Меры наказания обычного права были мягче, нежели наказания по шариату. Но первое время поверженные дворяне также отдавали предпочтение нормам хабзэ, поскольку считали, что это может помочь восстановить их былое влияние. В свою очередь старшины использовали шариат в качестве ограничителя возможностей дворян и усиления своей власти.

Нормы хабзэ были более предпочтительны, нежели шариат. Это было связано с тем, что муллы допускали вольное толкование норм Корана (ко-

⁹ *Лапинский Т. (Тэффик-бей)*. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / пер. с англ. яз. Г. К. Гарданова. Нальчик, 1995. 465 с.

торый был малоизвестен простолюдинам) при вынесении постановлений. Также необходимо подчеркнуть тот факт, что, поскольку образованных черкесов, умевших читать на арабском и тем более уметь толковать Коран, было очень мало, то при решении относительно важных вопросов народ пользовался хабзэ, а при решении вопросов малой важности обращались к нормам шариата, а «в мелких же делах враждующие стороны обращаются к муллам, для избежания медленности и затруднений в приискании посредников, по обоюдному согласию, тем более что не всякий охотно принимает на себя эту обязанность, могущую навлечь вражду со стороны, недовольной решением дела»¹⁰. Исходя из вышесказанного, можно утверждать о том, что по несходству своему с хабзэ нормы шариата не могли в силе существовать у шапсугов. Так коллизия норм шариата и хабзэ часто приводила к тому, что при решении вопросов, которые решались более выгодным образом на основании норм хабзэ, применялись нормы хабзэ, и наоборот – в соответствующих случаях применялись нормы шариата. В данном вопросе необходимо отметить, что этническая идентичность преобладала над религиозной, т.е. «адыгом быть важнее, нежели мусульманином». И, несмотря на активную пропаганду ислама, в силу противоречий, существующих среди адыгских субэтносов, и несоответствия новой религии традиционной культуре адыгов, исламизировать общество полностью не удалось.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что применение термина «адат» к адыгским народам не совсем уместно, поскольку у адыгов был сформирован неписанный свод юридических и нравственных норм – «Адыгэ Хабзэ», «адыгэ» – название адыгейских народов в целом, «хабзэ» – обычай, закон. Адыгские народы при обозначении адата используют термин «хабзэ».

Далее исторически сложилось так, что для Российской империи Кавказ XIX в. был не только географической границей между Европой и Азией, но и огромной культурной пропастью, где проживают «отсталые варвары», сохранявшие дикие обычаи и первобытный общественный строй. И, несмотря на весь трагизм Кавказской войны, все же она несла для Северного Кавказа цивилизационный и просветительский характер.

Так, заключение Андрианопольского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну 1828–1829 гг., на основе которого Российская империя закрепила за собой все восточное черноморское побережье, начиная от устья реки Кубань до бухты Святого Николая (ныне Адлер), оказало огромное влияние на регион.

Достаточно указать на тот факт, что для успешного управления многонациональным регионом заместникам российского государства необходимо было изучить нормы обычного права присоединенных народов,

¹⁰ Карлгоф Н. Указ. соч.

поскольку обычные правовые нормы были не только частью правовой культуры, но и отражали политические, социальные особенности народа. И в этом случае российская администрация при распространении своего влияния отдавала предпочтение нормам хабзэ, дабы завоевать доверие низших сословий, которые могли бы помочь в борьбе с классовой верхушкой, которая была радикально настроена в отношении России. В то время как шариатское движение выступало как оппозиционная сила, объединяющая адыгов в борьбе с царизмом.

Таким образом, обычное право развивается вместе с развитием любого общества, как неотъемлемый компонент культурной и общественной жизни соответствующего народа. Нормы «традиционной культуры» у субэтнотосов западных адыгов использовались как более предпочтительные, несмотря на силу «привезенных» правовых систем. Право, в целом, как часть культуры в качестве условия своего существования и условия своего развития не может обходиться без учета религиозных, культурно-исторических, национально-этнических и иных особенностей соответствующей территории. В Западной Черкесии ислам выступал как сплачивающая и объединяющая сила против российского царизма, а также как инструмент помощи в освободительном движении против аристократии. Из-за отсутствия подходящего общественного строя и поскольку устройство общества у шапсугского субэтноса и других субэтнотосов западных адыгов носило демократический характер – ислам приживался плохо. Также возможно, что в таком поликонфессиональном и полиэтничном регионе, как Северный Кавказ, на этапе развития общественных отношений, характерных для XIX в., позитивное право не справлялось с решением всех возникающих вопросов в области нравственности и морали. В таком случае на помощь приходили нормы обычного права – нормы адата (хабзэ) или нормы шариата.

Библиографический список

- Берже А. П.* Выселение горцев с Кавказа / А. П. Берже // Снег. – Пятигорск, 2011.
- Карлгоф Н.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря / Н. Карлгоф // Русский Вестник. – 1860. – № 16. – С. 517–550.
- Лапинский Т. (Теффик-бей).* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Т. Лапинский (Теффик-бей) ; пер. с англ. яз. Г. К. Гарданова. – Нальчик : Эль-Фа, 1995.
- Леонтович Ф.* Адаты кавказских горцев / Ф. Леонтович // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1882. – Вып. 1.
- Люлье Л. Я.* Черкесия : историко-этнографические статьи / Л. Я. Люлье. – Краснодар, 1927.
- Люлье Л. Я.* Учреждения и народные обычаи Шапсугов и Натухайцев / Л. Я. Люлье // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. – 1866. – Кн. VII.

Нефляшева Н. К истории Ислама у адыгов (черкесов) на Северо-Западном Кавказе / Н. Нефляшева // Археология и этнология Северного Кавказа. – 2019. – № 9.

Покровский М. В. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40–60-е годы XIX в. / М. В. Покровский // Вопросы истории. – 1957.

Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа / К. Ф. Сталь // Кавказский сборник. – Тифлис, 1900. – Т. 21.

Хан-Гирей. Записки о Черкесии / Хан-Гирей. – Нальчик, 1973.

References

Berge A. P. Eviction of mountaineers from the Caucasus / A. P. Berge // Snow. – Pyatigorsk, 2011.

Karlhof N. On the political structure of Circassian tribes inhabiting the north-eastern shore of the Black Sea / N. Karlgof // Russian Bulletin. – 1860. – No. 16. – Pp. 517–550.

Lapinsky T. (Teffik Bey). The Mountaineers of the Caucasus and their liberation struggle against the Russians / T. Lapinsky (Teffik Bey) ; translated from English by G. K. Gardanov. – Nalchik : El-Fa, 1995.

Leontovich F. Adats of the Caucasian mountaineers / F. Leontovich // Materials on the customary law of the North and East Caucasus. – Odessa, 1882. – Issue 1.

Lyulye L. Ya. Circassia : historical and ethnographic articles / L. Ya. Lyulye. – Krasnodar, 1927.

Lyulye L. Ya. Institutions and folk customs of Shapsugs and Natukhaytsev / L. Ya. Lyulye // Notes of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society. – 1866. – Book VII.

Neflyasheva N. On the History of Islam among the Adygs (Circassians) in the North-West Caucasus / N. Neflyasheva // Archeology and Ethnology of the North Caucasus. – 2019. – No. 9.

Pokrovsky M. V. On the nature of the movement of the mountaineers of the Western Caucasus in the 40–60s of the XIX century / M. V. Pokrovsky // Questions of history. – 1957.

Stal K. F. Ethnographic essay of the Circassian people / K. F. Stal // Caucasian collection. – Tiflis, 1900. – Vol. 21.

Khan-Giray. Notes on Circassia / Khan-Girey. – Nalchik, 1973.

Для цитирования:

Баева А. В. Правовой плюрализм как характерная черта обычного права западных адыгов во второй половине XIX – начале XX века // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 103–111.

Recommended citation:

Baeva A. V. Legal pluralism as a characteristic feature of customary law of Western Adyghes in the second half of the 19th century – early 20th century // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 103–111.

Сведения об авторе

Баева Анастасия Валерьевна – аспирант кафедры теории и истории права и государства юридического факультета
E-mail: anast.baeva96@gmail.com

Information about author

Baeva Anastasiya Valeryevna – Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Law and State, Department of Law
E-mail: anast.baeva96@gmail.com

ШЭНЬЧЖЭНЬ КАК ТОЧКА ВОССОЕДИНЕНИЯ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ, ГОНКОНГА, МАКАО: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

П. А. Иллюк

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ*

Поступила в редакцию 16 ноября 2022 г.

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию историко-правовых основ вхождения Гонконга и Макао в состав Китайской Народной Республики. Автор обосновывает, что особая экономическая зона Шэньчжэнь была создана для интеграции с Гонконгом и Макао. Аргументируется, что в законодательстве данной особой зоны до 1997 г., года официального вхождения Гонконга в состав КНР, напрямую указывается, что данная особая зона создана для привлечения к сотрудничеству граждан Гонконга и Макао. Делается вывод, что особая зона Шэньчжэнь создана не только для оздоровления экономической ситуации Китайской Народной Республики в рамках принципа «одна страна – две системы», но также для привлечения ко взаимовыгодному сотрудничеству между КНР и гражданами из Гонконга и Макао путем создания и закрепления в нормативно-правовых актах выгодных условий осуществления предпринимательской деятельности на специально отведенной для этого территории и последующего вхождения в состав Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: деколонизация, право КНР, особые экономические зоны, китайское провинциальное законодательство, Шэньчжэнь, законодательство Шэньчжэня.

SHENZHEN AS A POINT OF REUNIFICATION OF MAINLAND CHINA, HONG KONG, MACAU: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

P. A. Ilyuk

*The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation*

Abstract: this article is devoted to the study of the historical and legal foundations for the entry of Hong Kong and Macau into the People's Republic of China. The author substantiates that the Shenzhen Special Economic Zone was created to integrate with Hong Kong and Macau. It is argued that the

legislation of this special zone until 1997, the year of Hong Kong's official entry into the PRC, directly states that this special zone was created to attract citizens of Hong Kong and Macau to cooperation. It is concluded that the Shenzhen Special Zone was created not only to improve the economic situation of the People's Republic of China within the framework of the "one country – two systems" principle, but also to attract mutually beneficial cooperation between the PRC and citizens from Hong Kong and Macau by creating and enshrining in the regulatory legal acts of favorable conditions for doing business in a territory specially designated for this and subsequent entry into the People's Republic of China.

Key words: decolonization, PRC law, special economic zones, Chinese provincial law, Shenzhen, Shenzhen law.

Введение

С начала становления Китайской Народной Республики правительство материкового Китая открыто планировало включить Гонконг и Макао в состав КНР. Параллельно КНР всеми силами стремилась значительно улучшить свое материальное положение, которое было в плачевном состоянии. Для решения экономических проблем было решено открыть особые экономические зоны. Первой такой зоной стал Шэньчжэнь, который помимо всего прочего стал точкой воссоединения КНР с Гонконгом и Макао, так как Шэньчжэнь находится на границе с Гонконгом и они во времена Китайской Империи были одной провинцией. В провинциальном китайском законодательстве Гуандун, в состав которого входит данная особая экономическая зона, жители указанных британских колоний открыто именовались соотечественниками, которым представились особые условия для развития предприятий в особой зоне, тем самым мотивируя их к сотрудничеству.

Основное исследование

Шэньчжэнь – первая китайская особая экономическая зона, эксперимент Китайской Народной Республики в области государственного устройства и экономики. В разных источниках встречается утверждение, что до 1979 г. это был простой рыбацкий поселок, жители которого занимались в основном добычей жемчуга. Однако этот город тесно связан с Гонконгом, так как и Гонконг и Шэньчжэнь входили в один округ Синьань¹, представляя собой с точки зрения государственного устройства единый элемент.

В результате проигрыша двух опиумных войн Китайской Империей округ Синьань попал под власть Великобритании. И в результате подписания Нанкинского договора Гонконг стал британской колонией, затем в 1860 г. в результате подписания Пекинской Конвенции Коулун перешел

¹ См.: *Da Wei David Wang. Urban Villages in the New China : Case of Shenzhen. P. 45.*

под владычество Великобритании², а в 1898 г. была подписана «Конвенция между Соединенным Королевством и Китаем о расширении территории Гонконга», в результате чего колония Гонконг была увеличена до границ Шэньчжэня, что позволило колонистам занять территории в пределах новых границ колонии (эта граница должна была просуществовать 99 лет, однако она продолжила существовать и после передачи Гонконга КНР в 1997 г.)³.

В 1899 г. британские колониальные власти Гонконга захватили Шэньчжэнь, так как рассчитывали на возможность включения Шэньчжэня в состав Гонконга, однако они вскоре заявили, что Англия не претендует на эту территорию⁴.

После образования Китайской Народной Республики колониальное правительство Гонконга предприняло ряд мер, направленных на усиление обороны Гонконга: 18 августа 1949 г. всех жителей колонии, кроме военнослужащих и детей до 12 лет, обязали зарегистрироваться и получить «вид на жительство». В мае 1950 г. колониальное правительство Гонконга закрыло границу с КНР, установив в районе Шэньчжэня контрольно-пропускной пункт⁵, так как Шэньчжэнь находится на границе с Гонконгом. Поэтому создание особой экономической зоны именно в Шэньчжэне подчеркнуло политическую и экономическую важность той зоны – точки, с которой начнется будущее включение Гонконга в состав КНР.

Чтобы заинтересовать Гонконг сотрудничеством с последующим вхождением в состав КНР, Шэньчжэнь предоставил гонконгским промышленникам, испытывающим нехватку земли, новые помещения и дешевую рабочую силу, которой им не хватало для осуществления предпринимательской деятельности. Предлагая долгосрочную аренду, Шэньчжэнь также стремился захватить избыточный капитал Гонконга, основываясь на том, что Шэньчжэнь является родиной для более чем 100 000 китайцев в Гонконге, Макао и китайских эмигрантов, проживающих в других странах⁶.

Не стоит сбрасывать со счетов и сложившиеся торговые связи между КНР и Гонконгом через Шэньчжэнь: с 1950-х гг. КНР поставлял Гонконгу нефть и прочие ресурсы по относительно низкой цене, тем самым увеличив благосостояние Гонконга, а в период с 1960-х по 1980-е гг. китайский

² См.: Treaties, conventions, etc., between China and foreign states. 2d ed. Published by order of the Inspector General of Customs.

³ См.: *Da Wei David Wang*. Op. cit. P. 46.

⁴ См.: *Иванов П. М.* Гонконг : история и современность. М., 1990. С. 18.

⁵ См.: Там же. С. 184.

⁶ См.: *Lai Har Rebecca Chiu*. Modernization in China: the experiment of shenzhen special economic zone 1979–1984 : a thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Canberra, 1986. P. 30–31.

экспорт в Гонконг увеличился почти в двадцать раз⁷. К тому же, по мнению А. С. Манежева, приморские районы далеки и такое расположение поможет «избежать негативных последствий экономической политики»⁸.

Еще в 1950-х гг. в правительстве КНР осознавали, что в Китае будут существовать как административно-командный сектор экономики, так и рыночный. Вместе с тем в 1950-е гг. был завершён перевод капиталистической промышленности и торговли на смешанное государственно-частное управление⁹. В 1956 г. на VIII Всекитайском съезде КПК первый премьер-министр Госсовета КНР Чжоу Эньлай в своем докладе «О предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства», сделанном им от имени ЦК КПК, заявил, что в целях удовлетворения потребностей населения «в плановом порядке будет организован известный свободный рынок; в определённых рамках будет допущено самостоятельное производство и самостоятельный сбыт продукции; будут внедряться методы выборочных закупок некоторых промышленных товаров широкого потребления и установления цен на все товары в зависимости от их качества и сорта. Эти мероприятия не только не подорвут государственный единый рынок, а, напротив, сыграют для него полезную вспомогательную роль»¹⁰. Это были первые предпосылки для создания особой экономической зоны.

Еще одним толчком к созданию особой экономической зоны в Шэньчжэне и последующему воссоединению Гонконга и Макао стало провозглашение принципа «одна страна – две системы», который рассматривался с 1970-х гг. и был первоначально предложен для решения вопроса о Тайване, но был впервые применен для решения вопроса о Гонконге. В 1977 г. на Третьем пленарном заседании XI Съезда Центрального комитета КПК, состоявшемся в Пекине 18 декабря 1978 г., были предложены три важные цели: установление мира во всем мире, достижение национального воссоединения и ускорение модернизации в ряде областей: промышленности, сельском хозяйстве, научной сфере. Вопросы воссоединения с Гонконгом и Макао были также включены в повестку дня.

В апреле 1978 г. центральное правительство направило делегацию в Гонконг и Макао для изучения экономической ситуации; после этого делегация представила «Отчет об обследовании экономики Гонконга и Макао» и внесла предложение о том, чтобы провинции Гуандун и Фуцзянь приобрели статус экспортных баз и постепенно преобразовались в про-

⁷ См.: Sklair L. Shenzhen : A Chinese 'Development Zone' in Global Perspective. P. 578. URL: https://www.researchgate.net/publication/229584323_Shenzhen_A_Chinese_Development_Zone_in_Global_Perspective

⁸ Манежев С. А. Иностранный капитал в экономике КНР : монография. М., 1990. С. 153.

⁹ См.: Сюэ Му-цяо. Плановое хозяйство и закон стоимости. С. 88.

¹⁰ Ван Сы-хуа. О высоких темпах социалистической индустриализации в Китайской Народной Республике. М., 1958. С. 157.

изводственные и туристические зоны, в первую очередь, для туристов из Гонконга и Макао¹¹. В июле 1979 г. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет совместно издали «Документ № 50», который предусматривал выделение определенных районов в Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу из провинции Гуандун и Сямынь провинции Фуцзянь для создания специальных зон как «особой формы привлечения иностранных инвестиций»¹².

26 августа 1980 г. вступило в силу Положение об особых экономических зонах провинции Гуандун, в котором в ст. 1 указано, что особые зоны Шэньчжэнь, Чжухай и Шаньтоу существуют не только для сотрудничества с другими государствами, но и для привлечения к сотрудничеству «китайцев, проживающих за рубежом, и соотечественников из Гонконга и Макао», к открытию предприятий в особых зонах¹³. Уже в этом законодательном акте мы можем видеть, что КНР разделяет потенциальных инвесторов на просто иностранцев, на иностранцев-китайцев, а жителей Гонконга и Макао в указанном Положении выделили в категорию «соотечественников».

19 декабря 1984 г. была подписана и 27 мая 1985 г. вступила в силу Объединённая китайско-британская декларация по вопросу передачи Гонконга. В соответствии со ст. 1 данной декларации Гонконг становится частью территории Китайской Народной Республики.

К моменту вступления в силу данной Декларации 23 января вступило в силу Положение об управлении товарной недвижимостью в особой экономической зоне Шэньчжэнь, на основании которого муниципальное народное правительство Шэньчжэня предоставляет льготный режим для управления недвижимостью и осуществления предпринимательской деятельности иностранным гражданам, иностранным китайцам, соотечественникам из Гонконга и Макао, а также соотечественникам из Тайваня¹⁴.

Далее 7 февраля вступило в силу Положение о внешнеэкономических контрактах в особой экономической зоне Шэньчжэнь. В соответствии со ст. 39 данное Положение применяется к экономическим контрактам, подписанным зарубежными китайцами, соотечественниками в Гонконге и

¹¹ См.: Yiming Yuan. Studies on China's Special Economic Zones. P. 24. URL: https://www.researchgate.net/publication/321529779_Studies_on_China's_Special_Economic_Zones

¹² Zheng Henry R. Law And Policy Of China's Special Economic Zones And Coastal Cities // NYLS Journal of International and Comparative Law. Vol. 8, No. 2. Art. 2. URL: https://digitalcommons.nyls.edu/journal_of_international_and_comparative_law/vol8/iss2/2, P. 197

¹³ См.: Положение об особых экономических зонах провинции Гуандун от 26 августа 1980 г, ст. 1 / 广东省经济特区条例 (1980年4月15日广东省第五届人民代表大会常务委员会第三次会议通过)

¹⁴ См.: Положение об управлении товарной недвижимостью в Особой экономической зоне Шэньчжэня от 23 января 1984 г., ст. 3 / 深圳经济特区商品房产管理规定 (一九八三年十一月十五日广东省第六届人大常委会第四次 会议通过, 一九八四年一月二十三日广东省人民政府公布)

Макао, соотечественниками на Тайване или их компаниями или предприятиями со сторонами в Шэньчжэне¹⁵.

В Решении Городского комитета Шэньчжэня Коммунистической партии Китая и Городского народного правительства Шэньчжэня об укреплении науки и техники от 1 января 1986 г. еще раз подчеркивается, что «особая экономическая зона Шэньчжэня примыкает к Гонконгу и Макао»¹⁶.

Однако стоит отметить, что вместе с тем правительство КНР при воссоединении с территориями Гонконга и Макао проявляло некоторую долю осторожности: например, в ст. 8 «Временных мер по управлению Постоянными представительствами иностранных предприятий в специальной экономической зоне Шэньчжэня» сотрудники иностранного предприятия из Гонконга, Макао и Тайваня должны подать заявление на получение разрешения на трудоустройство, а затем подать заявление на получение вида на жительство в бюро общественной безопасности Шэньчжэня¹⁷.

В Уведомлении Шэньчжэньского муниципального комитета Коммунистической партии Китая и Шэньчжэньского муниципального народного правительства о выпуске «Ключевых моментов работы Шэньчжэня в 1996 году» указано, что у Шэньчжэня имеются роли «окна» и «полигона» для реформы экономической системы, а также роль содействия процветанию и стабильности Гонконга. В статье 1 Уведомления указано, что Шэньчжэнь должен стремиться к тому, чтобы больше предпринимателей из Гонконга, Макао и Тайваня инвестировали в Шэньчжэнь, а в ст. 7 сказано, что Шэньчжэню необходимо укреплять связи с демократическими партиями, беспартийными гражданами и патриотами Гонконга, Макао и Тайваня¹⁸.

Выводы

Таким образом, мы можем видеть, что Шэньчжэнь стал точкой воссоединения КНР и деколонизированных территорий на основе террито-

¹⁵ См.: Положение о внешнеэкономических контрактах в Особой экономической зоне Шэньчжэня от 7 февраля 1984 г., ст. 39 / 深圳经济特区涉外经济合同规定 (一九八四年一月十一日广东省第六届人民代表大会常务委员会批准, 一九八四年二月七日广东省人民政府公布)

¹⁶ Решение Городского комитета Шэньчжэня Коммунистической партии Китая и Городского народного правительства Шэньчжэня об укреплении науки и техники от 1 января 1986 г. / 中共深圳市委、深圳市人民政府关于 强科技工作的决定, 1986-01-01

¹⁷ См.: Временные меры по управлению Постоянными представительствами иностранных предприятий в Специальной экономической зоне Шэньчжэня от 29 января 1994, ст. 8 / 深圳经济特区外国企业常驻代表机构管理暂行规定 (深圳市人民政府 1994年10月17日 发布, 1994年1月29日修订发布)

¹⁸ См.: Уведомление Шэньчжэньского муниципального комитета Коммунистической партии Китая и Шэньчжэньского муниципального народного правительства о выпуске «Ключевых моментов работы Шэньчжэня в 1996 году». О роли у Шэньчжэня «окна» и «полигона» для реформы экономической системы, а также роли содействия процветанию и стабильности Гонконга от 27 января 1996 г., ст. 1, ст. 7 / 中共深圳市委、深圳市人民政府关于印发《深圳市一九九六年工作要点》的通知 (深发(1996)5号一九九六年二月二十七日)

риальной близости с Гонконгу а также в результате правовой политики КНР, которая заключалась в том, что на нормативно-правовом уровне указывались задачи Шэньчжэня по предоставлению соотечественникам из Гонконга и Макао выгодных условий осуществления предпринимательской деятельности на материке и последующему вхождению в состав Китайской Народной Республики.

Библиографический список

Ван Сы-хуа. О высоких темпах социалистической индустриализации в Китайской Народной Республике / Сы-хуа Ван // Проблемы развития экономики Китайской Народной Республики : сб. статей. – М. : Госполитиздат, 1958. – 535 с.

Иванов П. М. Гонконг : история и современность / П. М. Иванов. – М. : Наука, 1990. – 277.

Манежев С. А. Иностранный капитал в экономике КНР : монография / С. А. Манежев. – М. : Наука, 1990. – 271 с.

Сюэ Му-цяо. Плановое хозяйство и закон стоимости / Му-цяо Сюэ.

Da Wei David Wang. Urban Villages in the New China : Case of Shenzhen : 2017 / David Wang Da Wei. – 1st ed. – 2016. October, 29. – 216 p.

Henry R. Zheng. Law and Policy of China's Special Economic Zones and Coastal Cities / Zheng Henry R. // New York Law School Journal of International and Comparative Law. 1987. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 193–296. – URL: https://digitalcommons.nyls.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1247&context=journal_of_international_and_comparative_law (date of application: 08.22.2022).

Lai Har Rebecca Chiu. Modernization in China : The Experiment Of Shenzhen Special Economic Zone 1979–1984 : A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy / Rebecca Chiu Lai Har. – Canberra. – 233 p. – URL: <https://openresearch-repository.anu.edu.au/handle/1885/118452>

Sklair L. Shenzhen : A Chinese 'Development Zone' in Global Perspective / L. Sklair – URL: https://www.researchgate.net/publication/229584323_Shenzhen_A_Chinese_Development_Zone_in_Global_Perspective

Yiming Yuan. Studies on China's Special Economic Zones / Yuan Yiming. – URL: https://www.researchgate.net/publication/321529779_Studies_on_China's_Special_Economic_Zones

References

Ivanov P. M. Hong Kong : History and Modernity / P. M. Ivanov. – М. : Nauka, 1990. – 277 p.

Manezhev S. A. Foreign capital in the economy of the People's Republic of China : monograph / S. A. Manezhev. – М. : Nauka, 1990. – 271 p.

Wang Si-hua. On the high rates of socialist industrialization in the People's Republic of China / Si-hua Wang // Problems of economic development of the People's Republic of China : collected articles. – М. : Gospolitizdat, 1958. – 535 p.

Da Wei David Wang. Urban Villages in the New China : Case of Shenzhen : 2017 / David Wang Da Wei. – 1st ed. – 2016. October, 29. – 216 p. (in Engl.)

Henry R. Zheng. Law and Policy of China's Special Economic Zones and Coastal Cities / Zheng Henry R. // New York Law School Journal of International and Compa-

rative Law. 1987. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 193–296. – URL: https://digitalcommons.nyls.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1247&context=journal_of_international_and_comparative_law (date of application: 08.22.2022). (in Engl.)

Lai Har Rebecca Chiu. Modernization in China : The Experiment Of Shenzhen Special Economic Zone 1979–1984 : A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy / Rebecca Chiu Lai Har. – Canberra, 1986. – 233 p. – URL: <https://openresearch-repository.anu.edu.au/handle/1885/118452> (in Engl.)

Sklair L. Shenzhen : A Chinese 'Development Zone' in Global Perspective / L. Sklair. – URL: https://www.researchgate.net/publication/229584323_Shenzhen_A_Chinese_Development_Zone_in_Global_Perspective (in Engl.)

Xue Mu-qiao. Planned economy and the Law of Value / Mu-qiao Xue. (in Engl.)

Yiming Yuan. Studies on China's Special Economic Zones / Yuan Yiming. – URL: https://www.researchgate.net/publication/321529779_Studies_on_China's_Special_Economic_Zones (in Engl.)

Для цитирования:

Иллюк П. А. Шэньчжэнь как точка воссоединения материкового Китая, Гонконга, Макао: историко-правовой анализ // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 112–119.

Recommended citation:

Illyuk P. A. Shenzhen as a point of reunification of mainland China, Hong Kong, Macau: historical and legal analysis // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 112–119.

Сведения об авторе

Иллюк Полина Алексеевна – аспирант кафедры государственного управления, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: illyukp@yandex.ru

Information about author

Illyuk Polina Alekseevna – Post-graduate Student of the Department of State Studies, General Legal and Social and Humanitarian Disciplines

E-mail: illyukp@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА «ЗАКОН» В КОНТЕКСТЕ ПРЕЗУМПЦИИ ЗНАНИЯ ЗАКОНА

Д. А. Зубрик

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Поступила в редакцию 11 июля 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется термин «закон» в презумпции знания закона. Рассматриваются различные подходы к пониманию данного термина. Определяются пределы действия презумпции знания закона. Приводятся выводы относительно толкования термина «закон».

Ключевые слова: закон, презумпция знания закона, норма права, толкование, правовой акт, официальное опубликование, государственная власть.

THE MEANING OF THE TERM “LAW” IN THE CONTEXT OF THE PRESUMPTION OF KNOWLEDGE OF THE LAW

D. A. Zubrik

Yanka Kupala State University

Abstract: the article is analyzed the term “law” in the presumption of knowledge of the law. Various approaches to understanding of this term are considered. The limits of the effect of the presumption of knowledge of the law on legal acts are determined. Conclusions are given regarding the interpretation of the term “law”.

Key words: law, the presumption of knowledge of the law, rule of law, interpretation, legal act, official publication, government.

В содержании презумпции знания закона закладывается, что лицо всегда знает закон, пока не будет доказано обратное. Однако при толковании данной презумпции возникает проблема касательно того, что именно понимается под законом. Из этого следует вопрос: в презумпции знания закона термин «закон» необходимо понимать как один из видов нормативных правовых актов или могут также использоваться иные правовые акты? В данном научном исследовании мы рассмотрим различные подходы к пониманию данной проблематики.

В римской юриспруденции слово “lex” (закон) характеризовалось как акт, который исходит от органов политической публичной власти. Бо-

лее того, те правовые акты, которые исходили от органов государственной власти, публично провозглашались и приобретали общеобязательное значение. Из этого следует, что термин “lex” можно перевести как публичное обязывание¹.

В своей работе Н. В. Сильченко определял, что современное понимание закона как акта верховной государственной власти возникло из-за длительной эволюции правовых систем, развития философских и политико-правовых идей. К примеру, романо-германская правовая система сохранила в основе первоначальное понимание закона как акта государственной власти. Однако, если говорить про правовую систему Русского государства, то термин «закон» использовался в качестве обозначения как актов государственной власти, так и имевших общеобязательное значение местных обычаев и традиций².

Также закон можно определять как с формальной, так и с материальной точек зрения. С формальной точки зрения, закон понимается как всякое определение, исходящее от органа, выражающего суверенную волю коллективности, образующей основу государства³. Иными словами, закон – система правил поведения, предписанная государством и регулирующая конкретные правоотношения.

Если говорить о законе с материальной точки зрения, то здесь идет речь об акте, который является законом по своей сути, независимо от государственного органа, издавшего его⁴. В данном случае мы можем говорить о конкретном правовом акте с систематизированными нормами права, регулирующими установленные правоотношения. Закон как нормативный правовой акт должен содержать в себе следующие признаки: 1) обладать высшей юридической силой; 2) быть принятым в установленном порядке высшим законодательным органом; 3) носить первичный характер, т.е. исходить от представительных органов, соответственно, выражать волю народа; 4) отражать наиболее важные общественные отношения.

Следует отметить, что в Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-3 (далее – Закон) определяется, что закон – это нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений⁵.

Необходимо указать, что закон также выступает как общее предписание. Это объясняется тем, что в законе содержится предписание, ко-

¹ См.: Сильченко Н. В. Закон : этимология слова и генезис понятия // Право и демократия. Минск, 1992. Вып. 5. С. 9–15.

² См.: Там же.

³ См.: Дюжи Л. Конституционное право. Общая теория. М., 1908. С. 957.

⁴ См.: Там же.

⁵ О нормативных правовых актах : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2022.

торое не исчезает после применения, а распространяется на все возникающие случаи, пока этот закон не будет отменен. Более того, предписание является общим даже и тогда, когда применялось единожды⁶. По нашему мнению, такая позиция вполне обоснована. Однако необходимо понимать, что текст закона достаточно формализован, соответственно, распространяет свое действие только на те общественные отношения, которые были описаны.

Следует отметить, что в Законе предусмотрены ненормативные правовые акты, локальные акты и технические нормативные правовые акты (далее – ТНПА). Ненормативные правовые акты являются официальными документами, принятыми уполномоченными органами, и не содержат в себе норм права. Из этого следует вопрос: распространяет ли свое действие презумпция знания закона на такой вид правового акта? Да, распространяет. Несмотря на то, что ненормативный правовой акт не содержит в себе норм права, однако он устанавливает обязательные предписания в целях применения действующих норм права. Соответственно, незнание текста такого правового акта не освобождает от мер государственного принуждения, в случае несоблюдения указанных предписаний.

Что касается локальных актов, то здесь подразумевается официальный документ, принятый нормотворческим органом, в котором определяются обязательные для исполнения правила организации внутренней деятельности данного органа и его территориальных органов. Локальные акты также попадают под действие презумпции знания закона, так как устанавливают обязательные для исполнения правила поведения.

Если говорить о ТНПА, то здесь имеются в виду государственные и межгосударственные стандарты, государственные технические классификаторы и отраслевые стандарты, утвержденные законодательством Республики Беларусь, и иные акты, регламентирующие техническое нормирование. В ТНПА указываются требования, следовательно, они подлежат обязательному выполнению. Из этого следует, что должностное лицо, в чьи обязанности входит соблюдение требований ТНПА, подлежит ответственности в случае неисполнения предписанных положений, т.е. попадает под действие презумпции знания закона.

Необходимо отметить, что в содержании презумпции знания закона заложено, что лицо знает не конкретный закон, а совокупность норм права. Более того, нормы права устанавливаются и охраняются государством. В данном случае речь идет о праве как о регуляторе общественных отношений. Из этого следует вопрос: можем ли мы при толковании презумпции знания закона отождествлять термины «закон» и «право»?

Право характеризуется как совокупность правил поведения, исходящих от государства или поддерживаемых им в качестве средства реше-

⁶ См.: Дюги Л. Указ. соч.

ния юридических дел⁷. Закон – принимаемый в особом порядке и обладающий высшей юридической силой нормативный правовой акт, выражающий государственную волю по ключевым вопросам регулирования общественной и государственной жизни⁸. Из вышеприведенных терминов можно понять, что понятие «право» гораздо шире понятия «закон». Это объясняется тем, что право формируется за счет источников права, а именно: правовой обычай, юридический прецедент, нормативный акт и нормативный договор. В то же время закон является одним из видов нормативного акта. То есть, понятия «право» и «закон» не тождественны, но при этом неразрывно связаны друг с другом.

Но можем ли мы отождествлять данные термины при толковании презумпции знания закона в отношении общего субъекта права? Нет, не можем. Такое положение можно объяснить тем, что общему субъекту права не нужно знать всю систему норм права, а лишь те, которые затрагивают основные права и обязанности.

Но можем ли мы использовать замещение терминов при применении презумпции знания закона в отношении специального субъекта? Опять нет. Это обосновано тем, что основным источником права в Республике Беларусь является нормативный акт, который, соответственно, специальный субъект должен знать. Несмотря на то, что остальные источники права носят рекомендательный характер, специальный субъект должен владеть необходимой информацией, однако незнание правового обычая, юридического прецедента или нормативного договора не влечет за собой негативные последствия.

Кроме того, право как регулятор общественных отношений по своей сущности абстрактно и не имеет никакого нормативного закрепления. В то же время в законе отражаются основные права и обязанности граждан, за нарушение которых возлагается ответственность.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что при толковании презумпции знания закона заменять термин «закон» на «право» не представляется возможным, так как право отражает систему установленных правил поведения, а закон непосредственно их регламентирует.

Необходимо отметить, что презумпция знания закона может иметь место только в том случае, если государство в полной мере обеспечило возможность знать законы. В данном случае речь идет о должном опубликовании законов. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь» (далее – Декрет) официальным опубликованием правовых актов, включаемых в

⁷ См.: Теория права и государства : учебник для юридических вузов / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. 432 с.

⁸ См.: Там же.

Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, является доведение этих правовых актов до всеобщего сведения путем размещения их текстов в полном соответствии с подписанными подлинниками на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь⁹. Из этого следует, что закон, опубликованный должным образом, был доведен до населения, и законодатель считает, что граждане ознакомились в полной мере с нормативным актом.

Более того, в Декрете предусмотрены неофициальные источники опубликования. Сюда относят: 1) газета «СБ. Беларусь сегодня»; 2) газета «Звязда»; 3) газета «Народная газета»; 4) газета «Рэспубліка»; 5) иные печатные периодические издания, определяемые законодательством¹⁰. Однако, так как данные периодические издания являются неофициальными источниками опубликования, то ссылаться на то, что до населения был доведен закон в полной мере, не представляется возможным. Неофициальные источники опубликования могут служить исключительно средством донесения до населения информации о существовании конкретного закона, ссылкой на официальный источник опубликования, т.е. ссылкой на Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь.

Следует указать, что под действие презумпции знания закона не попадают те нормативные акты, которые не были опубликованы в соответствии с действующим законодательством. Это объясняется тем, что закон, который не был должным образом опубликован, не может донести до населения в полной мере те нормы права, которые были отражены в принятом законе.

Более того, презумпция знания закона не распространяется на те нормативные правовые акты, которые не были приняты установленным образом или были отменены иным принятым актом, так как они не обладают юридической силой, соответственно, нарушение таких актов не влечет за собой негативные последствия.

Таким образом, можно сделать вывод, что термин «закон» может определяться, как, с одной стороны, нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой, так и, с другой стороны, иной правовой акт, в котором содержится общеобязательное предписание.

Библиографический список

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория / Л. Дюги. – М., 1908.

Сильченко Н. В. Закон : этимология слова и генезис понятия / Н. В. Сильченко // Право и демократия. – Минск : Университетское, 1992. – Вып. 5. – С. 9–15.

⁹ О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февраля 2012 г., № 3 (в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21.05.2020) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2022.

¹⁰ Там же.

Теория права и государства : учебник для юридических вузов / под ред. В. В. Лазарева. – М. : Новый Юрист, 1997. – 432 с.

О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 24 февраля 2012 г., № 3 (в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21.05.2020) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2022.

О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Минск, 2022.

References

Dugi L. Constitutional Law. General theory / L. Dugi. – M., 1908.

Silchenko N. V. Law : etymology of the word and the genesis of the concept / N. V. Silchenko // Law and democracy. – Minsk : Universitetskoe, 1992. – Issue 5. – Pp. 9–15.

Theory of law and the state : textbook for law schools / edited by V. V. Lazarev. – M. : Novy Yurist, 1997. – 432 p.

On some issues of publication and entry into force of legal acts of the Republic of Belarus [Electronic resource] : Decree of the President of the Republic of Belarus. Belarus, February 24, 2012, No. 3 (ed. Decree of the President of the Rep. Belarus from 21.05.2020) // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus. – Minsk, 2022.

On regulatory legal acts [Electronic resource] : Law Rep. Belarus No. 130-Z dated July 17, 2018 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus. – Minsk, 2022.

Для цитирования:

Зубрик Д. А. Значение термина «закон» в контексте презумпции знания закона // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 120–125.

Recommended citation:

Zubrik D. A. The meaning of the term "law" in the context of the presumption of knowledge of the law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 120–125.

Сведения об авторе

Зубрик Диана Антоновна – магистрант, преподаватель-стажер кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Гродненского университета им. Янки Купалы

E-mail: dianazubrik@mail.ru

Information about author

Zubrik Diana Antonovna – Master Student, Trainee Lector of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of the Grodno University named after Yanka Kupala

E-mail: dianazubrik@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

ОБЗОР ЮБИЛЕЙНОЙ ОСЕННЕЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ПРАВА», ПОСВЯЩЕННОЙ 60-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (25 ноября – 16 декабря 2022 года)

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 декабря 2022 г.

Аннотация: в обзоре представлено описание мероприятий, включенных в Юбилейную осеннюю научную сессию, посвященную 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета (25 ноября – 16 декабря 2022 года), а также тезисы докладов участников состоявшихся в рамках Юбилейной научной сессии конференций.

Ключевые слова: юридическая антропология, китайское правосознание, памятники права, правовые традиции, восточная традиция права, западная традиция права, история права.

THE REVIEW OF THE ANNIVERSARY AUTUMN SCIENTIFIC SESSION “CULTURAL AND HISTORICAL TRADITIONS OF LAW”, DEDICATED TO THE 60th ANNIVERSARY OF THE FOUNDING OF THE CHAMBER OF THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW OF VORONEZH STATE UNIVERSITY (November 25 – December 16, 2022)

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the review includes the description of the events within the framework of the Anniversary Scientific Session, dedicated to the 60th

© Малиновская Н. В., 2023

anniversary of the founding of the Chamber of Theory and History of State and Law of Voronezh State University (November 25 – December 16, 2022), and the proceedings of the participants of the conferences included into the Anniversary Scientific Session.

Key words: legal anthropology, Chinese legal consciousness, monuments of law, legal traditions, Eastern legal tradition, Western legal tradition, history of law.

Юбилейная научная сессия, состоявшаяся на юридическом факультете Воронежского государственного университета 25 ноября – 16 декабря 2022 г., была посвящена **60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета**.

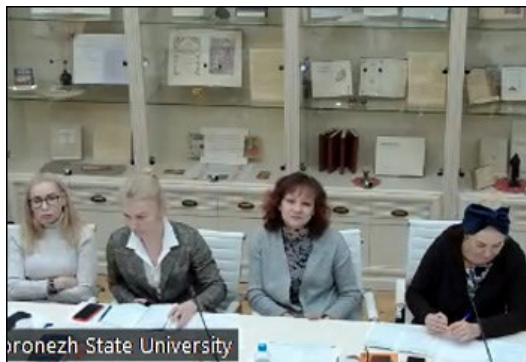
В рамках Юбилейной научной сессии состоялось несколько научных мероприятий различного формата и состава участников:

- Международная междисциплинарная научно-практическая конференция «Достижения и проблемы юридической антропологии» (25 ноября 2022 г.);
- Межвузовский круглый стол магистрантов, аспирантов и соискателей «Источники права: эволюция и современное состояние» (9 декабря 2022 г.);
- Мастер-класс «Культурологические особенности китайского правосознания» (13 декабря 2022 г.);
- Межвузовский конкурс научных работ студентов-бакалавров и специалистов «Цивилизационные исследования государственности: история и современность»;
- Вторая международная научная междисциплинарная конференция памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: правовые традиции Востока и Запада» (16 декабря 2022 г.).

Юбилейная научная сессия была открыта 25 ноября 2022 г. **Международной междисциплинарной научно-практической конференцией «Достижения и проблемы юридической антропологии»**, проведенной на базе дискуссионной площадки Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ в смешанном – офлайн- и онлайн-формате.

Работу конференции открыла руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**, рассказав об истории кафедры и основных направлениях ее деятельности в настоящее время, одним из которых является проведение антропологических правовых исследований. Модератором конференции выступила доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент Наталья Владимировна Малиновская.

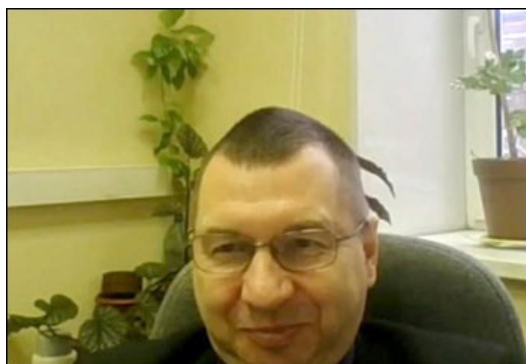
Международный формат конференции объединил ученых из шести стран – России, Беларуси, Таджикистана, Китая, Вьетнама и Эквадора.

Российское юридическое сообщество было представлено учеными из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Улан-Удэ, Екатеринбурга, Иваново, Белгорода, Рязани, Самары, Нижнего Новгорода, Курска, Вологды.

Первым на пленарном заседании был доклад доктора юридических наук, профессора,

главного научного сотрудника отдела теории права и междисциплинарных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженного работника высшей школы РФ **Дмитрия Алексеевича Пашенцева**, который подчеркнул, что

следует различать антропологию права и антропологический подход к праву. Значимость последнего в юридической науке обусловлена современным переходом к неклассической научной рациональности, одной из составляющих которой является «антропологический поворот». Процесс конструирования правовой реальности про-

исходит в три этапа: создание знаковой формы, осознание этой формы участниками общественных отношений и трансформация правового регулирования в повседневное массовое поведение общества. Наиболее важным является именно последний этап, однако при принятии законов данный аспект часто забывается. Результатом является отсутствие должной регулятивной эффективности нормативного правового акта. В современной юридической науке акценты с необходимостью должны смещаться с изучения форм права на правосознание и правовое поведение. Следует выявлять причины соответствующего поведения и способы влияния на правосознание в целях достижения желаемого правового результата.

В истории государства и права достаточно подробно изучена нормативная основа, но реальное правовое поведение в конкретный исторический период в основном остается неизученным. Поэтому одной из

главных задач современной историко-правовой науки должно являться изучение правосознания и правового поведения «homo juridicus» в определенную историческую эпоху. Именно в этом случае будет возможно реконструировать реальную правовую жизнь, которая в значительной степени отличалась от действующих в тот исторический момент памятников права, на которых традиционно юридическая наука делает основной акцент. В связи с этим необходимо развивать историко-антропологическую концепцию права, которая должна соединить две теории – идеи немецкой исторической школы права о значимости традиций и «народном духе» и положения современного антропоцентризма в рамках социологических правовых исследований, представленные в научных трудах И. Л. Честнова и В. И. Павлова. Центральным объектом исследований для современной юридической науки должен стать именно человек, его правосознание и правовое поведение. Только так можно будет в полной мере анализировать правовую жизнь и создавать эффективное законодательство.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **Владислав Владимирович Архипов** в своем докладе затронул интересную проблематику игрового поворота в юридических исследованиях.

Он подчеркнул, что петербургская школа теории права давно занимается изучением типов научной рациональности. При этом особое внимание уделяется языковому повороту в юридической науке. В то же время, несмотря на активное развитие, в том числе аналитической юриспруденции, языковой и игровой повороты, определившие методологию многих наук на годы вперед, в российской юридической науке еще только начинают включаться в правовые исследования. Отечественная правовая культура стремится вытеснить игровые аспекты научного дискурса, что объясняется, с одной стороны, недостаточной научностью (несерьезностью) тематики, а, с другой – несвоевременностью такой постановки вопроса. В то же время в ракурсе антропологического подхода стремление к игре является одним из свойств человеческой природы. И, если рассматривать игровой поворот сквозь призму осознания и эксплицирования представления о каком-либо фундаментальном факторе, влияющем на наше представление о мире, то он, безусловно, является главным фактором, определяющим дискурс

XX столетия. Право и игру объединяют сразу два важных момента: они основаны на формальных правилах и существуют постольку, поскольку их участники соглашаются эти правила соблюдать. В противном случае игра разрушается, а правовая система находится в критическом состоянии. Эти идеи поддерживаются, в частности, социологическими правовыми исследованиями. Игровой поворот плавно перетекает в медиальный поворот, поскольку новые виды игр возникают в контексте информационно-телекоммуникационных технологий. Медиальный поворот, в свою очередь, подразумевает зависимость не только от языка и коммуникации, но и от средств воспроизводства и распространения информации. Представления о человеке, представления человека о самом себе конструируются исходя из образов, которые мы постигаем из артефактов медиареальности. Наше восприятие опосредовано, и в настоящее время происходит отчуждение людей друг от друга, чему способствуют, в том числе, коммуникация и восприятие образов через медиатехнологии. Отсюда – два парадоксальных момента. С одной стороны, в современном мире медиа формирует образ человека, но значительной частью медиа является, в широком смысле, элемент игры.

Медиальный поворот в совокупности с игровым поворотом порождают серьезный вызов нашей современности – контекст «постправды», распространения недостоверной информации под видом достоверной, в том числе в связи с использованием технологий искусственного интеллекта и формированием «дипфейков».

При этом возникает острый дискуссионный момент: если право в настоящее время рассматривается как коммуникация, а последняя в условиях «постправды» бывает недостоверной, то как в таком случае возможно право вообще?

Антропологическое измерение предполагает внимание к играм как элементу культуры в самом широком смысле и задает три возможных направления развития правовых исследований:

– аналогия права и игры, имеющая серьезное эпистемологическое значение;

– рассмотрение, в том числе в историческом контексте, вопроса о том, что определяет значение исхода игры для реальных правоотношений, которые внутри игры не находятся;

– различие игры и сферы «серьезного» как юридически значимого в контексте влияния игровой сферы на конкретные правовые отношения.

Доклад главного научного сотрудника центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктора юридических наук, профессора **Олега Анатольевича Степанова** продолжил антропологическую тематику конференции с позиций цифрового ракурса современной эпохи. О. А. Степанов подчеркнул,

что, исследуя процессы юридизации бытия человека, юридическая антропология в условиях современности не может не учитывать достижения современных цифровых технологий, являющихся неотъемлемой частью современной жизни. Поскольку объем произведенной человеком информации к настоящему времени является колос-

сальным и значительная ее часть сейчас создается в электронной форме, то при ее анализе и учете необходимым и эффективным будет использование искусственного интеллекта. В то же время роль последнего оценивается неоднозначно, в том числе в качестве потенциальной угрозы человеческому обществу. Возникают вопросы о возможности автономии разума искусственного интеллекта, которые, по мнению О. А. Степанова, также должны становиться предметом антропологических правовых исследований, формируя новое направление этики. Одними из возникающих проблем при этом становятся потенциальная утрата приватности человеческой жизни и вероятность постановки ее под контроль искусственного интеллекта, а также переориентирование финансовой политики государства на соображения исключительной целесообразности и выгоды.

Одним из центральных проблематических докладов на конференции стал доклад о базовых элементах права в антрополого-правовой концепции докторанта Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, кандидата юридических наук, доцента **Вадима Ивановича Павлова**. Он подчеркнул, что в условиях современной реальности юридическая антропология рассматривается, главным образом, в двух ракурсах: 1) как юридическая этнология, занимающаяся исследованием правовых культур и традиций различных народов, концептуализированная в XX в. французским ученым Норбером Руланом, и 2) как теоретико-методологическое направление, т.е. некоторые эпистемы современной юриспруденции, занятые разработкой базового языка фундаментальной правовой теории. Второй аспект связан с кризисом классической и разработкой неклассической (современной) методологии юридической науки. Первое направление не связано с понятием кризиса, что отражает восприятие европейским сообществом развития четвертого и пятого поколений права человека как нормального явления. Второе направление, напротив, развивается на основе осмысления антропологического кризиса и антропологического поворота в правовой реальности. Одним из центральных становится понятие «человекомерности права», которое

в то же время интерпретируется по-разному. Так, гуманистическое европейское направление мысли предлагает понимать человекомерность сквозь призму прав человека, в то время как современное антропологическое направление теории права рассматривает данное явление как ответ и реакцию на кризис понимания места и роли человека в правовой реальности. С позиций инструментального подхода, для разработки догмы права юридической антропологии требуется образ человека в правовой реальности. Однако описать и сформировать его довольно непросто. Господствующей описательной схемой формализации лица в современной теории права является концепция субъекта права. В то же время для формирования образа «человека юридического» необходимо использование инструментария философской антропологии, которую в современной науке представляют С. С. Хоружий и Ф. И. Гиренок. Для эффективных антропологических исследований необходим также анализ культуры и понимания конкретного человека как представителя определенной правовой, а также религиозной культуры и традиции. Отражением такой практики в нормативном пласте действительности является Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором среди ценностей прав человека и гуманизма упоминается приоритет духовного над материальным. И это также дает повод для многих дискуссий в юридической доктрине и новых концепций правотворчества в сфере конституционализма.

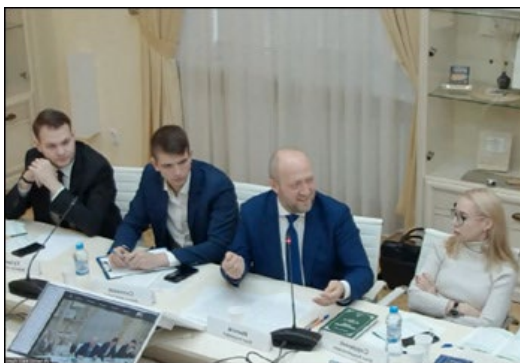
В. И. Павлов обратил внимание на взаимосвязь юридико-антропологических и конфликтологических исследований, подчеркнув, что интенции юридической антропологии на постсоветском доктринальном пространстве проявляли себя в трудах по юридической конфликтологии, в частности, академика В. Н. Кудрявцева. В этом выражала себя деюридизация правового конфликта и правонарушения, когда внимание акцентировалось на личностных особенностях человеческого мышления в рамках конкретного спора. Впоследствии эти исследования прекратились, но сейчас они актуализируются и получают свое новое развитие в контексте широкого внедрения медиации в сферу разрешения самых разных юридических конфликтов.

Доклад директора Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктора исторических наук, доцента **Павла Николаевича Дудина** был посвящен интересной проблематике соотношения личности и правовых традиций в государствах Восточной Азии. П. Н. Дудин поставил вопрос о степени близости, преемственности и корреляции современного права как такового и правовых традиций восточно-азиатских государств. Антропоцентризм никогда не являлся сколь-

ко-нибудь значимой идеологической и практической установкой в данных государствах, что порождало стереотипы о карательном характере восточно-азиатского права. Ряд исследователей пытались разрушить эти стереотипы, подчеркивая отсутствие какой-либо выраженной жестокости, например, китайского права в сравнении с английским, которое, в свою очередь, отличалось множеством составов преступлений, караемых смертной казнью, и изощренностью последней. В китайском праве используются многие категории европейского права. Но они получают различное выражение. Так, многие законы, именуемые уголовными, в действительности такими не являлись, регулируя семейные отношения или сферу государственного управления.

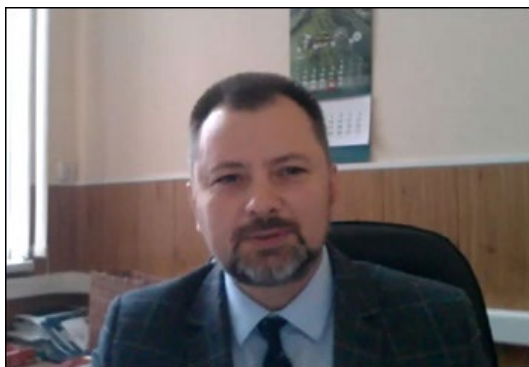
Китайское право и его отрасли можно рассматривать сквозь призму антропологического подхода, результатом чего будет выявление различных личностных аспектов в правовых нормах. Так, в сфере наложения наказаний по китайскому праву личностные начала присутствуют в учете семейного положения и родственников виновного, а также личных мотивов совершения должностных преступлений. В фискальной сфере личностные аспекты проявляют себя в учете нарушений правил регистрации домохозяйств и лиц, к ним приписанных, или незаконном пользовании семейным (домохозяйским) имуществом. В целом китайское правовое регулирование развивалось достаточно специфично, что позволяет сделать вывод об отсутствии ярко выраженного в нем частного интереса и особом – в отличие от классического римского подхода – структурировании системы традиционного права.

Особым гостем конференции стал председатель Избирательной комиссии Воронежской области, кандидат исторических наук **Илья Сергеевич Иванов**, обративший в своем докладе внимание на антропоцентричность как один из доминирующих трендов развития современного избирательного права. В настоящее время в нем присутствуют две тенденции, одна из которых связана с законностью и легитимностью процедуры выборов, а другая направлена на формирование доверия к институтам и механизмам избирательного права среди широкого круга населения. При этом государственная политика ориентирована на конкретизацию ряда действующих норм и ревизию отдельной их части с позиций эффективности правового регулирования. Но в целом все конструирование правовых норм акцентировано на избирателе и предо-

ставлении ему максимально удобных механизмов реализации волеизъявления. Основные новации и изменения, происходящие в современном избирательном праве, обусловлены влиянием цифровизации, но есть и те, которые касаются взаимодействия человека с человеком.

И. С. Иванов отметил, что с 2017 г. Центральной избирательной комиссией был запущен механизм «мобильный избиратель», который пришел на смену механизму открепительных удостоверений. Он напрямую ориентирован на удобство голосования и привлечения к участию в выборах более широкого круга избирателей. Прошедшие годы действия этого механизма подтверждают его эффективность, востребованность и позитивное восприятие обществом. Другим нововведением является концепция многодневного голосования, которая также успешно применяется и содержит в себе выраженные организационно-гуманитарные начала. Несмотря на то, что проведение трехдневной интенсивной работы является значительной нагрузкой на избирательные комиссии, акцент на антропоцентричности современного избирательного права способствовал нахождению тех решений и механизмов, которые сохранили концепцию многодневного голосования ради удобства и привлечения избирателей. Еще одним новым механизмом стало проведение дистанционного электронного голосования, которое базировалось на механизме «мобильный избиратель». Первый раз такая форма голосования была применена в 2019 г. локально в пределах Москвы, в 2020 г. механизм был выведен на общероссийский уровень. Анализ статистических данных подтвердил, что явка среди той части населения, которая выбрала для себя формат дистанционного электронного голосования, составила около 90 %. Это также доказывает эффективность и востребованность данного механизма. Таким образом, на примере направлений развития избирательного права антропоцентричность государственной политики явно выражена. Серьезной проблемой, которая нуждается в разрешении в ближайшем будущем, является проблема доверия избирателей, результативность решения которой во многом зависит и должна быть основана на антропологических исследованиях.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор **Алексей Игоревич Овчинников** в своем докладе обратился к категории правосознания как ключевой для антропологических исследований права. В современной юриспруденции доминиру-

ет социокультурный подход, согласно которому право рассматривается как продукт различных национальных культур. В данном случае возникают многие дискуссионные вопросы о возможности отделения права от морали, автономии права и другие, решение которых во многом зависит от понимания природы нравственности.

Старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат исторических наук **Павел Игоревич Костогрызов** обратил внимание на состояние и перспективы развития антропологии права в России. Одной из главных проблем является отсутствие взаимосвязи между двумя направлениями антропологических правовых исследований, связанных с этнологией или постклассической юриспруденцией.

Подобная проблема существует не только в России. Американский антрополог Марк Гудейл в монографии «Антропология и право: критическое введение» (2017 г.) также указывает, что в американской доктрине существуют два отличающихся друг от друга направления, которые он именуется «антропология права» и «юридическая антропология». Первым занимаются собственно антропологи, которые ориентированы на изучение человека, а вторым – юристы, которые в большей степени изучают право. П. И. Костогрызов обратил внимание, что оба подхода являются неоправданно узкими и антропологические исследования будут более плодотворными, если объединить усилия представителей и того, и другого подхода. В американской доктрине, при той же ситуации, подход более прагматический. Там используют данные антропологии для реализации механизмов альтернативного разрешения споров. Напротив, в отечественной доктрине преобладает глубоко теоретизированный подход, с высокой степенью научных абстракций. Между тем, антропологические исследования невозможны без опоры на эмпирические данные. Поэтому их учет необходим хотя бы отчасти. И наилучшим вариантом в данной ситуации будет именно объединение усилий представителей различных подходов.

Другой важной проблемой юридической антропологии является проблема методологическая. Одни ученые нередко упрекают рассматриваемую сферу знаний в эклектичности методов, что другие объясняют как междисциплинарность. Открытым в данном случае остается вопрос, нужны ли юридической антропологии самостоятельные методы исследования. Такие предложения звучат в юридической науке, но не являются вполне обоснованными. Антропологические исследования способны в достаточной мере развиваться на основе имеющегося набора используемых методов.

Еще одним дискуссионным вопросом юридической антропологии является понятие «обычное право», которое позиционируется как пред-

мет антропологических исследований, но на данный момент является весьма устаревшим. Предлагаемые отдельными исследователями вместо него понятия «этническое право» и «этноправосудие» не являются состоятельными, поскольку этнос не представляет собой организованную форму существования, а потому он не может создавать право. Более правильным в современных условиях П. И. Костогрызов считает термин «общинное право», поскольку именно он отражает истинный предмет исследования юридической антропологии и находит свое выражение в ряде доктринальных трудов.

От *Воронежского государственного университета* с докладами выступили Марина Валентиновна Карасева, Павел Николаевич Бирюков и Юлия Владимировна Сорокина.

Заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук,

профессор **Марина Валентиновна Карасева** охарактеризовала отдельные антропологические аспекты финансово-правовой системы регулирования. Она подчеркнула, что в рамках финансовой и налоговой системы положение человека является в наибольшей степени универсальным и минимально зависящим от культурно-истори-

ческих традиций. Одновременно оно является и в наименьшей степени дифференцированным. Положение человека в финансовой системе наиболее сложное, хотя в ней существует множество механизмов защиты прав человека. Это обусловлено характерными чертами финансово-правового регулирования: его существенной жесткостью, невозможностью понимания человеком концепции финансово-правового регулирования, антагонистическим характером взаимоотношений человека и государства в рамках налоговой политики, наибольшей степенью материальных обременений человека и проявившейся неожиданным образом в последнее время нравственной оценкой человека в рамках финансово-налоговой системы – характеристикой его в качестве налогового патриота или непатриота. В результате комбинаторного взаимодействия и проявления перечисленных свойств правового регулирования личность в финансово-налоговой сфере оказывается в наиболее ограниченном положении, поскольку система исключает свободу усмотрения в данном случае даже для властвующего субъекта.

Доклад заведующего кафедрой международного и евразийского права, доктора юридических наук, профессора **Павла Николаевича Бирю-**

кова был посвящен вопросам корреляции документов ФАТФ и правовой системы России. Правовые документы ФАТФ имеют форму стандартов, а также руководств по лучшей практике, учебников и рекомендаций. С формальных позиций их учет не является обязательным, однако обычно государства учитывают их при реализации соответствующих стандартов в своей правовой системе. Особое значение имеют разработанные и принятые в 2012 г. 49 Рекомендаций в новой редакции, которые позволяют лучшим образом защищать правовую систему РФ. Стандарты ФАТФ считаются актами международных организаций, поэтому к ним не применим механизм имплементации международных договоров. Их значение в правовой системе РФ состоит в дополнении внутригосударственного правового регулирования международным компонентом, который в данном случае выступает ориентиром для отечественного законодателя, иницилируя процессы правотворчества.

Профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Юлия Владимировна Сорокина** обратилась к антропологическим аспектам в христианской доктрине. По ее мнению, христианство внесло большой вклад в осознание личности человека и обоснование его как ценности. Именно здесь следует искать первоосновы современного антропоцентризма. Это проявляется еще в ветхозаветном учении, где описывается договорная концепция отношений между Богом и человеком в лице Авраама. Уже это обосновывает наиважнейший тезис, отражающий уважение к человеческой личности и достоинству, поскольку договор предполагает равенство сторон.

Впоследствии идея личности развивается у Фомы Аквинского, который отстаивает идею целостности человека, отражающую симбиоз души и тела. Только при таких условиях человек может формироваться как личность, достойная уважения и свободы выбора. И в настоящее время томизм в виде несколько модернизированного учения Ф. Аквинского является основной доктриной католической церкви. При этом важно заметить, что в таком виде христианство не принимает индивидуализм, развитый впоследствии протестантским направлением. Размышляя о человеке как таковом, современная христианская доктрина не выходит на универсализм, а обращает внимание на взаимодополняющее единение полов – только союз мужчины и женщины способствует наиболее совершенному развитию человека. Правовая идея формального равенства в христианской доктрине переходит в концепцию равного достоинства людей, каждый из которых в равной мере достоин уважения.

Доцент кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), канди-

дат философских наук, доцент **Максим Александрович Белев** продолжил антропологическую проблематику конференции рассмотрением категорий агентности и субъектности в юридической антропологии. Он отметил, что антропоцентризм является не состоянием, а своего рода «точкой сборки» современного общества в условиях,

когда техника и технология становятся теми механизмами универсализации, которые выстраивают механизмы под себя. Антропология права представляет собой специфическую науку о «понимании понимания». Нам необходимо понять картину мира других сообществ и культур, их нормативность и систему ценностей. В связи с этим антропологический метод – только один, и это юснатурализм.

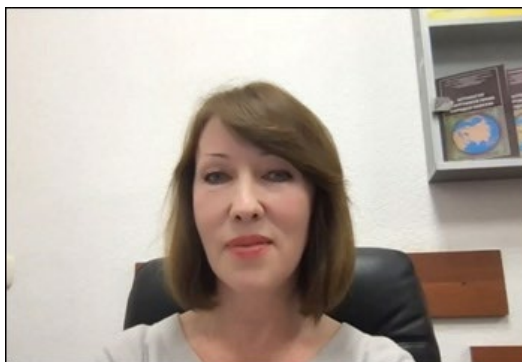
Мир субъектов права традиционно децентрализован, поскольку это требует принцип формального равенства. В мире субъектов права нет «я», а есть только «другие», которые четко определены через конструкции правоотношений. Однако схематичный мир правовых субъектов наслаивается на реальный, фактический жизненный мир. И в нынешних условиях техника и искусственные алгоритмы являются вызовом для современного человека. Изначально отталкиваясь от концепции агентности, мы приходим к концепции субъектности, поскольку начинаем делегировать искусственному механизму возможность принятия решений. В современной науке существуют различные предложения понимания места и роли искусственного интеллекта. Большинство теорий утверждают, что даже при отсутствии жизненного мира у искусственных организмов зачатки субъектности у них могут быть, что обосновывается нарративностью. При том, что данные программы, действуя как агенты, через какое-то время порождают эмоциональное отношение к себе, неизбежно возникает идея их субъектности, и вопрос возникает лишь о формах ее выражения и конструирования.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Евгений Леонидович Поцелуев** поднял важную и интересную проблему отчуждения индивида от государства и права. Он отметил, что понятие отчуждения по-разному определяется в гуманитарных науках. В современных условиях проблема отчуждения во многом связана с применением современных цифровых технологий. С позиций антропологических исследований право или протоправо возникает и существ-

вует именно для разрешения конфликтов. Крайние формы отчуждения от права находят свое выражение в преступлениях и суицидах. Исторически суицид получал отрицательную правовую оценку и последствия, что отражалось, например, в законодательстве эпохи Петра I. Девиантное поведение как отклонение от нормы также вызывает ряд дискуссий, поскольку нормативность может восприниматься различно. Современная девиантология изучает взаимосвязь между нормативностью и суицидом, выделяя такие виды самоубийств, как альтруистические, аномические и другие. Отчуждение индивида от государства и права в настоящее время наиболее ярко проявляет себя в сфере избирательного права в виде низкой явки на выборы. В то же время отдельными формами отчуждения выступают старообрядчество и монашество, эмиграция и другие.

Помимо негативных, можно выделить и позитивные аспекты отчуждения, которые неочевидны и заключаются в отчуждении индивида от государства при тоталитарном или авторитарном режимах: гражданское неповиновение индийского населения во времена господства Великобритании, антивоенные компании во времена войны в США и борьба за права афроамериканского населения. Борьба, которая ведется в таких условиях, с формальных позиций права исторического периода считается нелегальной, но в современных условиях она выступает выражением истинно правового поведения. Таким образом, феномен отчуждения индивида от права и государства нужно рассматривать диалектически.

Доклад заведующего кафедрой теории и истории права и государства филиала РАНХиГС, доктора юридических наук, профессора **Татьяны Владимировны Шатковской** был посвящен нравственным началам традиционных правовых представлений великорусских крестьян. Она подчеркнула, что и в современных условиях высокотехнологического общества обращение к традициям общественной жизни является актуальным. Именно они помогают выработать начала единства и позволяют наполнять абстрактную идею права конкретным содержанием. Нравственность противопоставляется телесному миру, оперирует понятиями «добра» и «зла», разделяется на христианскую и гражданскую. Первая стоит выше второй, поскольку предъявляет более высокие требования к человеку.

Обычному праву в настоящее время уделяется значительное внимание. В нем особый акцент делается на должное через понятия «общест-

венной совести» и «правды». На уровне крестьянского правосознания можно говорить о разграничении понятий «права», «правды» и «закона». Именно «правда» служила идее равенства, поскольку каждый имел право, а иногда и был обязан стремиться к «правде» как к достижению высшей идеи справедливости. «Право» рассматривалось как данная кем-либо или признанная обычаями власть. Невинность, признанная судом, не означала с необходимостью безгрешности человека. Только «оправданный» перед обществом и Богом человек считался действительно невиновным. Таким образом, несмотря на часто характеризуемый как примитивный быт великорусских крестьян, у них можно найти представления о таких высоких ценностях, как право и справедливость.

Центральной проблемой доклада доцента кафедры теории и истории государства и права Удмуртского государственного университета, кандидата исторических наук, доцента **Алексея Александровича Шепталина** стал гносеологический потенциал юридической антропологии в контексте проблем правогенеза. Он отметил, что позитивное право отнюдь не отражает всей пестрой соционормативной мозаики, составляющей сегодня правовое пространство России. Народы Сибири и Крайнего Севера, народы Северного Кавказа и Волго-Вятского региона и в настоящий момент соблюдают многовековые традиции. Изучение этих немногих этнологических источников составляет одну из главных задач современной юридической антропологии, так как позволяет разобраться в истоках генезиса и становления первобытного нормативного регулирования и его последующей трансформации в обычное право, а затем – в право позитивное. Одной из проблем современной реальности является несоответствие господствующего нормативистского понимания права реальной картине, возникающей на основе антропологических и этнологических материалов. И причиной данной проблемы является недооценка современной юридической наукой данных антропологических исследований. Их расширение и введение в теоретико-правовую плоскость позволило бы углубить представления о праве и сформировать более эффективные механизмы правового регулирования.

Профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Анатольевна Алексеева** в своем докладе обратила внимание на концепцию личности в учении выдающегося испанского юриста и государственного деятеля Ф. Пи-и-Маргалья о федерации, которое является актуальным в условиях современности. В 1873 г., в период первого провозглашения в Испании республики, он занимался активной политической деятельностью. Его взгляды во многом определены его каталонским происхождением. Согласно учению Ф. Пи-и-Маргалья, федерация – не просто форма государственного устройства, а форма социаль-

ного объединения вообще. Ей противостоят все унитарные государства, которые, по мнению ученого, несут только вражду и войны. Федерация не губит автономию индивида, и его развитие и может существовать при любой форме правления. При этом федерация представляет собой добровольный союз свободных людей, который основан на наличии у них общих интересов. Особенностью федерации является единство при сохранении многообразия, когда недопустимы посягательства на свободу, автономию и традиции людей, которые составляют федерацию. Формирование такой федерации происходит снизу вверх: первый уровень – города, затем – провинции и регионы, далее – нации и государства, и – в конце концов – предполагается формирование всеобщей федерации. Идеи Ф. Пи-и-Маргалья имеют настолько вневременное значение, что на них опирались при разработке конституционных проектов в Испании и в 30-х, и в 70-х гг. XX в., в том числе за счет их антропоцентричности.

Доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ имени А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент **Елена Юрьевна Калинина** отразила в своем докладе исторические особенности конструирования империи в средневековой Испании как технологии формирования государственно-правовой идентичности. Она обратила внимание на тот интересный факт, что концепция империи в Испании зародилась не сверху, из центра, а снизу, из общества. Этому способствовало выделение в X в. на территории Испании отдельного субъекта – Кастилии, который сразу формировался как автономный и в определенной мере протестный.

Здесь формируется особый тип правосознания, который отражал, прежде всего, стремление к внутреннему единству населения. В результате в испанской истории возникает имеющее духовно-политический характер понятие «протонация», которое предполагает формирование особого политико-правового пространства, нацеленного на единение, хотя изначально и несущего в себе идеи автономии. Именно на основе этой политико-правовой идентичности в Испании впоследствии складывается концепция государственности.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент **Ольга Борисовна Купцова** обратилась в своем докладе к концептуальным основаниям категории «*homo juridicus*», отметив, что ее локальные интерпретации являются благом для развития отдельных этносов и социальных групп. В системе видоизменяющегося права, в рамках динамики форм права и будет в ближайшее время существовать «человек юридический». Он постоянно находится в поиске своей правовой самоидентификации. Это человек, постоянно отражающий и аккумулирующий в себе общечеловеческие цен-

ности и стремящийся к их отражению в нормативной реальности. В то же время юридический позитивизм в настоящее время видоизменяется и смягчается, заимствуя в том числе и моральные константы. С этих позиций догматический метод рассмотрения «человека юридического» также имеет значение.

Кандидат юридических наук, доцент **Антон Мечиславович Лютынский** обратил внимание на особенности текста права в сфере уголовного судопроизводства в контексте философии постмодернизма, деконструкции и конструируемости правовой реальности.

Преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского **Екатерина Андреевна Есаева**, подготовившая совместный доклад со старшим преподавателем Вьетнамского национального университета в г. Ханое, кандидатом юридических наук **Май Ван Тхангом**, акцентировала внимание на влиянии этнических начал на формирование колониального законодательства и судебной системы протектората Тонкин. В докладе на основе анализа конкретно-исторических событий и нормотворческих актов было подробно обосновано, как процессы изменений в правосознании вьетнамского населения породили необходимость обновления нормативной системы и получили в ней отражение.

Обмениваясь мнениями в завершение работы Международной междисциплинарной научно-практической конференции «Достижения и проблемы юридической антропологии», участники пришли к выводу о необходимости продолжения сотрудничества и взаимодействия в целях расширения границ антропологических исследований и обогащения их результатами юриспруденции и других гуманитарных наук.

В ходе работы конференции был рассмотрен широкий спектр проблем юридической антропологии и положено начало междисциплинарным антропологическим исследованиям.

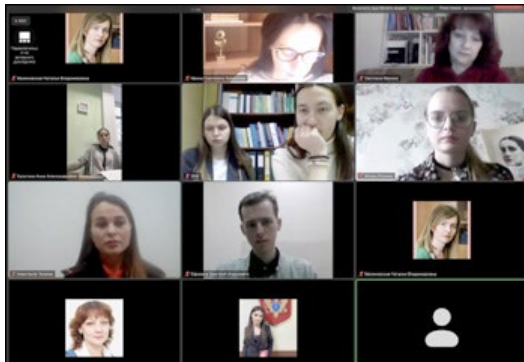
Продолжением Юбилейной научной сессии стал **Межвузовский круглый стол магистрантов, аспирантов и соискателей «Источники права: эволюция и современное состояние»**, состоявшийся 9 декабря 2022 г.

В работе Межвузовского круглого стола приняли участие магистранты, аспиранты и соискатели Воронежского государственного университета, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и Воронежского института МВД России. Спикерами мероприятия выступили заведующий кафедрой теории

и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор Светлана Николаевна Махина, кандидат юридических наук, доцент Наталья Владимировна Малиновская, кандидат юридических наук, доцент Ирина Сергеевна Завьялова.

Участники круглого стола обсудили ряд вопросов, включающих терминологические

проблемы, видовой перечень и особенности формирования источников права. Особый интерес и оживленную дискуссию вызвали вопросы влияния цифровизации на современные формы права. Были проанализированы особенности и перспективы развития форм правового регулирования интернет-платформ и социальных сетей, информационное законодательство России и ряда зарубежных стран, а также возможности развития цифровой формы нормативного правового акта. Не остался без внимания и традиционно полемический вопрос о проблемах соотношения судебного прецедента и судебной практики. Участники дискуссии сошлись во мнениях о том, что судебные решения имеют в России особое значение, которое нельзя выносить на уровень судебного прецедента как самобытного источника права англо-американской правовой семьи. Но в то же время невозможно отрицать факт влияния правовых позиций высших судебных инстанций на формирование судебной практики в России. Вместе с тем проблема единства судебной практики пока остается нерешенной, что во многом обусловлено реформированием российской судебной системы.

13 декабря 2022 г. очередным мероприятием Юбилейной научной сессии, направленным на укрепление международного сотрудничества, стал **мастер-класс «Культурологические особенности китайского правосознания»**, проведенный с участием кандидата исторических наук, доцента Хайнаньского университета **Аси Алиевны Саракаевой** (Китайская народная республика, г. Хайкоу) и кандидата филологических наук, доцента Хайнаньского института экономики и бизнеса **Элины Алиевны Саракаевой** (Китайская народная республика, г. Хайкоу).

В мастер-классе приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты, студенты-бакалавры и специалисты. Участники обсудили с ведущими истоки современной китайской правовой ментальности, особенности восприятия китайцами закона и морали, степень влияния

конфуцианства, легизма и Коммунистической партии КНР на современную китайскую правовую идеологию. Ася Алиевна Саракаева отметила, что современное китайское правосознание имеет глубокие исторические корни и основано на оригинальном симбиозе философии конфуцианства и легизма, к которым в XX в. добавилась

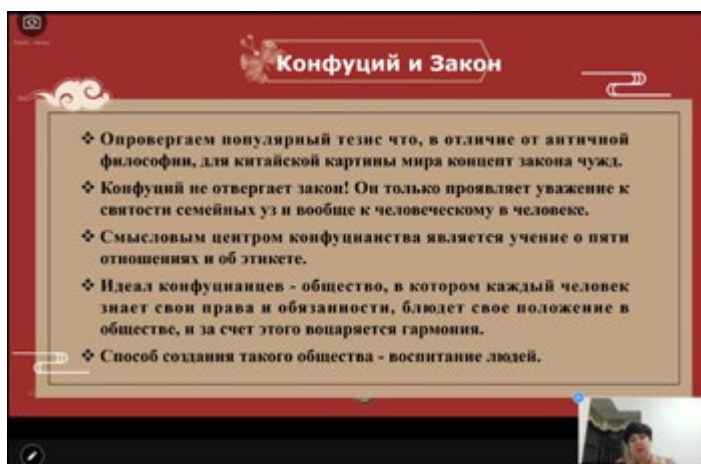
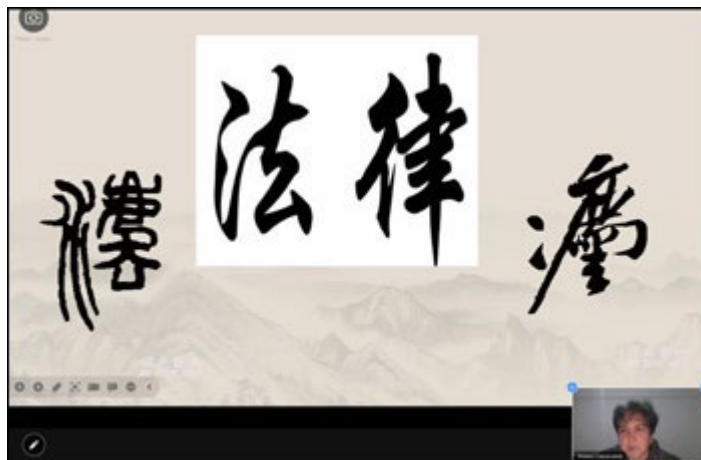
коммунистическая идеология. Несмотря на многочисленные различия, данный конгломерат идей успешно уживается в менталитете современных китайцев и отнюдь не препятствует развитию права, показателем чего является принятие в последние годы целого ряда законов, регулирующих гражданские правоотношения, распространение информации и использование цифровых технологий.

Элина Алиевна Саракаева обратила внимание на то, что само понятие «закон» отнюдь не является чуждым китайскому менталитету, как это нередко стремятся подчеркнуть в западноевропейских исследованиях. Закон с древних времен имеет определяющее значение в регулировании об-

щественных отношений. Воля правителя-вана, олицетворяющая закон в древности, подлежит неукоснительному исполнению. На взгляд Э. А. Саракаевой, философия конфуцианства не способствует уменьшению роли закона в жизни общества, а лишь дополняет его глубокими морально-этическими аспектами, способствующими поддержанию право-

порядка в симбиозе с законом. Особая роль в формировании уважительного отношения не только к закону, но и к каждому члену общества принадлежит правильному воспитанию. Таким образом, благодаря сильной этической основе, правосознание китайских граждан изначально ориентировано не на сутяжничество, а, скорее, на поиск компромисса в урегулировании конфликтной ситуации. Это особенно характерно для административных и трудовых правоотношений, в то время как в гражданско-правовой сфере в настоящее время активность граждан возросла, и они широко пользуются правом обращения в суд для разрешения спора.

Студенческая часть Юбилейной научной сессии была представлена на Межвузовским конкурсом научных работ студентов-бакалавров и специалистов «Цивилизационные исследования государственности: история и современность», итоги которого были подведены 16 декабря 2022 г. В Конкурсе приняли участие студенты Воронежского государственного университета, Воронежского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежского института МВД России.

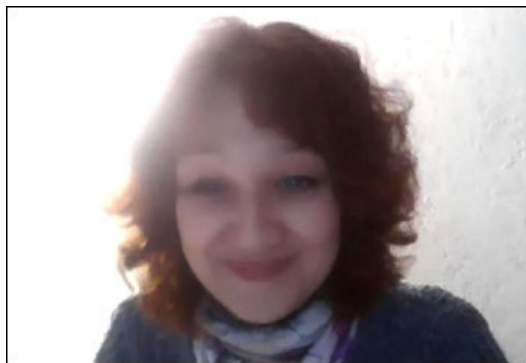
Конкурсные работы были посвящены особенностям восточного и западного путей формирования государственности. Участники стремились проанализировать как положительные, так и отрицательные черты государственного управления в моделях древневосточной деспотии и античных полисов. Отдельный интерес вызвала тематика самобытных черт

российской государственности и степени влияния на ее характер восточных и западных управленческих начал. Важно отметить, что работы участников Конкурса отличались объективным научным подходом к анализу предметной области исследования и включали изучение исторических предпосылок формирования государственности и общества определенного типа. Работы победителей Конкурса получают последовательное отражение в материалах приложений к сетевому научно-практическому изданию «Журнал юридической антропологии и конфликтологии».

* * *

Завершением Юбилейной научной сессии стала **Вторая международная научная междисциплинарная конференция памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: правовые традиции Востока и Запада»**, состоявшаяся в онлайн-формате 16 декабря 2022 г.

Работу конференции открыла руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор **Светлана Николаевна Махина**. Она сделала экскурс в историю кафедры и университета, отме-

тив, что Воронежский государственный университет начал свою деятельность 12 ноября 1918 г. Кафедра теории и истории государства и права была создана в качестве самостоятельного структурного подразделения в 1962 г. Первым заведующим кафедры стал **Арменак Манасович Даниелян**. За 60-летний период деятельности кафедры

успела сформироваться достойная научная школа, выдающимися представителями которой были Виктор Васильевич Труфанов, Андрей Артемьевич Гордиенко, Эдуард Филиппович Побегайло, Иван Александрович Галаган и Михаил Григорьевич Коротких.

Профессор М. Г. Коротких был специалистом по отечественной и зарубежной истории государства и права. Он опубликовал более 100 научных работ, среди которых как научные статьи, так и известные монографии. Коллеги и ученики помнят Михаила Григорьевича как интересного педагога, талантливого ученого и творческого, яркого человека. Профессор М. Г. Коротких был одним из самых известных в СССР, а потом и в России, специалистов в области судебной реформы 1864 г. Начи-

ная с 2021 г. кафедра теории и истории государства и права организует цикл конференций его памяти, которые акцентируют внимание на историко-правовых проблемах юридической науки, стремятся подчеркнуть взаимосвязь науки теории и науки истории государства и права и расширить круг научного взаимодействия исследованиями междисциплинарного характера.

Международный формат конференции «Мировая эволюция в памятниках права: правовые традиции Востока и Запада» объединил ученых из России, Таджикистана, Китая и Эквадора. Российское юридическое сообщество было представлено специалистами из Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Иваново, Самары, Нижнего Новгорода, Вологды, Рязани. Модератором конференции выступила доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук Наталья Владимировна Малиновская.

Первым из числа гостей конференции на пленарном заседании выступил с докладом доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заслуженный работник высшей школы РФ **Дмитрий Алексеевич Пашенцев**. Он подчеркнул, что в настоящее время в юридической науке существует интересная проблематика, связанная с правовой традицией России. При этом само понятие правовых традиций неоднозначно, к ним нет единого устоявшегося подхода. Даже в известном труде Гарольда Джона Бермана «Западная традиция права: эпоха формирования», непосредственно посвященном данной проблематике, нет определения понятия традиции. По мнению профессора Д. А. Пашенцева, правовая традиция – это исторически сложившаяся и развивающаяся совокупность принципов построения правовой системы, которая выражается в нормах, правовых обычаях, понятиях, ценностях и представлениях и формируется повседневными действиями субъектов права. Одним из главных моментов в этом определении являются именно повседневные действия субъектов, поскольку право становится правом только тогда, когда субъекты в соответствии с ним перестраивают свое поведение.

Правовая традиция по природе своей диалогична. На ее формирование оказывают влияние различные факторы. Каждая правовая традиция несет в себе определенные ценности, которые составляют ее содержательный аспект. Она в значительной мере иррациональна, поскольку в нее оказываются включенными в том числе мифы, верования и эмоции. Носителем правовой традиции является субъект права, человек. Именно он играет главную роль в воспроизведении самой традиции, в чем проявляется ее антропоцентричность.

Российская правовая традиция имеет свои особенности, которые обусловлены периодизацией ее становления. Профессор Д. А. Пашенцев предлагает выделять шесть этапов ее становления по критерию особенностей формирования и развития источников права: 1) от возникновения Древнерусского государства до создания Российской империи; 2) от создания Российской империи до систематизации законодательства в 30-х гг. XIX в.; 3) с 30-х гг. XIX в. до 23 апреля 1906 г.; 4) от 23 апреля 1906 г. до революционных событий 1917 г.; 5) советский период – с 1917 по 1991 г.; 6) современный период с 1991 г. по настоящее время. Каждый из этапов характеризуется своеобразием и приводит в итоге к формированию определенных тенденций развития современной правовой традиции.

Доклад декана юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктора юридических наук, профессора **Людмилы Евгеньевны Лаптевой** стал

продолжением проблематики, поднятой профессором Д. А. Пашенцевым, поскольку был посвящен взаимопомощи и самоуправлению в правовой традиции России. Людмила Евгеньевна обратила внимание на то, что в Российской империи, по мере того как государство поглощало общество, для самостоятельного решения вопросов взаимопомощи оставалось все меньше возможностей.

В этом смысле после реформы 1861 г. та область жизни крестьянских сообществ, которая до сих пор была предметом самостоятельного регулирования и решения вопросов взаимопомощи, теперь была поставлена под контроль государства. Сельское общественное управление было подробно урегулировано законом, поновому, под контролем государственной полиции, стали формироваться органы крестьянского общественного управления. Все это приводило к смене традиции взаимопомощи на традицию самоуправления, которая по своему характеру уже не настолько самостоятельна, так как носит подзаконный характер. Это меняет саму конструкцию управления и отношение к ней. Она перестает быть естественной и начинает рассматриваться как заданная извне. Впоследствии советская эпоха оставляет еще меньше пространства для самостоятельности в данной сфере, поскольку с 30-х гг. XX в. начинают активно навязываться коллективистские формы взаимодействия. Огромную роль в этом играет идеология, выполняя функцию сплочения общества.

Таким образом, изначальная традиция взаимодействия в виде взаимопомощи в российском обществе оказывается несколько измененной. Тем не менее советская эпоха с ее коллективистской идеологией больше соответствовала изначальной правовой традиции России, нежели крайний индивидуализм, распространенный в настоящее время. Ценность справедливости начинает уступать место экономической эффективности судебного решения. По мнению профессора Л. Е. Лаптевой, это неверное направление развития для российского общества, изначальной традицией которого являются элементы моральной обязанности человека перед социумом, когда он не просто удовлетворяет за счет общества свои потребности, но и должен отдавать, вносить свой созидательный вклад в его развитие.

Доклад заведующего кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктора юридических наук, доцента **Николая Викторовича Разуваева** был посвящен

доктрине как источнику права в древних и средневековых правовых традициях. Николай Викторович отметил, что доктринальные тексты являлись источниками права в правовых традициях Древнего мира и Средних веков, однако с начала Нового времени доктрина постепенно утрачивает статус источника права, сохраняя свое значение лишь в

некоторых правовых системах. Она используется для толкования действующего законодательства либо для восполнения пробелов в нем. В нашей правовой реальности подход к доктринальному правотворчеству достаточно жесткий, поскольку доктрина не предусмотрена в качестве источника в Гражданском кодексе Российской Федерации. Отчасти это оправдано тем, что у представителей доктринального сообщества нередко возникает искушение подменить своими концептуальными обобщениями правовые процедуры и нормы. Но, с другой стороны, часто возникающая потребность в восполнении пробелов действующего законодательства могла бы быть решена путем их преодоления доктринальными средствами. В России данный вопрос остается дискуссионным.

Для исторической правовой традиции как на Западе, так и на Востоке доктрина всегда являлась органическим источником права. Юридическая наука играла роль систематизатора фактического содержания правового порядка. На первый взгляд, можно обратить внимание на то, что рим-

ское право отличается от других правовых порядков тем, что формирует светскую правовую доктрину. Но при этом очень заметна связь между правотворчеством римских юристов и понтификальным правотворчеством. Идея превосходства доктринального толкования римских юристов имела в своей основе возвышение их значимости до уровня, равного религиозному авторитету. Доктрина в условиях традиционного правового порядка всегда связана с судебной деятельностью и чаще всего она выполняет роль источника в тех правовых порядках, где собственно судебное решение не носит прецедентного характера. Ярким примером является средневековая Западная Европа, где сочинения юристов (глоссаторов, постглоссаторов), подобно суждениям римских юристов, выступали основой, на которой базировались судебные решения.

Доктринальное правотворчество активно, поскольку суд самостоятельно творить право не может или может лишь в ограниченных пределах. Кроме того, оно тесно связано с судом и судебным правотворчеством, что видно на примере общего права Англии. Таким образом, всегда существуют особые конкретно-исторические условия, при которых доктринальные юридические тексты становятся источниками права.

Проблематика культурно-исторических традиций права получила продолжение в докладах ученых Воронежского государственного университета, среди которых особое место занимает междисциплинарный по своему характеру доклад профессора кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета, доктора исторических наук, профессора **Николая Петровича Писаревского**. На примере отдельных норм из законов Ур-Намму и законов Хаммурапи, а также ключевой социально-правовой категории месопотамского общества – «авилум» – были проиллюстрированы особенности правовой культуры Месопотамии первой четверти II тысячелетия до н.э. Ее эволюция обусловлена тем, что восприятие окружающей действительности в Месопотамии носило предметно-чувственный характер и сформировалось еще во времена эпохи палеолита. Поскольку на одной территории проживало этнически неоднородное население, находившееся на различных уровнях социально-экономического развития, то в основе разграничения правового статуса его членов лежали морально-этические, чувственно-эмоциональные начала. Профессор Н. П. Писаревский отметил, что междисциплинарные исследования правовой культуры Древнего мира имеют особенное значение для развития как исторической, так и юридической науки, так как способствуют проведению комплексного, разностороннего анализа фактологической и нормативной основы.

Аналитика традиций Древнего мира получила продолжение в докладе профессора кафедры теории и истории государства и права Воронежско-

го государственного университета, доктора юридических наук, профессора **Юлии Владимировны Сорокиной**, посвященном проблеме кровной мести. Юлия Владимировна обратила внимание, что данный вопрос органически связывает историю и современность, поскольку отголоски традиций кровной мести наличествуют и в современном обществе.

Кровная месть воспринималась древними людьми как некая воздающая справедливость. В своих оценках действительности они исходили из единения природы и общества. Космологическому порядку присуще равновесие, стремление к балансу добра и зла. В связи с этим убийство воспринималось не просто как лишение жизни, преступное деяние, но как нарушение равновесия, которое надо восстановить. Именно этим целям и служит институт кровной мести.

Другой его особенностью является реализация только в условиях сплоченной социальной группы. Родоплеменной строй характеризовался глубочайшей солидарностью членов общины. Ценность человеческой жизни была обусловлена его вкладом в жизнь социальной группы, служением общине и культу предков. Поэтому убийство члена рода воспринималось как оскорбление всего сообщества и порождало серьезные последствия.

Оскорбленный род мстил не столько конкретному человеку, сколько всему роду или клану, откуда происходил убийца. При этом выбор объекта кровной мести не связывался напрямую с личностью убийцы, а основывался на принципе тождественности. Уничтожение члена враждебного племени преследовало цель восстановления равновесия, поэтому было так важно соблюдать эквивалентность.

В науке идут дискуссии о принадлежности кровной мести сфере морали или сфере права. По мнению профессора Ю. В. Сорокиной, кровная месть принадлежит именно сфере права. Это обусловлено тем, что она относится к сфере наказаний за правонарушения, а также имеет четкое нормирование на уровне различных обычаев, выражавшееся в конкретной процедуре.

По мере своего развития государственная власть стала ограничивать или запрещать кровную месть. В то же время, несмотря на глубокую архаичность этого института, он находит свое проявление и в современности, имея в какой-то степени вневременное значение.

Особенности формы древней нормативной правовой основы и ее фиксации в современности были конкретизированы в докладе профессора кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, доцента **Елены Викторовны Сазонниковой**. Она обратила внимание на внешний символический ракурс рассмотрения памятников права, в честь которых создавались фундаментальные архитектурные монументы. Наиболее характерным примером, сочетающим в себе не только стремление увеко-

вечить и символизировать значение нормативного текста, но и придать ему именно такую, специфическую, форму выражения, является стела Законов Хаммурапи. Отдельное направление представляют памятники конституциям, среди которых есть несколько примеров архитектурных сооружений в честь принятия первой советской конституции – Конституции РСФСР 1918 г. В качестве отдельной категории можно выделить памятники декларациям, международным правовым актам, а также памятники, посвященные дружбе народов.

Особенностью памятников права является сложность их воссоздания в символической, образной форме. Но все же, как показывает история, это возможно, и особый интерес государства проявляют к таким средствам фиксации правового материала именно в XX в. Их значимость определяется тем, что такого рода памятники выступают сильным механизмом воздействия на правосознание, способствуя формированию в обществе патриотических настроений.

Аналізу правовых традиций Японии был посвящен доклад заведующего кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктора юридических наук, профессора **Павла Николаевича Бирюкова**. Он акцентировал внимание на устройстве и организации деятельности правоохранительной системы, отметив, что высшим звеном судебной системы Японии является Верховный суд, председатели и судьи которого назначаются кабинетом министров с одобрения императора. Интересно, что в Высоком суде Токио есть отделение – Высокий суд по интеллектуальной собственности, являющийся аналогом российского Суда по интеллектуальным правам.

На уровне префектур существует 50 семейных судов (по одному в каждой префектуре) и 203 их отделения. В их компетенцию входят дела о правонарушениях несовершеннолетних, разводах, разделе имущества супругов, опеке, мелких бытовых спорах. Решения и приговоры указанных судов обжалуются в районные суды.

Прокуратура в Японии имеет четыре уровня организации. Во-первых, это Верховная прокуратура, во-вторых, высокие государственные прокуратуры, которые соответствуют высоким судам, а также прокуратуры на уровне префектур и прокуратуры на местах, соответствующие судам по упрощенным делам. Таким образом, организация уровней прокуратуры соответствует организации уровней суда. И в целом правоохранительная система Японии отличается высоким уровнем организации, а многие ее элементы имеют аналоги в российском опыте правового регулирования.

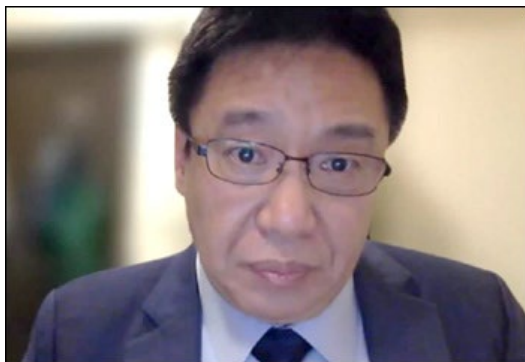
Особенностям культурно-исторических традиций китайского общества было посвящено сразу несколько докладов. Первым из них стал доклад ведущего научного сотрудника Института Китая и современной Азии Российской академии наук, кандидата юридических наук **Павла**

Владимировича Трощинского, который затронул вопросы эволюции правовой системы КНР. Он подчеркнул, что Китайская Народная Республика – молодое государство, которое сами китайцы называют Новым Китаем. В таком виде оно существует с середины XX в., в то время как сама китайская цивилизация насчитывает около 5000 лет. В настоящее время акценты в российской юридической науке делаются на изучение современного права КНР, однако понять его невозможно без теоретических основ, которые уходят корнями в глубокую древность. Хотя современный Китай – это довольно молодое государство, уже можно констатировать, что оно прошло достаточно большой путь в своем развитии. В нем присутствует правовой эклектизм или смешение юрисдикций, где наиболее ярким примером является правовая система Гонконга.

Современный Китай уже успел пройти в своем развитии несколько этапов. Возникнув на основе Китайской Советской Республики (КСР), существовавшей с 1931 по 1937 г., КНР стала формировать правовую систему нового типа. Длительное время в ней не было многих важных законов, как, например, конституции, или ряда кодифицированных актов. Первые пять лет после образования КНР существовала без конституции, принятой только в 1954 г. Тем не менее основой правового регулирования выступала неписаная конституция, которая изначально заложила основы правовой системы, закрепленной в 1954 г. После этого наступил период стагнации, когда на протяжении 20 лет, с 1955 до 1976 г., в КНР не было принято ни одного закона. Исключением являлась единственная конституция 1975 г., но она носила декларативный характер. Уголовный кодекс был принят в 1979 г. В отношении Гражданского кодекса долгое время действовала концепция отрицания, страна жила без него на протяжении 70 лет, однако 28 мая 2020 г. он был принят, что стало знаковым событием в истории современного Китая. И в настоящее время КНР активно развивает правотворческую деятельность, в том числе являясь одним из государств, которые первыми наиболее активно и подробно регулируют сферу цифровых отношений.

Проблематика современных реалий китайской юридической практики была освещена в докладе управляющего партнера юридической фирмы «Синь Да Ли», адвоката, арбитра Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (СИЕТАС) **Чжоу Гуанцзюня**. Он пояснил, что первоначально, после создания Нового Китая, традиции правового регулирования в нем были сходными с советскими, но в последние 30 лет правовое регулирование России и Китая развивалось неодинаково.

Наиболее ярко право Китая можно продемонстрировать на примере судебной практики, которую необходимо правильно понимать при необ-

ходимости выстраивания предпринимательских отношений с китайскими партнерами. Так, если ранее дела с участием иностранного элемента в Китае рассматривали суды среднего звена, то теперь они рассматриваются на уровне районных судов. Проблемным является вопрос о признании и исполнении на территории Китая решений россий-

ских арбитражных судов. Это обусловлено отсутствием надлежащего информирования со стороны российских судов о возбуждении производства по делу с участием китайской компании. При отсутствии подтверждения надлежащего извещения китайской компании о разбирательстве с ее участием вынесенное решение, скорее всего, не будет признано и исполнено на территории Китая.

В целом господин Чжоу отметил, что в Китае суды очень серьезно относятся к рассмотрению споров с участием иностранного элемента, поэтому китайскому правосудию в этом отношении можно и нужно доверять. Более того, китайские народные суды активно поддерживают арбитраж. Есть довольно большие возможности передачи корпоративного спора на рассмотрение третейского суда, что всегда выгодно для сторон.

В европейской и российской доктрине нередко можно встретить критическое, даже скептическое отношение к защите прав иностранных инвесторов в Китае. Однако в китайской правовой реальности существует целый ряд проблем, но именно к делам с участием иностранных инвесторов китайские судьи относятся наиболее внимательно, четко и скрупулезно оценивая каждое представленное доказательство при вынесении решения. Тем не менее для более эффективного экономического взаимодействия между представителями России и Китая необходимо лучшее понимание особенностей китайского правового регулирования и правосознания, чему может способствовать проведение различных конференций, семинаров и круглых столов.

Докладом, продолжающим аналитику культурно-исторических традиций изнутри, стало выступление руководителя общественной организации «Мирный Эквадор», профессионального юриста и медиатора, эксперта Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета Воронежского государственного университета **Габриэля Борха Этлиса**. Он отметил, что западноевропейские устои с колониальным режимом по сей день находятся в

огромном противоречии с традициями местного населения эквадорских индейцев, которые составляют около 40 % населения страны. До 2008 г., ознаменовавшего принятие Конституции, в Эквадоре не было возможности нормативно урегулировать конфликт между поддержанной юридическими актами западной системой собственности и формами коллективного владения «землей индийских сообществ». Теперь, после 2008 г., нормативное урегулирование конфликта есть, но по факту он не является разрешенным.

Основное различие между западным подходом к землепользованию и подходом с точки зрения индейских сообществ носит культурологический характер и заключается в том, что если в западной традиции мы рассматриваем землю как ресурс, который производит средства для существования и благосостояния, то с точки зрения индейской культуры природа и земля это высшее благо, живое существо, которым не владеют, а которое почитают и благодарят и соответствующим образом пользуются ресурсами. Поэтому коллективная форма землевладения индейцев не может быть сопоставима с коллективной долевой собственностью с позиций кодифицированного европейского права. Если с европейской точки зрения коллективное землевладение может быть индивидуализировано в долях и в случае конфликтов между членами сообщества может быть разделено, то с точки зрения индейских сообществ это невозможно. Коллективная земельная собственность с позиций индейского права Эквадора является неразделимой, что, естественно, входит в серьезный конфликт с нормами права западного образца и создает серьезные затруднения при разрешении конфликта.

В настоящее время данная проблема находится в неразрешенном состоянии. Лидеры индейских сообществ сохраняют фактический контроль над частью земель, где трудятся в том числе мелкие производители. С позиций индейского права они не могут быть собственниками, а только пользователями земли, и, таким образом, не могут выделить ее в обособленное пользование. В последние десятилетия проблема землевладения не поднимается политическими силами Эквадора, поскольку индейская элита не заинтересована в изменениях этой ситуации, а западная кодификация не представляет возможных решений этих проблем. Серьезным являются уже вопросы о том, насколько западная система правового регулирования может вмешиваться в

данную сферу, и нужно ли регулировать ее исключительно с культурно-исторических позиций.

Вопрос соотношения систем и направлений правового регулирования получил дальнейшее развитие в докладе профессора факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидата юридических наук, доцента **Татьяны Анатольевны Алексеевой**, которая отметила, что стремление к балансу

и гармонии частных и публичных интересов сопутствует всей истории развития права. Римскому праву присуща мультикультурность, которая во многом и сделала его культурным достоянием мирового масштаба и всего человечества. Уникальность римского права заключается в гармонизации в нем частных и публичных интересов,

индивидуализма и солидаризма. Каждый римский гражданин осознавал, что является не только индивидом, личностью, но и частью единого целого, частью римского народа, что, как правило, не получает должного освещения в цивилистической литературе. Основная идея римского права получила отражение в выражении известного римского юриста Помпония: «Право не может существовать иначе, как при наличии сведущих в праве лиц, посредством которых оно могло бы ежедневно продвигаться к совершенству». Она отражает в том числе современную мечту о развитии права. Но в древние времена деятельность римских юристов была продиктована общественной потребностью, она была необходима в силу специфики римского права и, в том числе, отношения к закону. Главной определяющей основой их деятельности была справедливость, следование которой делало их патриотами. Это, в частности, выражалось в том, что несмотря на работу в сугубо практической плоскости, заботясь о справедливости и стремясь разрешить каждый встречающийся конфликт, они все время заботились о благе своего народа и его завтрашнем дне. Римский термин *jus* происходит не от понятия «правосудие», как его долгое время переводили, а именно от понятия «справедливость».

Профессор Т. А. Алексеева подчеркнула, что древнеримский юрист Ульпиан, которому традиционно приписывается деление права на частное и публичное, в действительности не делал такого противопоставления и имел в виду совсем другое. Он говорил о необходимости разграничения изучения римского права и в методических целях указывал на то,

что именно изучение права распадается на две части – право частное и право публичное. И саму эту фразу также необходимо правильно переводить, поскольку публичное право, по словам Ульпиана, это то, что относится «к положению римских дел» (там нет и не может быть термина «государство»), а к частному праву относится то, что имеет отношение к пользе частных лиц. В основе такого разделения для римских юристов лежат исключительно соображения пользы – частной или общей, публичной, но не государственной.

Интересным продолжением тематики древнеримской культурно-исторической традиции стал доклад доцента кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидата юридических наук, доцента **Сергея Николаевича Касаткина**, рассмотревшего роль римского претора в качестве эталона идеального судьи.

Сергей Николаевич обратил внимание на важный момент содержательного контекста, который связан с обращением к традиции. Это является особенно важным элементом практической деятельности в широком смысле, поскольку именно традиция позволяет удерживать какое-то пространство, внутри которого мы можем осознать свое собственное место, собственную позицию, определить для себя ориентиры развития. Это не означает оценку традиции в положительном или отрицательном ракурсе, но означает необходимость ее учета, как минимум, для осмысления и понимания, в том числе, возможно, и того, от чего мы будем должны отказаться.

Фигура римского претора является показательной в этом смысле. В рамках республиканского Рима предклассического и классического периода она была ключевой в судопроизводстве. Римское право формирует универсальный стандарт правовых рассуждений, который и признается ценностью западной цивилизации. И для его развития традиционно подчеркивается вклад претора, которому приписывается создание образцовых юридических конструкций. Между тем, по мнению С. Н. Касаткина, к этому нет достаточных оснований. Деятельность претора включала, во-первых, издание эдикта, в котором указывались возможные дополнительные общественные отношения, получающие правовую защиту. Кроме того, на первоначальной стадии процесса претор решал, давать или не давать иск, т.е. принимать или не принимать определенные притязания к рассмотрению. При этом показательно, что он, с одной стороны, мог признавать, давать судебную защиту притязаниям, которые не имели прямого основания в гражданском праве, а, с другой стороны, мог и отказывать в притязаниях, которые, по его мнению, были несправедливы, хотя и проистекали из писаного права. Также в формулярном процессе претор давал формулу. С формальной точки зрения это приказ для

судьи о принятии соответствующего решения, а содержательно это модель или алгоритм внесения решения, которым должен был воспользоваться судья, если подтвердятся факты, заявляемые истцом или ответчиком. Наконец, у претора были административные средства – экстраординарные полномочия, которые позволяли продвигать определенные позиции в рамках процесса. Эти полномочия и деятельность преторов привели к тому, что римское право стало трансформироваться от узконациональной формальной системы норм и положений в универсальный механизм разрешения споров. В этом смысле преторское право – это живой голос гражданского права, который дополняет, исполняет и исправляет его. Это образец судейского усмотрения и судейского активизма, которые стали одним из эпицентров обсуждения в философско-правовой мысли XX в. И главная идея здесь – в неретроспективном характере деятельности претора. Он создает авторитетные примеры, которые можно использовать при принятии решений, но они не исчерпывают решения. Эти примеры создают систему ориентиров, которые можно использовать при принятии решений, но не несут в себе предопределенности. В этом смысле аргументация претора ориентирована в будущее, она заключает в себе идею открытости.

Таким образом, важно правильно понимать роль и значение римской юриспруденции и правильно использовать ее идеи в условиях современности, когда мы ориентированы на стандарты права, предполагающие формальный, институциональный характер его организации, а, с другой стороны, институциональный и бюрократизированный характер судопроизводства. Поэтому стандарты римского права и модели аргументации, которые в нем заложены, безусловно, являются авторитетными, но нуждаются в более подробном осмыслении на предмет их применимости для современной России и других правовых систем.

Интересный ракурс обращения к правовым традициям выбрал в своем докладе заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат исторических

наук, доцент **Евгений Леонидович Поцелуев**, проследив взаимосвязь между византийским правом и древнерусским законодательством.

Он отметил, что после введения христианства на Руси русская церковь была подчинена константинопольскому патриарху и осуществляла церковное правосудие по его законодатель-

ным актам, среди которых наибольшее распространение получили такие, как Номоканон, Эклога и Прохирон. Последний действовал на Руси под заголовком Закон Градский, был рассчитан преимущественно на судебное применение и содержал нормы уголовного, гражданского и семейного законодательства. При этом определенная часть его норм противоречит Эклоге. В целом влияние обоих источников на древнерусское правовое регулирование было связано, главным образом, с подсудностью. При разрешении дел суды руководствовались не нормами обычного права, а именно византийским законодательством.

Наиболее ярко влияние византийского права проявляет себя в брачно-семейной сфере. Так, византийские источники называют различные возрастные требования для вступления в брак, однако в древнерусской правовой реальности они часто не соблюдались и допускались браки малолетних. Среди заимствованных норм было требование об отсутствии кровного родства и свойства, а также родства духовного (крестные и крестники). Запрещалось многоженство, что также не исключало нарушений на практике, но, главным образом, в отношении князей. С формальных позиций запрещалось вступать в брак венчанным. На практике же на Руси опять случались отклонения: если один из вступающих в брак уже был венчан, его не венчали, но при этом совершали обряд венчания над другим супругом.

В Византии и византийском праве отношение к браку было как к таинству. Был широко распространен аскетический взгляд на институт брака, согласно которому предписывалось по возможности воздерживаться не только от плотских связей вообще, но и от брачного жития в частности. Настойчиво проводилась концепция брака как таинства, посредством которого человек приобщается к Богу. Тем не менее эти особенности христианской концепции брака не были восприняты древнерусским правом в том виде, как в византийском. Поэтому мы можем констатировать рецепцию норм византийского права в Древней Руси, но она не была слепым механическим копированием этих норм, привнося туда собственные культурологические особенности.

Осмысление средневековых правовых традиций на конференции было представлено докладом доцента кафедры теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидата юридических наук, доцента **Арины Игоревны Федюшкиной**.

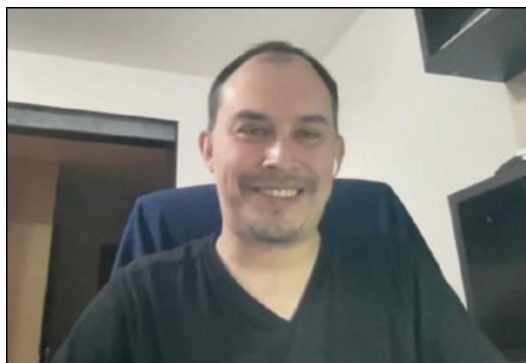
Она отметила, что чаще всего при исследовании источников средневекового права мы концентрируемся на изучении текстуальной традиции представления правовой нормы, например систематизации обычного права. Но при этом существует интересная, уникальная традиция визуализации правовых норм в памятниках средневекового права.

Традиционно изображения в истории права воспринимаются как вспомогательная, второстепенная часть рукописи, выполняющая в большей мере декоративные функции. Но это не совсем верно.

По мнению А. И. Федюшкиной, среди иллюстрированных манускриптов правовых памятников можно выделить две группы рукописей. Первая группа – это рукописи, в которых миниатюры, иллюстрации полностью дублируют текст, повторяя содержание правовой нормы в виде определенного изображения. Вторая группа интересна тем, что в данных рукописях основной целью миниатюры является не дублирование, а дополнение текста, т.е. дополнение содержания правового памятника. В численном отношении источники второй группы встречаются реже. Примером первой группы манускриптов является Декрет Грациана, все миниатюры в котором повторяют содержание правовых норм и служат визуальным средством упрощения и быстроты понимания содержания. Вторая группа представлена рукописями Саксонского зеркала. В нем миниатюры уже нельзя воспринимать как просто декоративные элементы манускрипта – они выполняют множество разных функций: помогают читателю текста запоминать его содержание, объясняют смысл, приведенный в тексте правовой нормы, представляют в особой символической форме юридическую терминологию и даже служат дополнительным способом навигации по тексту манускрипта. Миниатюры в Саксонском зеркале составляют органическое единство с текстом и изначально должны передавать нормативное содержание наравне с ним.

Таким образом, можно заключить, что появление источников, содержащих одновременно и текстуальную форму закрепления содержания правового предписания, и средства образной визуализации, является маркером перехода от устной правовой традиции к более формализованной письменной традиции.

Продолжением рассмотрения восточных правовых традиций стал доклад директора Центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и

управления, доктора исторических наук **Павла Николаевича Дудина**, посвященный традициям кодификации права в странах Восточной Азии.

Для примера он сосредоточил внимание на опыте китайской кодификации права. Эволюция традиции кодификации здесь насчитывает три основных этапа: 1) имперский этап, когда

сложилась и обрела устойчивые черты традиция кодификации, сохраняя их фактически в неизменном виде до XIX в.; 2) этап рецепции европейского права, когда в регион проникают европейские державы, причем проникают не только торговлей и оружием, но и через правовую сферу; 3) современный этап, в котором наиболее любопытен опыт гражданской кодификации 2020 г.

В первый период правовые традиции Китая выходят за пределы самой империи и распространяют свое влияние на соседние государства. Она развивается под влиянием японского, монгольского и вьетнамского векторов взаимодействия.

На втором этапе рецепции европейского права Китай как в уголовной, так и в гражданско-правовой сфере взял за основу французскую кодификационную традицию. Она нашла свое воплощение, в первую очередь, в том, что в качестве основных источников права за неимением единого кодекса использовались правовые принципы, которые были в 1918 г. сведены в сборники судебных решений. И, таким образом, судебная практика, вслед за правовыми принципами, стала ключевым источником права. В отдельных моментах кодификации гражданского законодательства наблюдается смешение французской и немецкой правовых традиций.

Подводя итог, П. Н. Дудин отметил, что любая правовая традиция носит весьма условный характер, и даже если какие-то аспекты в отдельных традициях совпадают, это не значит, что имеет место быть непосредственно заимствование. По его мнению, многие традиции правового регулирования сходны просто потому, что право регулирует типизированные отношения.

Продолжая тематику древневосточных правовых традиций, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Светлана Васильевна Волкова** подчеркнула, что Древняя Индия в этом смысле являет собой благодатную почву для исследователей, что подтверждают многочисленные обращения к данной правовой традиции среди современных ученых. Наиболее ярко эта традиция проявляет себя в таком правовом памятнике, как Законы Ману. В них отражены самые различные нормы, но наиболее показательны имеющие место элементы судебной психологии. Первая профессиональная необходимость у судей – это их личная ответственность.

Чтобы достичь должного, судья должен постоянно, днем и ночью, заботиться о том, чтобы обуздывать свои чувства, избегать пороков. Поэтому государю, осуществляющему суд, отбросив симпатии и антипатии, надо поступать объективно и справедливо, подавляя гнев и обуздывая свои чувства. Дополнительными требованиями к судьям выступают тактичность, вежливость, сдержанность в манерах поведения, эмоциях и

речи. Во многом образ судьи транслируется в текстах дхармашастр через образ царя. Но в целом из правовых норм можно сделать вывод о широком присутствии этического компонента, акцентирующего внимание на образе судьи, который через соответствующие этические требования в определенной мере отражается и в современности.

В завершение конференции всеми участниками была отмечена плодотворность состоявшейся научной дискуссии, в которую удалось вовлечь представителей различных гуманитарных наук. Правовые традиции Востока и Запада получили самое широкое рассмотрение, позволившее по-иному взглянуть на привычные правовые категории и нормы. Выводы исследовательских изысканий, проведенных в рамках конференции, будут положены в основу дальнейших научных работ, сформировав фундаментальные начала индивидуальных и коллективных доктринальных исследований.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Обзор Юбилейной осенней научной сессии «Культурно-исторические традиции права», посвященной 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета (25 ноября – 16 декабря 2022 года) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 126–162.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. The review of the Anniversary Autumn Scientific Session “Cultural and Historical Traditions of Law”, dedicated to the 60th anniversary of the Chamber of Theory and History of State and Law of Voronezh State University (November 25 – December 16, 2022) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 126–162.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: ilbas@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
Работы победителей студенческого конкурса
«Цивилизационные исследования
государственности»

Начинаем публикации работ победителей студенческого конкурса «Цивилизационные исследования государственности», проведенного в рамках Юбилейной осенней научной сессии «Культурно-исторические традиции права», посвященной 60-летию кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета. В этом выпуске в разделе «Приложения к Журналу» представлены работы, посвященные исследованию особенностей государственности Древнего Востока.

УДК 340.152

**ПРОБЛЕМЫ И ПРЕИМУЩЕСТВА МЕХАНИЗМА
УПРАВЛЕНИЯ ДРЕВНЕВОСТОЧНОГО ГОСУДАРСТВА**

М. М. Рыльков

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

Аннотация: предметом исследования статьи является анализ государственной власти в древневосточных государствах. Именно на этой территории начали формироваться первые государственные образования. Толчком для создания уникальных черт управления государством послужили природно-климатические факторы и замкнутость общины. Функционирующие элементы механизма управления в исследуемых государствах – сакрализация власти, доминирование интересов общества над личностью, коллегиальность – обладали рядом достоинств и недостатков и в разной степени влияли на развитие государственной власти в древневосточных государствах.

Ключевые слова: древневосточная деспотия, государственность, сакрализация власти, механизм управления, централизация.

© Рыльков М. М., 2023

THE PROBLEMS AND THE ADVANTAGES OF THE GOVERNANCE MECHANISM OF THE ANCIENT EASTERN STATE

M. M. Rylkov

Voronezh State University

Abstract: the subject of this article is the analysis of state power in the Ancient Eastern states. It was on this territory that the first state formations began to form. The impetus for the creation of unique features of government was the natural and climatic factors and the isolation of the community. The functioning elements of the control mechanism in the states under study – the sacralization of power, the dominance of the interests of society over the individual, collegiality – had a number of advantages and disadvantages and influenced the development of state power to varying degrees in the Ancient Eastern states.

Key words: Ancient Eastern despotism, statehood, sacralization of power, control mechanism, centralization.

Государства Древнего Востока представляют собой уникальный опыт механизма управления, сформированный под влиянием природно-географических и культурных факторов и сохранявший устойчивость на протяжении многих веков своего развития. Древневосточная государственность представляет собой исторически первый опыт возникновения и эволюции государственной власти. Говоря о Древнем Востоке, стоит отметить, что в исторической науке понятие «Восток» используется не только как географическое, но и как историко-культурное, цивилизационное понятие. Именно здесь, на территории Ближнего Востока, а затем в Северной Индии, Китае, Юго-восточной Азии в IV–I тысячелетиях до нашей эры возникли первые государства и правовые системы. Всё это обуславливается природно-климатическими факторами возникновения государства, формой правления, отношениями государства и людей между собой, своеобразием экономических процессов, особенно сферами общественного строя. Наиболее крупными цивилизациями древности являются египетская, ассирийско-вавилонская, индо-буддийская, конфуцианско-китайская, которые формировались в бассейнах крупных рек. Они начали своё формирование у самых крупных рек – Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и др., которые были использованы для удобства земледелия. Доказательством этого может послужить территория Древней Месопотамии, которая является прародительницей первых городов-протогосударств. Данная местность почти сразу смогла сформировать государственность благодаря территориальному аспекту Древнего Востока, в том числе благодаря наличию крупных рек близ этих тер-

риторий. Дополняя тезис о большом влиянии рек на становление государственности на обсуждаемых территориях, можно добавить, что наличие крупных рек предполагало организацию коллективной эксплуатации природных ресурсов, что являлось основной функцией государства. Это помогло сформировать централизованную экономику, которая является признаком сильного управления из центра.

Уникальность общественного строя данных государств заключается в его социальной базе – общине. Её огромная роль в жизни отдельного индивида обусловила её рассмотрение им как важнейшей ценности¹. Община, имеющая огромное влияние и значение, диктовала направления деятельности политики в этих обществах, особенности правовых систем и сохранила многие отличительные признаки патриархально-родовой организации. Данные общины были и городскими, и сельскими, являлись своеобразным закрытым миром, были основаны на натуральном хозяйстве. Особенностью государственно-правового регулирования на Древнем Востоке было отсутствие чётких критериев для определения правового статуса того или иного лица, в связи с чем целый ряд категорий занимал промежуточное положение между свободными и зависимыми (рабами). Далеко не всегда в древневосточном обществе можно было констатировать, что один индивид обладает равным социально-экономическим положением и сословно-правовым статусом. Для такой уникальной социальной структуры было характерно иметь господствующую религиозную идеологию. Это проявлялось в том, что, во-первых, основополагающую роль наряду с законами играла религия и целая система моральных, нравственных и идеологических принципов. А во-вторых, правителей государств Древнего Востока обычно обожествляли, перенося религиозный образ либо на личность, либо на саму государственную власть. Именно поэтому все древневосточные деспотии являлись теократическими государствами.

С формированием и развитием государства в качестве главного регулятора общественной жизни также эволюционировали законы (право). Для государств Древнего Востока одним из главных источников права являлся обычай, однако именно в древневосточных государствах наиболее рано появляются первые письменные законодательные акты. Древнейшими из них традиционно считаются законы вавилонского царя Хаммурапи, которые по степени подробности и рациональности регулирования общественных отношений ставятся учёными на второе место после такого масштабного источника права, как свод законов Юстиниана. Закон в правосознании древневосточного человека часто ассоциировался с наказанием, это было обусловлено жёсткой карательной политикой го-

¹ См.: *Зобнин В. С., Орлова С. В.* Социально-правовая роль общины в обществе Древнего Вавилона // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 8. С. 116.

сударства, предусматривающей более суровые наказания для нижестоящих членов общества, подчинённое положение женщины по отношению к мужчине, детей по отношению к отцу². На Древнем Востоке право носило сакральный, казуистический, сословный характер, что было естественно для начальных этапов развития государственности, поскольку право античного мира имело сходные черты. Интересно, что при подчёркнутом сакральном характере власти и законов правовое регулирование древневосточных государств во многом носило рациональный характер (примерами являются упомянутые ранее законы Хаммурапи, законы Ману и законы Нарады).

Государства древневосточной цивилизации прошли в своём развитии несколько этапов. С самого начала на Древнем Востоке наиболее распространёнными были «номовые» государства либо города-государства. Первый тип государства был в Древнем Египте, а второй – в Верхней Месопотамии. Существовали и слабые государственные образования, которые находились в определённой зависимости у более сильных государств из-за дефицита материальных и людских ресурсов³. Подобные сильные царства начинали закладывать в себе черты древних империй, к примеру: насильственное присоединение новых территорий за счёт их ограбления, превращение людей в рабов для увеличения числа подвластного эксплуатируемого населения. Ввиду этого на Древнем Востоке складывается новый этап развития – имперский. Чтобы проводить основные направления деятельности империи в границах огромной территории, нужно было иметь сильный и единый центр управления, который опирался на единые административно-территориальные единицы во главе с местными правителями. Так как они не играли существенную роль, методы и средства, при помощи механизма управления, начинали ужесточаться благодаря военной силе для достижения определённых целей. Поэтому применительно к государствам Древнего Востока начали использовать термин «древневосточная деспотия», которая характеризовала монархическую форму правления с абсолютной властью обожествляемого правителя, выступающего высшим судьёй, единоличным законодателем, который обладал подчинённым административным аппаратом с функциями полного надзора за подданными. История данного термина начинается с того, что, как писал Геродот, египетские царидеспоты насильно закрывали храмы и заставляли возводить огромные усыпальницы для себя. Деспотизм порождался самой сутью общины, её замкнутостью, приоритетом общества перед человеком. Складывающаяся

² См.: Шпалтаков В. П. Особенности взаимодействия государства, общества и экономики на Древнем Востоке // Инновационная экономика и общество. 2015. № 2. С. 19.

³ См.: История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. / О. А. Жидков [и др.] ; отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2015. Т. 1, Древний мир и Средние века. С. 36.

тенденция в управлении государством показывает нам, что на самом деле в древневосточном обществе наглядно формировались только два класса: управляющие и управляемые. На вершине управляющего класса стоял царь, у которого имелась особенная роль во всей системе государства.

Власть деспотического правителя определялась не только при помощи поддержки со стороны бюрократического аппарата, военной части, но и благодаря сакрализации, которая была обеспечена жреческим сословием. Обожеествлялась и личность царя, и его власть. Фигура божественного правителя на Древнем Востоке оставалась ключевой и выражала наиболее существенное в древневосточной культуре, но не везде степень сакрализации была одинаковой. Благодаря данным процессам царь и бог в одном лице, возглавляющий весь механизм государства, не имел барьеров для проведения единоличной политики, которая не всегда была направлена на улучшение жизни народа. В древнеегипетском понимании влияние богов на людей осуществлялось преимущественно через царствующую особу – фараона⁴. Царь пользовался неограниченными полномочиями, выразившимися в возможности привлечения огромного количества населения для выполнения крупных государственных проектов, в том числе в части эффективного функционирования ирригационных систем. В данном случае сакральный характер власти был явным преимуществом в механизме управления древневосточных государств, поскольку правителям не нужно было отчитываться за свои действия, всё общество свято верило в намерения своего царя, так как в его сознании он выступал покровителем, создававшим из хаоса мир и порядок. В Древнем Египте сакрализация власти правителя (фараона) проявляется наиболее ярко. Царь признавался хранителем жизни не только на земле, но и после смерти. Строительство усыпальниц для фараонов в общественном сознании являлось не эксплуатацией, а исполнением своего социального долга, тем самым они подготавливали себя к посмертному существованию. Главным приближённым помощником фараона в управлении государством был чатти, который являлся одновременно и жрецом города – резиденции правителя. В его фигуре сакрализация государственной власти получала продолжение, поскольку его образ и власть обожеществлялись, в связи с чем он имел огромные полномочия, выходявшие за рамки управления только царским двором. Чатти осуществлял контроль над управлением всей страной как в центре, так и на местах, руководил Главной судебной палатой. Таким образом, обожествление личности правителя и государственной власти в целом является одним из преимуществ механизма управления в древневосточных государствах, поскольку это способствует наиболее эффективному

⁴ См.: Швечиков А. Н. Мир сакрального в культуре Древнего Египта // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 2. С. 71.

управлению подданными, а на практике приводит к быстрой реализации государственных проектов по строительству и ирригации. Управляющий класс мог использовать свои преимущества без угрозы восстания, недовольства общества в силу абсолютной веры в правильность действий царя-полубога и его приближённых.

Абсолютное доминирование государства над обществом, политика террора, направленная не только на наказание преступников, но и на нагнетание страха перед властью (и уважения к ней), являлись особой чертой деспотического общества. Государство контролировало все сферы деятельности и отношений людей в обществе, распространяя это и на частную, семейно-правовую, сферу. В правосознании подданных формировался страх перед правителем и одновременно вера в его всемогущество как субъекта, призванного карать произвол и зло. В древневосточном обществе правящая верхушка всегда поддерживала традиционные ценности (просвещенный характер власти, идею высшей божественной справедливости, всеисилие закона), которые способствовали безоговорочному почитанию власти. Всё это порождало отсутствие гражданского общества, поскольку в управлении государством принимала участие исключительная «категория избранных». Сосредоточение в руках восточного государства всей полноты социально-экономической и политической власти, при отсутствии возможности хоть как-то противостоять ему со стороны общественных структур, лишало человека права выбора этой власти⁵. Общество было основано не на индивидуализме, а на коллективизме без признания личных прав и свобод человека. Так, в Древнем Египте имя фараона запрещалось произносить вслух, оно являлось священным⁶. В Древнем Китае, в эпоху Чжаньго, был проведён целый ряд реформ для абсолютизации контроля над обществом. Шан Ян прямо писал, что «власть – это то, чем располагает лишь правитель». Обществу не давали условий для развития, возможностей влияния на власть: оно должно было подчиняться велению царя и его приближённых, опасаясь жестоких наказаний за их нарушение.

Другой интересной чертой развития древневосточных государств являлось наличие элементов коллегиальности наряду с единоначалием. В этом отношении наиболее показательным является пример Древней Индии. Наряду с раджей государственное управление осуществлял совет старейшин – паришад, являющийся совещательным органом. Это не уменьшает его значения в процессе управления страной, ведь царь при осуществлении той или иной функции опирался на мнения брахманов и

⁵ См.: Феномен восточного деспотизма : структура управления и власти : сб. статей / отв. ред. Н. А. Иванов. М., 1993. С. 28.

⁶ См.: Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран : в 4 т. Воронеж, 2020. Т. 1, Государство и право древневосточных цивилизаций. С. 17.

кшатриев, из которых состоял совет старейшин. Коллегиальное управление государством было выведено как принцип в Артхашастре. Со времён династии Маурьев возникают специальные чиновники центрального аппарата, делившиеся по основным ведомствам: контроля за строительством, обеспечения армии, финансовое и т.д. Не вся территория была подчинена радже, она делилась на царские земли, управляемые дворцовым аппаратом. Высока роль была и у органов местного управления, в частности в сельских общинах, в которых многие важные вопросы решали общим сходом или советом старейшин. Процессы, которые происходили в Древней Индии, говорят об элементах децентрализации механизма управления, но они не мешали государству оставаться единым. Наличие признаков коллегиальности не уменьшало власть верховного правителя, а лишь способствовало её более эффективному осуществлению. Организацию локального управления с использованием местных представителей, знающих местные обычаи, можно считать одним из эффективных приёмов управления, способствующих стабильности государственного развития.

Во всех государствах Древнего Востока одной из главных мыслей оставалось сохранение рабовладения и натурального хозяйства. Государство в лице царя было собственником огромных земельных владений и ремесленных мастерских, разбросанных по всей территории той или иной страны⁷. Политика, проводимая управляющим классом, была направлена против торгово-ростовщических операций. В частности, в Древнем Вавилоне царь Хаммурапи для этого провёл целую реформу, которая была направлена на максимальный контроль деятельности купцов и ростовщиков – тамкаров, которые превратились в агентов, попавших на государственную службу. Создание ирригационных систем и контроль над ними требовали активного участия государственных органов, которые направляли огромное количество рабов для достижения вышперечисленных целей. Памятники истории Древнего Востока свидетельствуют о том, что абсолютно вся экономическая система общества зависела от произвола властей. Согласно законам Ману, в Древней Индии кредитору разрешалось возвращать долг при помощи силы. Придя домой к должнику и захватив его, кредитор имел право избивать его и морить голодом, пока тот не отдаст весь долг. Подтверждением желания властей как можно сильнее централизовать экономику может служить фраза древнекитайского реформатора Шан Яна: «Три основные функции государства – земледелие, торговля и управление». Данной концепцией руководствовался Древний Китай на протяжении всей своей истории, которая характеризовалась полным контролем торговли и ремесла, ограни-

⁷ См.: Государство и социальные структуры на Древнем Востоке : сб. статей / отв. ред. М. А. Дандамаев. М., 1989. С. 4.

чением частной собственности. Первые шаги к этому были сделаны до Шан Яна⁸. Так, чрезмерная государственная опека натурального хозяйства обусловила процесс стагнации в экономических отношениях. Вышеизложенные положения выражали проблему механизма управления древневосточных государств, потому что без возникновения и развития товарно-денежных отношений, свободы проводимых операций государство не способно развиваться дальше.

Таким образом, механизм осуществления государственной власти на Древнем Востоке очень сложен, иногда противоречив, но одновременно и уникален. Механизм управления, сформированный здесь, не был случаен, он развивался в определённых условиях, поэтому каждый его элемент не может быть рассмотрен односторонне. В итоге можно выделить самые основные характерные черты механизма управления: тесная связь религии и государства, доминирование интересов коллектива над личностью, обожествление власти, которые имеют множество преимуществ и проблем с преобладанием первой или второй характеристики в различных аспектах государств Древнего Востока. Так, многие черты древневосточной деспотии можно отнести к числу недостатков: жёсткая эксплуатация населения, чрезмерно жестокие законы, сословность. Но в то же время имелось и множество элементов, обеспечивавших эффективность и стабильность функционирования государств Древнего Востока: коллегиальность управления, эффективная организация работ за счёт обожествления власти, рациональность законов. Стабильность, которая была в механизме управления стран Древнего Востока, находит отголоски в современности. Так, кастовая система иерархии сохраняется в современной Индии, а в современном Китае действует правило неукоснительного уважения и авторитета власти. Большинство элементов, используемых в древневосточном механизме управления, соответствовали существовавшему в то время укладу жизни, поэтому деспотия была закономерным явлением, обеспечивавшим эффективное существование и развитие государства и общества.

Библиографический список

Государство и социальные структуры на Древнем Востоке : сб. статей / отв. ред. М. А. Дандамаев. – М. : Наука, 1989. – 158 с.

Зобнин В. С. Социально-правовая роль общины в обществе Древнего Вавилона / В. С. Зобнин, С. В. Орлова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – № 8. – С. 116–120.

Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран : в 4 т. / Ю. А. Иванов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – Т. 1, Государство и право древневосточных цивилизаций. – 271 с.

⁸ См.: Седов А. В. История древнего Востока : от ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.

Иванов Ю. А. История до европейской эры : становление цивилизации, государства и права на Древнем Востоке : монография / Ю. А. Иванов, Н. П. Писаревский. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – 194 с.

История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. / О. А. Жидков [и др.] ; отв. ред. Н. А. Крашенинникова, О. А. Жидков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2015. – Т. 1, Древний мир и Средние века. – 719 с.

Крашенинникова Н. А. История права Востока : курс лекций / Н. А. Крашенинникова. – М. : Издательство Российского открытого университета, 1994. – 168 с.

Седов А. В. История древнего Востока : от ранних государственных образований до древних империй / А. В. Седов. – М. : Вост. лит., 2004. – 895 с. : илл., карты.

Феномен восточного деспотизма : структура управления и власти : сб. статей / отв. ред. Н. А. Иванов. – М. : Наука, 1993. – 390 с.

Швечиков А. Н. Мир сакрального в культуре Древнего Египта / А. Н. Швечиков // Вестник Тамбовского университета. – 2009. – № 2. – С. 68–74.

Шпалтаков В. П. Особенности взаимодействия государства, общества и экономики на Древнем Востоке / В. П. Шпалтаков // Инновационная экономика и общество. – 2015. – № 2. – С. 12–24.

References

The state and social structures in the Ancient East : collection of articles / ed. by M. A. Dandamaev. – М. : Nauka, 1989. – 158 p.

Zobnin V. S. Socio-legal role of the community in the society of Ancient Babylon / V. S. Zobnin, S. V. Orlova // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. – 2015. – No. 8. – Pp. 116–120.

Ivanov Yu. A. History of the state and law of foreign countries : in 4 volumes / Yu. A. Ivanov. – Voronezh : VSU Publishing House, 2020. – Vol. 1, State and Law of Ancient Eastern civilizations. – 271 p.

Ivanov Yu. A. History before the European Era : the formation of civilization, state and law in the Ancient East : monograph / Yu. A. Ivanov, N. P. Pisarevsky. – Voronezh : VSU Publishing House, 2017. – 194 p.

History of the state and law of foreign countries : textbook : in 2 volumes / O. A. Zhidkov [et al.] ; ed. by N. A. Krasheninnikova, O. A. Zhidkov. – 3rd ed., reprint. and additional – М. : NORM: INFRA-M, 2015. – Vol. 1, The Ancient World and the Middle Ages. – 719 p.

Krasheninnikova N. A. The history of the law of the East : a course of lectures / N. A. Krasheninnikova. – М. : Publishing House of the Russian Open University, 1994. – 168 p.

Sedov A. V. The History of the ancient East : from early state formations to ancient empires / A. V. Sedov. – М. : East lit., 2004. – 895 p. : fig., maps.

The phenomenon of Eastern despotism : the structure of management and power : a collection of articles / ed. N. A. Ivanov. – М. : Nauka, 1993. – 390 p.

Shvechikov A. N. The world of the sacred in the culture of Ancient Egypt / A. N. Shvechikov // Bulletin of the Tambov University. – 2009. – No. 2. – Pp. 68–74.

Shpaltakov V. P. Features of interaction of the state, society and economy in the Ancient East / V. P. Shpaltakov // Innovative economy and society. – 2015. – No. 2. – Pp. 12–24.

Для цитирования:

Рыльков М. М. Проблемы и преимущества механизма управления древневосточного государства // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 163–172.

Recommended citation:

Rylkov M. M. Problems and advantages of the governance mechanism of the Ancient Eastern state // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 163–172.

Сведения об авторе

Рыльков Михаил Михайлович – студент образовательной программы специалитета «Судебная и прокурорская деятельность» юридического факультета
E-mail: mixan.7772004@gmail.com

Information about author

Rylkov Mikhail Mikhailovich – Student of the Educational Program for Specialists “Judicial and Prosecutorial Activity”, Law Faculty
E-mail: mixan.7772004@gmail.com

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ДЕСПОТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДРЕВНЕМ КИТАЕ

Д. А. Чеботарев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 декабря 2022 г.

Аннотация: предметом данного исследования является анализ динамики развития древнекитайской государственности, институтов власти и системы публичного управления. Также оценивается влияние существовавших в то время школ правопонимания на организацию китайской государственности.

Ключевые слова: древневосточная деспотия, Древний Восток, Древний Китай, конфуцианство, легизм.

THE IDEOLOGICAL GROUNDS OF DESPOTIC POWER IN ANCIENT CHINA

D. A. Chebotaryov

Voronezh State University

Abstract: the subject of this study is analyzing the dynamics of the development of ancient Chinese statehood, institutions of power and the executive system. The influence of the schools of legal understanding that existed at that time on the organization of Chinese statehood is also estimated.

Key words: ancient eastern despotism, Ancient East, Ancient China, Confucianism, legalism.

Современные ученые сходятся во мнении, что многим древним государствам на Востоке была свойственна такая форма правления, как древневосточная деспотия. Она характеризовалась тем, что власти в такой организации предавался сакральный характер, нередко сам представитель власти являлся выходцем из организации культа.

Для такой организации государственной власти был характерен примат государственных интересов над интересами личности, большое количество законов, нередко противоречащих друг другу, но требующих неукоснительного соблюдения и исполнения от рядовых граждан. Также была характерна сакрализация образа правителя и религиозный характер власти. Так, например, в Египте правитель считался посредником

между небом и землей, а в Вавилоне у правителя был свой культ, где в качестве покровителя царя выделялся бог Мардук.

Одним из ярких примеров государства с древневосточной деспотией – Древний Китай, в котором ряд признаков данного типа государственно-управления проявлялся весьма наглядно, а одним из показательных элементов данного механизма управления была древнекитайская система наказаний, весьма жестокая¹. В частности, в период Инь (XVIII–XII вв. до н.э.) применялась такая практика, как наказание огнем, разрубание на мелкие части, закапывание в землю живьем, лишение конечностей и выкалывание глаз. Позже, в Чжоуский (XII–VIII вв. до н.э.) период развития государства был составлен такой памятник права, как «Уложение Му-Вана», он устанавливал весьма далекую от гуманизма систему наказаний за всякого рода преступления, к которым относились клеймение тушью на лице, отрезание носа, отрубание ног, кастрация мужчин, обращение женщин в рабынь, отрубание головы².

Достаточно долго существовавшая китайская система государственного управления, включавшая в себя жесточайшую на Древнем Востоке систему наказаний, дает основания многим исследователям относить тип государственного управления в Древнем Китае к древневосточной деспотии. Это характеризовалось и тем, что государство стремилось активно контролировать экономическую сферу. Настолько сильно, что в Древнем Китае, вплоть до VI в., существовала государственная собственность на средства производства. Несмотря на то, что в период Чжоу и Чжаньго значительная составляющая государственной собственности перешла в частные руки, Цинская империя объединила предпринимательство и ингибировала процесс приватизации, что способствовало укреплению страны.

Но одной из наиболее ярких черт древнекитайской системы организации власти было то, что в ней как нигде более был силен идеологический компонент. Как говорилось ранее, власть вана (императора) носила сакральный характер и передавалась по наследству. Институту верховной власти с самого возникновения Китая придавался божественный характер, что видно и в лингвистическом анализе иероглифов шан 商, хуан 皇 и ди 帝³, которые обозначают человека с перьевым головным убором. В китайском фольклоре такому атрибуту придавалось божественное зна-

¹ См.: *Моисеева О., Блинова О.* Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях // Юрислингвистика. 2022. № 24(35). С. 26–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnekitayskaya-politiko-pravovaya-mysl-o-nagradah-i-nakazaniyah>

² См.: *Исаев И. А.* История Государства и права зарубежных стран. М., 2008. С. 53.

³ См.: *Кравцова М. Е.* «Жёлтое» и «Зелёное» в палитре древнекитайской истории : некоторые соображения о генезисе китайской государственности // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42, № 1. С. 347–353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhyltoe-i-zelyonoe-v-palitre-drevnekitayskoy-istorii-nekotorye-soobrazheniya-o-genezise-kitayskoy-gosudarstvennosti>

чение, что нашло преемственность в том, какое положение занимал ван. Помимо этого, многими мыслителями того времени этот компонент долгое время вырабатывался и глубоко внедрялся в ментальность населения.

Примечательным также было то, что мыслители по-разному относились к такой жестокой архаической системе наказаний. Так, одним из первых критиков был великий философ Лао-цзы, автор известного труда «Дао Дэ Цзин». У него была достаточно оригинальная точка зрения на законы, например, он считал, что увеличение числа законов несколько не способствует снижению количества преступлений в обществе, наоборот, более детальная правовая регламентация наказаний порождает увеличение случаев неправомерного поведения населения в государстве. Помимо этого, он вообще не считал сильное государство важным механизмом управления, но полагал, что лучшее государство то, население которого своего правителя не знает. Самого же правителя он видел в качестве пассивного элемента организации власти.

Такой радикальный взгляд на проблему вполне объясним. Дело в том, что, угасая, государство периода Чжоу характеризовалось разрушением существовавшей ранее крепкой общины (вводился налог, который должны были уплачивать земледельцы после обработки своей земли, вместо обработки общинных полей), падением авторитета правителя и самого государства. Такой период вошел в историю под названием «Чжаньго», или период «Воюющих царств». Происходила форсированная регионализация Китая, сопровождавшаяся военными действиями. Это была своего рода эпоха «Великих потрясений», и такие обстоятельства, действительно, требовали появления философии, которая сможет поднять авторитет правителя, государства, возможно, сгладить противоречия между «воюющими царствами»⁴.

Таким образом, учение о «дао», настраивающее правителя на пассивность, т.е. на уменьшение количества инициируемых военных конфликтов, на ограничение поборов с подданных, было призвано восстановить авторитет верховной власти среди населения.

Впоследствии, будучи во многом основанным на учении о «дао», возникло учение Конфуция. Мыслитель полагал, что система государственного управления, наказание в которой осуществляется через жесткий закон, бесперспективна. Взамен такой системы наказаний Конфуций предлагал строить систему взаимодействия государства и личности по семейным принципам, т.е. представляя систему государственного управления, в котором монарх отождествлен с отцом, а народ с его детьми, не умаляя при этом авторитет института верховной власти⁵. Учение Конфуция было

⁴ См.: Яблоков И. Н. История религии. М. : Высшая школа, 2004. Т. 1. С. 389.

⁵ См.: Наумова Т. В. Сыновняя почтительность (Конфуций о древнекитайской культуре сыновней почтительности как об одной из основ государственного устройства) // Дискурс-Пи. 2004. Т. 4, № 1. С. 26–27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/synovnyaya>

нацелено на то, чтобы законодательство учитывало моральные принципы и установленные традиции, так как именно они являются наиболее эффективным инструментом удержания населения в повиновении.

Продолжил оформлять концепцию патриархальной системы управления один из известных последователей Конфуция Мэн-цзы. Он считал, что законы – это конструкт, который нужен для эффективного управления государством, а все, что нужно для нормального их функционирования, – это смягчение системы наказаний и выстраивание отношений государства и личности, совмещая жесткий закон и добродетель.

Даже с учетом критики сложившейся системы наказаний, обеспечивающих государственное управление, мыслители формировали в сознании населения образ правителя, подчинение которому не должно обсуждаться в любом случае. Они формировали в населении уважительное отношение как непосредственно к вану, «сыну Неба», так и ко всем его действиям.

Однако изначально слова этих философов не были услышаны, было образовано государство Цинь путем подчинения обособившихся китайских территорий. Основной идеологией империи стал легизм – полная противоположность конфуцианству, выступавшая за примат закона и установление сильной власти монарха. Примечательно, что Цинский период просуществовал всего лишь 14 лет⁶, после чего начался период Хань, идеологией которого было конфуцианство, а Ван Ман, правитель того периода, проводя свои реформы, смог смягчить социальные противоречия, основывая свое государственное управление на базе этого философско-политического учения.

Если рассматривать синтез этих двух учений, то стоит выделить заслуги каждого из них в развитии административного аппарата государства. Так, конфуцианство оказало влияние на механизм государственного управления тем, что созданный Конфуцием образ Цзюнь-цзы (благородного правителя) настолько укоренился в сознании китайского населения, что чиновничество просто не могло не подчиняться этой модели поведения. Легизм же, в свою очередь, вернее, его последователь Шэнь Бу-хай, ввел систему разграничения компетенции между чиновниками на основании их объективных способностей к выполнению той или иной функции. Эта идея стала предтечей введения экзамена на предмет знания конфуцианства (все-таки оно занимало главенствующую роль) для чиновников, что способствовало, во-первых, улучшению качества номенклатуры в китайском аппарате управления⁷, во-вторых, открытию социального лифта в го-

⁶ См.: *Иванов Ю. А.* История государства и права зарубежных стран. Воронеж, 2020. Т. I. С. 136.

⁷ См.: *Шарков А. В.* Социальная функция государства в Древнем мире (на материале Китая) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3. С. 292–296. URL:

сударственный аппарат для простого населения и, в-третьих, установлению меритократии, что, безусловно, влияло на полезность принимаемых чиновничеством решений. Такие тенденции, достигнутые синергией двух фундаментальных учений, несомненно, способствовали развитию бюрократического аппарата и системы государственного управления в Китае.

Так, этот, можно сказать, компромисс, представляя собой синтез этих двух идей, надолго лег в основу государственного управления в Китае. В 652 г. правителем по имени Тан Люй Шу И был издан законодательный акт, уже представляющий, по своей сути, более гуманные меры наказания. Теперь учитывались возраст, состояние здоровья и социальное положение преступника.

Особый интерес историков вызывает то, что динамика развития китайской государственности, претерпевая существенные изменения (от перехода права собственности на средства производства до ротации общественных регуляторов), не поддается линейному анализу, так как развивалась она циклически, т.е. в процессе становления государства вводились те новшества, которые соответствовали запросам времени и интересам государства, а рудиментарные конструкты отмирали ввиду своей неактуальности⁸. Именно поэтому Китай так долго сохранял свою государственность на протяжении огромного промежутка времени, в чем его отличие, например, от других государств Древнего Востока. В частности, от Древнего Египта, где система государственного управления практически не менялась на протяжении нескольких тысяч лет. Древнекитайская же система государственного управления сохранилась до XX в., не претерпев радикальных изменений, как раз благодаря своей гибкости и активному контакту с мыслителями, отражающими в своих трудах переживания и ожидания населения, параллельно формируя в населении лояльность к власти. Древнеегипетская система управления, напротив, такой гибкости была лишена, что привело к ее износу и краху.

Таким образом, эффективному механизму управления в Древнем Китае способствовал целый ряд факторов. Среди них, в первую очередь – подробные и обстоятельные философские учения о законе и морали, их синтез, способствовавший формированию правосознания китайского народа, в котором укреплялся авторитет власти, независимо от ее действий, в ряде случаев носивших весьма жесткий характер, что стабилизировало обстановку в обществе и государстве, а также гибкий подход правящей верхуш-

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-funktsiya-gosudarstva-v-drevnem-mire-na-materiale-kitaya>

⁸ См.: *Лугвин С. Б.* Китайская государственная бюрократия как результат трансформационных процессов древнекитайского общества // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухоро. 2000. № 3(3). С. 89–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-gosudarstvennaya-byurokratiya-kak-rezultat-transformatsionnyh-protsessov-drevnekitayskogo-obschestva>

ки к отдельным властным элементам, к числу которых можно отнести гарантии социальной мобильности, улучшение бюрократического аппарата государства, благодаря чему было заметно повышение качества принимаемых правителем и чиновниками решений. Эти факторы обусловили и то, что механизм государственного управления в Древнем Китае отличался потрясающе долгим сохранением своей целостности в течение многих веков.

Библиографический список

Иванов Ю. А. История государства и права зарубежных стран / Ю. А. Иванов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – Т. I.

Исаев И. А. История Государства и права зарубежных стран / И. А. Исаев. – М. : Проспект, 2008.

Кравцова М. Е. «Жёлтое» и «Зелёное» в палитре древнекитайской истории : некоторые соображения о генезисе китайской государственности / М. Е. Кравцова // Общество и государство в Китае. – 2012. – Т. 42, № 1. – С. 347–353. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhyoltoe-i-zelyonoe-v-palitre-drevnekitayskoy-istorii-nekotorye-soobrazheniya-o-genezise-kitayskoy-gosudarstvennosti>

Лугвин С. Б. Китайская государственная бюрократия как результат трансформационных процессов древнекитайского общества / С. Б. Лугвин // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухого. – 2000. – № 3(3). – С. 89–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-gosudarstvennaya-byurokратиya-kak-rezultat-transformatsionnyh-protseessov-drevnekitayskogo-obschestva>

Моисеева О. Древнекитайская политико-правовая мысль о наградах и наказаниях / О. Моисеева, О. Блинова // Юрислингвистика. – 2022. – № 24(35). – С. 26–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnekitayskaya-politiko-pravovaya-mysl-o-nagradah-i-nakazaniyah>

Наумова Т. В. Сыновняя почтительность (Конфуций о древнекитайской культуре сыновней почтительности как об одной из основ государственного устройства) / Т. В. Наумова // Дискурс-Пи. – 2004. – Т. 4, № 1. – С. 26–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/synovnyaya-pochtitelnost-konfutsiy-o-drevnekitayskoy-kulture-synovney-pochtitelnosti-kak-ob-odnoy-iz-osnov-gosudarstvennogo-ustroystva>

Шарков А. В. Социальная функция государства в Древнем мире (на материале Китая) / А. В. Шарков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3. – С. 292–296. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-funktsiya-gosudarstva-v-drevnem-mire-na-materiale-kitaya>

Яблоков И. Н. История Религии / И. Н. Яблоков. – М. : Высшая школа, 2004. – Т. 1.

References

Ivanov Yu. A. History of the state and law of foreign countries / Yu. A. Ivanov. – Voronezh : VSU Publishing House, 2020. – Т. I.

Isaev I. A. History of the State and law of foreign countries / I. A. Isaev. – М. : Prospect, 2008.

Kravtsova M. E. “Yellow” and “Green” in the palette of ancient Chinese history : some considerations on the genesis of Chinese statehood / M. E. Kravtsova // Society

and the State in China. – 2012. – Vol. 42, No. 1. – Pp. 347–353. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhyoltoe-i-zelyonoe-v-palitre-drevnekitayskoy-istorii-nekotorye-soobrazheniya-o-genezise-kitayskoy-gosudarstvennosti>

Lugvin S. B. Chinese state bureaucracy as a result of transformation processes of ancient Chinese society / S. B. Lugvin // Bulletin of Gomel State Technical University named after P. O. Sukhoi. – 2000. – № 3(3). – Pp. 89–95. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskaya-gosudarstvennaya-byurokratiya-kak-rezultat-transformatsionnyh-protsessov-drevnekitayskogo-obschestva>

Moiseeva O. Ancient Chinese political and legal thought about rewards and punishments / O. Moiseeva, O. Blinova // Jurislinguistics. – 2022. – № 24(35). – Pp. 26–31. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnekitayskaya-politiko-pravovaya-mysl-o-nagradah-i-nakazaniyah>

Naumova T. V. Filial piety (Confucius on the ancient Chinese culture of filial piety as one of the foundations of the state system) / T. V. Naumova // Discourse-Pi. – 2004. – Vol. 4, No. 1. – Pp. 26–27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/synovnyaya-pochtitelnost-konfutsiy-o-drevnekitayskoy-kulture-synovney-pochtitelnosti-kak-obodnoy-iz-osnov-gosudarstvennogo-ustroystva>

Sharkov A. V. The social function of the state in the Ancient world (based on the material of China) / A. V. Sharkov // Historical and socio-educational thought. – 2014. – No. 3. – Pp. 292–296. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-funktsiya-gosudarstva-v-drevnem-mire-na-materiale-kitaya>

Yablokov I. N. History of Religion / I. N. Yablokov. – М. : Publishing House Higher School, 2004. – Vol. 1.

Для цитирования:

Чеботарев Д. А. Идеологические начала деспотической власти в Древнем Китае // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2(3). С. 173–179.

Recommended citation:

Chebotaryov D. A. The Ideological grounds of despotic power in Ancient China // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 2(3). Pp. 173–179.

Информация об авторе

Чеботарев Денис Алексеевич – студент образовательной программы бакалавриата «Юриспруденция» юридического факультета Воронежского государственного университета

E-mail: chebotarevdlaw@gmail.com

Information about the author

Chebotaryov Denis Alekseevich – Student of the Undergraduate Educational Program “Jurisprudence” at the Faculty of Law

E-mail: chebotarevdlaw@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо приложить в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или подписанный научным руководителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфавитном порядке. Библиографический список подлежит переводу на английский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – М. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbrukh G. Legal philosophy / G. Radbrukh. – М. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Praesens rege Corrigere praetertum
Cerne futurum Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum